

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научный журнал
Издается с октября 2006 г.
Выходит четыре раза в год

E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 2072-2427
e-ISSN 2687-122X
2026
Т. 21(1–4)
№ 2

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

2026. Т. 21(1–4), № 2

ISSN 2072-2427
E-ISSN 2687-122X

Научный журнал.

Издается с октября 2006 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\).](#)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74887 от 21.01.2019.](#)

Главный редактор – [А. П. Скиба.](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.

Е-mail: editor62@yandex.ru.

<https://journals.rcsi.science/2072-2427>

Дата выхода в свет 30.06.2026. Цена свободная.

Тираж 1500 (1-й завод – 32) экз.

Заказ № 211.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

© Академия ФСИН России, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Скиба Андрей Петрович, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, apskiba@mail.ru.

Родионов Алексей Владимирович, заместитель главного редактора, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, менеджмента, организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, avrpost@bk.ru.

Бутенко Татьяна Павловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия, butanya1979@yandex.ru.

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, gromov_vg@mail.ru.

Детков Алексей Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия, kafupik@law.asu.ru.

Ермасов Евгений Викторович, кандидат исторических наук, заместитель директора Департамента государственной политики в сфере уголовно-исполнительной системы, Минюст России; доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, МГЮА; ведущий научный сотрудник, НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, vyk6974@yandex.ru.

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, isv1970@mail.ru.

Кашуба Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, koshianatol@yandex.ru.

Кийко Николай Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник уголовно-исполнительного факультета, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, avant_n@mail.ru.

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия, uglaw@yandex.ru.

Кунц Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, 73kuntc@mail.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия, malikov_bz@mail.ru.

Малолеткина Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, г. Самара, Россия, levkovka707@mail.ru.

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия, petryanin@mail.ru.

Салаев Нодирбек Сапарбаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и противодействия коррупции, Ташкентский государственный юридический университет, г. Ташкент, Узбекистан, nodir-law@mail.ru.

Скаков Айдаркан Байдекович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры организации исполнения наказаний, Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, г. Костанай, Казахстан, aidarkan@mail.ru.

Скоморох Олег Александрович, кандидат юридических наук, доктор богословия, профессор кафедры церковно-практических дисциплин, Санкт-Петербургская духовная академия, г. Санкт-Петербург, Россия, skomorokh@mail.ru.

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия, n.scripchenko@narfu.ru.

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru.

Терещенко Татьяна Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, tati2034@yandex.ru.

Токубаев Зайрулла Сембаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Центрально-Казахстанская академия, г. Караганда, Казахстан, zairulla@mail.ru.

Уткин Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, utkin@ui.tsu.ru.

Шабанов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by.

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия, sofish@inbox.ru.

EDITORIAL BOARD

Skiba Andrey Petrovich, Editor-in-chief, DSc (Law), Professor, dean of the faculty of scientific and pedagogical personnel training and organization of research work, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia; professor of the penal law and organization of educational work with convicts Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, apskiba@mail.ru.

Rodionov Alexey Vladimirovich, Deputy Editor-in-chief, DSc (Economics), Associate Professor, professor of department of economics, management, organization of production activities and labor adaptation of convicts, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, avrpost@bk.ru.

Butenko Tatyana Pavlovna, PhD (Law), Associate Professor, head of criminal law department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, butanya1979@yandex.ru.

Gromov Vladimir Gennadievich, DSc (Law), Professor, professor of criminal, environmental law and criminology department, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, gromov_vg@mail.ru.

Detkov Aleksey Petrovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Altai State University, Barnaul, Russia, kafupik@law.asu.ru.

Ermasov Evgeny Viktorovich, PhD (History), deputy director of the Department of State Policy in the Field of the Penal System, Ministry of Justice of Russia; associate professor of criminology and penal law department, Moscow State Law Institute; leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, vvk6974@yandex.ru.

Ivantsov Sergey Vyacheslavovich, DSc (Law), Professor, Academic Secretary of the Academic Council, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, isv1970@mail.ru.

Kashuba Yuriy Anatolevich, DSc (Law), Professor, professor of penal law and organization of educational work with convicts department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, koshianatol@yandex.ru.

Kiyko Nikolay Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, head of penal law faculty, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, avant_n@mail.ru.

Kozachenko Ivan Yakovlevich, DSc (Law), Professor, Honored worker of science of the Russia, head of criminal law department, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia, uglaw@yandex.ru.

Kunts Elena Vladimirovna, DSc (Law), Professor, chief researcher of department for the development of methodologies for the execution of sentences related to deprivation of liberty and the study of penal crime of the Center for the study of security issues in institutions of the penal system, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Malikov Boris Zufarovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Ufa, Russia, malikov_bz@mail.ru.

Maloletkina Natalia Sergeevna, PhD (Law), Associate Professor, head of public law disciplines department, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara, Russia, levkovka707@mail.ru.

Petryanin Alexey Vladimirovich, DSc (Law), Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russia, Nizhny Novgorod, Russia, petryanin@mail.ru.

Salaev Nodirbek Saparbaevich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law, criminology and anti-corruption department, Tashkent State Law University, Tashkent, Uzbekistan, nodir-law@mail.ru.

Skakov Aydarkan Baidekovich, DSc (Law), Professor, professor of execution of sentences organization department, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev, Kostanay, Kazakhstan, aidarkan@mail.ru.

Skomorokh Oleg Alexandrovich, PhD (Law), Doctor of Theology, professor of ecclesiastical and practical disciplines department, St. Petersburg Theological Academy, St. Petersburg, Russia, skomorokh@mail.ru.

Skipchenko Nina Yurievna, DSc (Law), Associate Professor, professor of criminal law and procedure department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, n.skipchenko@narfu.ru.

Teplyashin Pavel Vladimirovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru.

Tereshchenko Tatyana Georgievna, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, tati2034@yandex.ru.

Tokubaev Zairulla Sembayevich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and procedure department, Central Kazakhstan Academy, Karaganda, Kazakhstan, zairulla@mail.ru.

Utkin Vladimir Aleksandrovich, DSc (Law), Professor, Honored lawyer of the Russia, head of penal law and criminology department of Law Institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russia, utkin@ui.tsu.ru.

Shabanov Vyacheslav Borisovich, DSc (Law), Professor, head of criminology department, Belarusian State University, Minsk, Belarus, lawcrim@bsu.by.

Shesler Alexander Viktorovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law disciplines department, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, sofish@inbox.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

Деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, играет важную роль в функционировании правоохранительной системы России, а также в обеспечении целостности внутренней политики государства. Уголовно-исполнительное право ориентировано на достижение целей наказания, органично дополняет различные правоотношения в области уголовного права, уголовного процесса, общественного контроля, прокурорского надзора и других форм обеспечения законности при исполнении уголовных наказаний, а также затрагивает сферу управленческих, экономических, психолого-педагогических и иных основ деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Немаловажное значение имеет исследование международных стандартов и зарубежного опыта в области исполнения уголовных наказаний. В связи с этим журнал «Уголовно-исполнительное право» является площадкой для обсуждения теоретических, правовых, организационных и иных аспектов исполнения уголовных наказаний, а также деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Журнал посвящен актуальным проблемам теории уголовно-исполнительного права, эффективности и практики его применения, межотраслевым аспектам применения уголовных наказаний, совершенствованию уголовно-исполнительного и иного законодательства, разнообразным аспектам деятельности уголовно-исполнительной системы и других учреждений и органов, исполняющих наказания, а также их взаимодействию с различными органами (организациями). Издание ориентировано на расширение контактов между учеными-пенитенциаристами, специалистами из других отраслей науки России и других государств, занимающимися различными аспектами деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Рубрики журнала охватывают все основные разделы уголовно-исполнительного права, межотраслевые

Journal mission

The activities of institutions and bodies that execute criminal penalties play an important role in the functioning of the Russian law enforcement system, as well as in ensuring the integrity of the state's internal policy. Penal law is aimed at achieving the goals of punishment, organically complements the various legal relations in the field of criminal law, criminal procedure, public control, prosecutorial supervision and other forms of ensuring the rule of law in the execution of criminal penalties, and also affects the sphere of administrative, economic, psychological, pedagogical and other activities of institutions and bodies executing punishment. The study of international standards and foreign experience in the field of execution of criminal sanctions is of great importance. In this regard, the journal «Penal law» is a platform for discussion of theoretical, legal, organizational and other aspects of the execution of criminal penalties, as well as the activities of institutions and bodies executing punishment. The journal is devoted to actual problems of theory of penal law, efficiency and practice of its application, cross-sectoral aspects of the application of criminal penalties, improvement of penal and other legislation, various aspects of Penal system and other institutions and bodies executing sentences, as well as their interaction with various bodies (organizations). The publication is aimed at expanding contacts between penitentiary scientists, specialists from other branches of science in Russia and other countries involved in various aspects of activities of institutions and bodies executing punishment. The headings of the journal cover all the main sections of penal law, inter-sectoral aspects of the application of criminal penalties, take into account the full range of penal issues. The journal publishes announcements of conferences and other information about scientific and educational life. Specific sections dedicated to the ideas of famous penitentiary scientists, including M. N. Galkin-Vraskoj, N. A. Struchkov and M. P. Melentiev.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

аспекты применения уголовных наказаний, учитывают весь спектр уголовно-исполнительной проблематики. На страницах журнала размещаются анонсы конференций и иные сведения о научной и образовательной жизни. Отдельные рубрики посвящены идеям известных пенитенциаристов, в том числе М. Н. Галкина-Враского, Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций;

свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication Frequency

Quarterly.

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Недопускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL: www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ СТРУЧКОВУ И МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ МЕЛЕНТЬЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

- 190** *Борсученко С. А.* Научные идеи Николая Алексеевича Стручкова и проблемы их реализации в современных условиях

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

- 198** *Скиба А. П.* К вопросу об использовании специальных знаний при исполнении приговора: теоретико-правовые проблемы

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

- 209** *Симончук Е. Р.* Ретроспективный анализ становления института пробации в Российской Федерации

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- 221** *Баумштейн А. Б.* Ресоциализация как фактор снижения пенитенциарной преступности: доказательная пенитенциарная профилактика (образование, труд, терапевтические программы, постпенитенциарное сопровождение)
- 235** *Горбань Д. В.* Проблемные аспекты и пути совершенствования механизма привлечения осужденных к лишению свободы к дисциплинарной ответственности

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

- 244** *Ермасов Е. В., Бурыхин В. С.* Нормативно-правовое регулирование в организации лечения больных туберкулезом
- 267** *Богомолов С. Ю., Неганов Д. А., Петрянина О. А.* Понятие коррупции в законодательстве и доктрине: сравнительный анализ и направления оптимизации
- 274** *Евстропов Д. А., Кондаков А. В.* Структурные особенности 3D-моделей и их значение для криминалистических исследований
- 285** *Дмитриев А. И.* Криминологическая характеристика и доктринальные проблемы квалификации деяний, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации
- 292** *Скибенко А. Ю.* Теоретико-правовые аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности при разрешении вопросов, рассматриваемых в стадии исполнения приговора

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

- 300** *Мяханова А. Н.* Положение Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении» от 2024 года: авторский перевод ряда статей и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации (часть 3)

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

- 304** *Юзиханова Э. Г.* Рецензия на рукопись монографии «Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона “О пробации в Российской Федерации”» (2-е издание, 2026 год)
- 308** *Корнеев С. А.* Институт иных мер уголовно-правового характера: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты

ПЕРСОНА

- 315** Профессор Андрей Петрович Скиба: к 50-летию со дня рождения

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

- 320** *Грушин Ф. В.* Тернистый путь гуманизации (интервью с доктором юридических наук, ассоциированным профессором Куатом Хажумухановичем Рахимбердиным, приуроченное к 55-летнему юбилею)

НИКОЛАЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ СТРУЧКОВУ И МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ МЕЛЕНТЬЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Научная статья
УДК 34-051

НАУЧНЫЕ ИДЕИ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА СТРУЧКОВА И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Светлана Алексеевна Борсученко¹

¹ Академия гражданской защиты МЧС России, г. Химки, Россия, bca38@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена творческому наследию профессора Николая Алексеевича Стручкова, правовой оценке его научных взглядов, их актуальности и соответствия духу времени. В контексте рассматриваемых вопросов проведен анализ уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, судебной практики, статистических данных, нормативных и научных источников, определены возможные пути решения выявленных проблем и предложены рекомендации. Методологию проведенного исследования составил диалектический подход. В целях получения достоверных и научно обоснованных результатов комплексно применялись формально-юридический, сравнительно-правовой, логический и системный методы исследования. Цель исследования – повышение эффективности законодательства «криминального цикла» и практики его применения с учетом доктринального наследия профессора Николая Алексеевича Стручкова.

Ключевые слова: уголовное наказание, санкция, суд, уголовно-исполнительное право

Для цитирования

Борсученко С. А. Научные идеи Николая Алексеевича Стручкова и проблемы их реализации в современных условиях // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 190–197.

DEDICATED TO NIKOLAJ ALEKSEEVICH STRUCHKOV AND MIHAIL PETROVICH MELENT'EV

Original article

SCIENTIFIC IDEAS OF NIKOLAI ALEKSEEVICH STRUCHKOV AND THE PROBLEMS OF THEIR IMPLEMENTATION IN MODERN CONDITIONS

Svetlana Alekseevna Borsuchenko¹

¹ Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russia,
bca38@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the creative legacy of Professor Nikolai Alekseevich Struchkov, the legal assessment of his scientific views, their relevance and compliance with the spirit of the times. In the context of the issues under consideration, an analysis of criminal, criminal procedure and penal legislation, judicial practice, statistical data, regulatory and scientific sources was carried out, possible solutions to the identified problems were identified and recommendations were proposed. The methodology of the conducted research was based on a dialectical approach. In order to obtain reliable and scientifically based results, formal legal, comparative legal, logical and systematic research methods were comprehensively applied. The purpose of the study is to increase the effectiveness of the legislation of the "criminal cycle" and the practice of its application, taking into account the doctrinal legacy of Professor Nikolai Alekseevich Struchkov.

Keywords: criminal punishment, sanction, court, penal law

For citation

Borsuchenko, S. A. 2026, 'Scientific ideas of Nikolai Alekseevich Struchkov and the problems of their implementation in modern conditions', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 190–197.

Николай Алексеевич Стручков известен в профессиональной юридической среде как выдающийся ученый, автор более 300 научных работ, посвященных уголовному праву, исправительно-трудовому праву (и его преемнику уголовно-исполнительному праву), криминологии, уголовной политике, многие из которых были изданы за рубежом.

Профессор Н. А. Стручков является родоначальником исправительно-трудового права, он обосновал его самостоятельность как отрасли права, разработал понятийный аппарат, основные правовые категории и институты. Результаты его исследований нашли отражение в Основах исправительно-трудового законодательства СССР (1969 г.), исправительно-трудовых кодексах союзных республик (1970–1971 гг.), Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации 1997 г. (УИК РФ), многочисленных ведомственных актах и применяются на практике.

Н. А. Стручков аргументировал необходимость перехода от исправительно-трудового к уголовно-исполнительному праву, ему принадлежит несомненный приоритет в

разработке большей части его современных теоретических основ, а также концептуальных положений, на которых базируется реформа уголовно-исполнительной системы.

Будучи блистательным ученым и руководителем научных подразделений, Н. А. Стручков создал свою школу по подготовке научных и научно-педагогических кадров. Им подготовлено 48 кандидатов наук, многие из которых впоследствии защитили докторские диссертации, обеспечив тем самым преемственность поколений.

Благодаря этому талантливому человеку исправительно-трудовое право активно развивалось, изучался зарубежный опыт, международные рекомендации, гуманитарные аспекты процесса исполнения наказаний, правового статуса осужденных, исследовались проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы. Очевидно, что эффективность реформы уголовно-исполнительной системы, целью которой является обеспечение государственной и общественной безопасности, во многом зависит от стабильности уголовно-исполнительного законодательства и осмысленной правоприменительной практики, в связи с чем необходима продуманная кадровая политика, прочная связь дореволюционной, советской и современной пенитенциарных школ.

В последние годы наметилась тревожная тенденция ввиду реализации вузами «дорожной карты Минобрнауки России». Поскольку федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования не предусматривает в качестве обязательной дисциплины уголовно-исполнительное право, на юридических факультетах оно преподается преимущественно у студентов уголовно-правовой специализации, что не способствует качеству юридического образования, теоретической подготовке широкого круга специалистов, научному потенциалу.

Так, в настоящее время в академической среде нет единства мнений относительно понятия и содержания наказания, его целей и задач, о чем свидетельствуют дискуссии на научных конференциях, несмотря на то что мировым сообществом еще в прошлом веке выработаны концептуальные подходы касательно сущности уголовного наказания и процесса его исполнения в аспекте обеспечения национальных интересов, определяющие направления уголовной политики России, а также деятельность уголовно-исполнительной системы, которые дают положительные результаты по снижению уровня рецидивной преступности, улучшению санитарно-эпидемиологической обстановки, экономии бюджетных средств и иных ресурсов¹.

Несовершенна и судебная практика. Судами допускаются ошибки при назначении отдельных видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера, назначении наказания по совокупности преступлений и приговоров, исчислении сроков наказаний и зачете наказания, учете смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, применении отсрочки отбывания наказания, определении вида исправительного учреждения.

Неоднократно в Минюсте России при участии руководства ФСИН России, уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, представителей Общественной палаты Российской Федерации, членов экспертного совета, правозащитников обсуждались недостатки применения судами ст. 79 УК РФ, предусматривающей условно-досрочное освобождение, и ч. 2 ст. 81 УК РФ, предусматривающей возможность освобождения от наказания в связи тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания.

¹ См.: Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.

Н. А. СТРУЧКОВУ И М. П. МЕЛЕНТЬЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Условно-досрочное освобождение является важным элементом прогрессивной системы исполнения наказания, стимулирующим правопослушное поведение осужденного, позволяющим минимизировать негативные последствия изоляции и неблагоприятного социального окружения. Однако суды часто несправедливо и необоснованно отказывают в удовлетворении ходатайства положительно характеризующимся осужденным, что негативно влияет на их ресоциализацию и дальнейшую социальную адаптацию, не позволяет снизить нагрузку на сотрудников исправительных учреждений, а также противоречит процессу гуманизации уголовно-исполнительной системы, его рациональному подходу к каре.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 г. процент удовлетворенных ходатайств об условно-досрочном освобождении составил менее 20 %. В 2025 г. данная мера была применена в отношении 14 590 осужденных¹.

Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, предусмотренной ст. 80 УК РФ. В 2024 г. в судах было рассмотрено 34 648 ходатайств и представлений о соответствующей замене наказания, из которых были удовлетворены только 13 097². Такая практика противоречит и позиции Верховного Суда, согласно которой суды не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания по основаниям, не указанным в законе, таким, например, как наличие прежней судимости, мягкость назначенного наказания, непризнание вины, кратковременность пребывания в одном из исправительных учреждений.

Характер и степень общественной опасности совершенного преступления, в том числе его тяжесть и последствия, не являются основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства или представления. Даже наличие у осужденного взысканий не свидетельствует о том, что он нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания. Разрешая этот вопрос, суд должен учитывать конкретные обстоятельства, тяжесть и характер каждого допущенного осужденным нарушения за весь период отбывания наказания, данные о снятии или погашении взысканий, время, прошедшее с момента последнего взыскания, последующее поведение и другие сведения, характеризующие осужденного.

Негативно складывается судебная практика по досрочному освобождению осужденных от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с тяжелой болезнью, препятствующей дальнейшему отбыванию наказания [1, с. 42–49]. Проблема заложена в самой конструкции ч. 2 ст. 81 УК РФ, в соответствии с которой освобождение по данному основанию является не обязанностью, а правом суда.

Необходимо также усовершенствовать процедуру медицинского освидетельствования осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью, сделать ее более доступной и менее формализованной. Полагаем, что при наличии медицинского заключения освобождение осужденного от наказания в связи с иной тяжелой болезнью должно являться для суда обязательным условием. Посколь-

¹ См.: Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. URL: <https://stat.apn-press.pf/stats/ug/t/15/s/13?ysclid=mnagt25b72233004053> (дата обращения: 19.03.2026).

² См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 19.03.2026).

ку институт освобождения от наказания в связи с болезнью направлен на облегчение страданий осужденного, представляется, что единственным основанием для отказа в освобождении данной категории лиц могут являться лишь такие обстоятельства, в силу которых осужденный в случае его освобождения может оказаться в более опасных условиях для течения его болезни, чем при содержании в исправительном учреждении (отсутствие постоянного места жительства или социальных связей).

Необходимо также учитывать, что заболеть тяжелой болезнью лицо может и до совершения преступления, а заболевание может быть обнаружено после совершения преступления.

С учетом указанных обстоятельств предлагаем изменить ч. 2 ст. 81 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«Лицо, заболевшее иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, освобождается судом от отбывания наказания при наличии постоянного места жительства или социальных связей».

Согласно ч. 8 ст. 399 УПК РФ постановление суда в части освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью подлежит немедленному исполнению.

По данным статистики, в 2024 г. судами было рассмотрено 1786 ходатайств от осужденных с тяжелыми заболеваниями, было удовлетворено 1007 из них. Как отмечал профессор Н. А. Стручков, кара была и остается сущностью наказания, но она не может выступать в качестве его цели. Такая судебная практика противоречит и политике государства в целом. Президент РФ В. В. Путин на совещании судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов Российской Федерации, проходившем 20–21 февраля 2025 г. в Москве, призвал продолжать гуманизацию уголовного правосудия¹.

Заслуживает внимания предложение профессора А. П. Скибы об освобождении больных лиц, осужденных к лишению свободы, по амнистии [2, с. 115–120]. Данная мера позволит не только сократить количество лиц в исправительных учреждениях, но и улучшить эпидемиологическую обстановку в них, а также снизить нагрузку на ведомственную медицину.

Обращает на себя внимание и проблема построения санкций Особенной части УК РФ. Законодатель не уделяет должного внимания конструированию санкции уголовно-правовой нормы, что приводит к их криминологической необоснованности, бессистемности и рассогласованности [3, с. 359–371].

В юридической литературе анализируются многочисленные недостатки, связанные с разнобразием в видах и размерах наказаний однородных преступлений (например, п. «г» ч. 3 ст. 158 и ч. 1 ст. 159.3 УК РФ) и смежных составов преступлений (например, ч. 3 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ); с наличием завышенных (например, ст. 158.1 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до одного года) и заниженных (например, ч. 1, 2 ст. 174 УК РФ) санкций, не соответствующих характеру и степени общественной опасности деяний; с большим разрывом между минимальной и максимальной границами срока наказания (например, ч. 2 ст. 166 УК РФ предусматривает от двух месяцев (по ч. 2 ст. 56 УК РФ) до семи лет лишения свободы); с чрезмерной альтернативностью санкций (например, ч. 1 ст. 158 УК РФ); с рассогласованностью санкций между собой (например, гл. 21 УК РФ) и др. [4, с. 3–6; 5, с. 146–157]. Это обусловлено значительными изменениями

¹ См.: В. В. Путин призвал продолжать гуманизацию уголовного правосудия. URL: <https://ria.ru/20250220/putin-2000562958.html> (дата обращения: 21.03.2026).

Н. А. СТРУЧКОВУ И М. П. МЕЛЕНТЬЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

и дополнениями, внесенными в уголовный закон, но в большей степени связано с отсутствием четких критериев техники построения санкций и определения их эффективности.

Профессор Н. А. Стручков делал акцент на необходимости триады законодательства криминального цикла с позиции согласованности уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных норм, с учетом междисциплинарного подхода к формированию уголовной политики, что актуально и в наши дни.

Следует обратить внимание на неточное соответствие положений УК РФ и УИК РФ. Так, не наблюдается единообразия в правилах, предусмотренных ст. 58 УК РФ «Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения» и ст. 74 УИК РФ «Виды исправительных учреждений», а также не определен порядок назначения судом лечебного исправительного учреждения; ч. 2 ст. 49 УК РФ и ч. 2 ст. 27 УИК РФ (в части установления времени отбывания обязательных работ).

Содержание ст. 54 УК РФ не учитывает, что общеуголовный арест и арест в отношении военнослужащих представляют собой самостоятельные виды наказаний, которые регулируются в УИК РФ отдельными нормами (гл. 10, 19).

Часть 2 ст. 78 УИК РФ, закрепляющая порядок изменения вида исправительного учреждения для положительно характеризующихся осужденных к лишению свободы, не выдерживает конкуренции с ч. 3 ст. 79 УК РФ, предоставляющей возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, и делает данную норму нерабочей. Уголовный закон не содержит правила замены наказания более мягким видом, хотя такой алгоритм способствовал бы единообразию судебной практики. На наш взгляд, это важно при замене оставшейся неотбытой части наказания в виде ограничения по военной службе более мягким видом наказания, поскольку из числа наказаний, назначаемых военнослужащим, он является менее строгим.

Отдельные статьи УИК РФ имеют редакционные погрешности, неточные либо некорректные формулировки, встречаются также коллизии и пробелы правового регулирования. Так, по смыслу ст. 23 УИК РФ общественный контроль за обеспечением прав человека в исправительных центрах, исправительных учреждениях и дисциплинарных воинских частях осуществляют исключительно общественные наблюдательные комиссии, а другие субъекты, указанные в законе, оказывают лишь содействие лицам, в них находящимся, что противоречит понятию и содержанию общественного контроля, его предмету и методам.

Глава 3 УИК РФ не содержит четкого перечня субъектов, осуществляющих контроль за деятельностью персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, установленного ст. 38 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». В ч. 1 ст. 74 УИК РФ некорректно сформулирован перечень осужденных, отбывающих лишение свободы в следственных изоляторах. Часть 6 ст. 74 УИК РФ не подразделяет колонии особого режима на два самостоятельных вида: для особо опасных рецидивистов и специализированные для осужденных к пожизненному лишению.

Часть 3 ст. 78 УИК РФ устанавливает ограничения для перевода осужденных в колонию-поселение (речь идет об осужденных при особо опасном рецидиве преступлений и осужденных к пожизненному лишению свободы в случае замены им этого вида наказания в порядке помилования лишением свободы на определенный срок), что затрудняет процесс их социальной адаптации и подготовку к освобождению.

Глава 16 УИК РФ не регулирует порядок и условия отбывания наказания в виде лишения свободы в лечебных исправительных учреждениях, а также в следственных изоляторах.

Части 1, 2 ст. 173.1 УИК РФ не имеют четкого соответствия со ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», определяющей перечень лиц, в отношении которых устанавливается административный надзор.

В настоящее время не получила развития спорная, но интересная идея профессора Н. А. Стручкова относительно правового регулирования исполнения процессуальных мер пресечения в рамках самостоятельного раздела «Уголовно-исполнительный процесс» УИК РФ [6]. Этот межотраслевой институт до сих пор не имеет должной законодательной регламентации, поскольку закреплен в гл. 13 УПК РФ, а контроль за исполнением запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) и домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) возложен на уголовно-исполнительные инспекции в соответствии с постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности». Полагаем, что и материальные права (обязанности) подозреваемых и обвиняемых при исполнении мер пресечения не должны регулироваться уголовно-процессуальным законом. Очевидно, что данный вопрос требует дальнейшего изучения и решения.

У концепции, предложенной Н. А. Стручковым, по систематизации уголовно-исполнительных процессуальных норм (то есть более широкого подхода) есть свои сторонники и последователи [7, с. 62–68]. Однако сегодня не хватает такой масштабной, многогранной и консолидирующей личности, которой был и остается в наших сердцах человек и большой ученый Н. А. Стручков.

Список источников

1. Селиверстов В. И. Правовые проблемы освобождения осужденных от отбывания уголовного наказания по болезни // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 7(35). С. 42–49.
2. Скиба А. П. К вопросу об обоснованности регулярного освобождения по амнистии больных лиц, осужденных к лишению свободы // Вестник Южно-Российского университета. 2007. № 1. С. 115–120.
3. Александрова В. В. Оптимальная санкция уголовно-правовой нормы: постановка проблемы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4(60). С. 359–371.
4. Авдеенко Н. А. Категоризация преступлений как средство оптимизации уголовно-правовых санкций // Актуальные проблемы права, государства и экономики : материалы VIII Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22 апр. 2017 г.) / под ред. А. А. Сапожкова. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Академии Генпрокуратуры России, 2017. Ч. 2. С. 3–6.
5. Скворцова О. В., Новик М. П., Панасенко А. Р. Проблемы построения санкций за преступления в сфере экономики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3(69), № 3. С. 146–157.
6. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М. : Юрид. лит., 1967. 191 с.
7. Орлов В. Н. Концепции профессора Н. А. Стручкова и перспективы развития уголовно-исполнительного права // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 7. С. 62–68.

References

1. Seliverstov, V. I. 2017, 'Legal problems of release of convicts from serving criminal sentences due to illness', *Bulletin of the O. E. Kutafin University*, iss. 7(35), pp. 42–49.
2. Skiba, A. P. 2007, 'On the issue of the validity of regular release under amnesty of sick persons sentenced to imprisonment', *Bulletin of the South Russian University*, iss. 1, pp. 115–120.
3. Alexandrova, V. V. 2022, 'Optimal sanction of the criminal law norm: problem statement', *Penitentiary science*, vol. 16, iss. 4(60), pp. 359–371.
4. Avdeenko, N. A. 2017, 'Categorization of crimes as a means of optimizing criminal law sanctions', in A. A. Sapozhkov (ed.), *Actual problems of law, state and economics: proceedings of the VIII All-Russian Scientific Conference (St. Petersburg, April 22, 2017)*, part 2, pp. 3–6, St. Petersburg.
5. Skvortsova, O. V., Novik, M. P. & Panasenkov, A. R. 2017, 'Problems of building sanctions for crimes in the field of economics', *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, vol. 3(69), iss. 3, pp. 146–157.
6. Natashev, A. E. & Struchkov, N. A. 1967, *Fundamentals of the theory of correctional labor law*, Moscow.
7. Orlov, V. N. 2017, 'Concepts of Professor N. A. Struchkov and prospects for the development of penal enforcement law', *Bulletin of the O. E. Kutafin University*, iss. 7, pp. 62–68.

Информация об авторе

С. А. Борсученко – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин.

Information about the author

S. A. Borsuchenko – PhD (Law), Associate Professor, head of the legal disciplines department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 04.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 04.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 343.15

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Андрей Петрович Скиба¹

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного Комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, apskiba@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема, недостаточно исследованная и не урегулированная ни в уголовно-исполнительном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве, относительно использования специальных знаний как при исполнении наказаний, так и в производстве по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Обращается внимание на межотраслевые проблемы регламентации различных аспектов исполнения приговора (об условно-досрочном освобождении, изменении вида исправительного учреждения, освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного, отсрочке исполнения приговора). Констатируется отсутствие надлежащей правовой основы участия соответствующих должностных лиц, обладающих специальными знаниями, в судебных заседаниях на рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства, правового положения как их самих, так и осужденных, состояние психического или физического здоровья которых оценивается. Дополнительно выделяется проблема использования специальных знаний при исполнении наказаний.

Ключевые слова: специальные знания, эксперт, стадии исполнения приговора, болезнь осужденного, условно-досрочное освобождение, принудительные меры медицинского характера

Для цитирования

Скиба А. П. К вопросу об использовании специальных знаний при исполнении приговора: теоретико-правовые проблемы // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 198–208.

THEORY OF PENAL LAW

Original article

ON THE ISSUE OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE EXECUTION OF SENTENCES: THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS

Andrey Petrovich Skiba¹

¹ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, apskiba@mail.ru

Abstract. The article examines a problem that has not been sufficiently investigated and regulated either in penal enforcement or in criminal procedure legislation regarding the use of special knowledge both in the execution of punishments and in proceedings to resolve issues related to the execution of sentences. Attention is drawn to the intersectoral problems of regulating various aspects of the execution of a sentence (on parole, changing the type of correctional institution, release from serving a sentence due to illness of the convict, postponement of execution of the sentence). It is stated that there is no proper legal basis for the participation of relevant officials with special knowledge in court sessions at the stage of criminal proceedings under consideration, the legal status of both themselves and the convicts, whose mental or physical health is being assessed. Additionally, the problem of using special knowledge in the execution of punishments is highlighted.

Keywords: special knowledge, expert, stages of execution of the sentence, illness of the convict, parole, compulsory medical measures

For citation

Skiba, A. P. 2026, 'On the issue of the use of special knowledge in the execution of sentences: theoretical and legal problems', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 198–208.

Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве сложно переоценить, поскольку это необходимо для эффективного досудебного и судебного производства по уголовному делу [1–3]. Специальные экономические, бухгалтерские, лингвистические, психологические, психиатрические, медицинские и иные знания необходимы для достижения назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного в ст. 6 УПК РФ. Нередко на практике результаты экспертной деятельности играют основополагающую роль в расследовании уголовного дела, причем специальные знания составляют основу для вынесения судьей законного, обоснованного и справедливого решения. Для этого в уголовно-процессуальном законе (ст. 5, 42, 47, 49, 57, 58, 70, 74, 80, 119, 195–199, 203 и др.) определены:

- понятия судебной экспертизы, экспертного учреждения, заключения эксперта, его показаний и пр.;

- права и обязанности различных участников уголовного судопроизводства в данной сфере, в том числе при назначении судебной экспертизы и ознакомлении с ее результатами;

– правовой статус эксперта (включая право знакомиться с материалами уголовного дела, ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов и производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права, участвовать в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы) и специалиста;

– основания для отвода эксперта;

– порядок назначения судебной экспертизы;

– основания для обязательного назначения судебной экспертизы, в том числе для установления психического или физического состояния подозреваемого или обвиняемого, включая обстоятельство совершения в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии), а также когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией;

– права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы, в том числе знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, присутствовать при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту, знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта и т. д.;

– порядок направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы;

– основания и порядок помещения в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы;

– содержание заключения эксперта;

– основания для дополнительной и повторной судебной экспертизы.

Можно констатировать в той или иной степени в целом надлежащий уровень уголовно-процессуального регулирования использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, хотя специалисты обращают внимание и на различные недостатки законодательства в этой сфере [4–8].

Между тем все указанные положения уголовно-процессуального закона не затрагивают стадию исполнения приговора, урегулированную в гл. 47 УПК РФ, хотя в ее рамках рассматривается большое количество вопросов: об изменении вида исправительного учреждения; об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания; о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания; об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного; о назначении судебно-психиатрической экспертизы для решения вопроса о необходимости применения к осужденному принудительных мер медицинского характера в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания; о назначении, продлении, изменении или прекращении применения принудительных мер медицинского характера; об отмене отсрочки отбывания наказания осужденному, признанному больным наркоманией и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию. При

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

разрешении этих и иных вопросов, указанных в ст. 397 УПК РФ, будут непосредственно использоваться специальные знания для оценки психического или физического состояния осужденного, а также учета иных обстоятельств, при которых в ходе досудебного производства по уголовному делу привлекаются эксперты и специалисты. Однако в юридической литературе можно встретить лишь единичные работы в этой области [9, с. 52–56; 10, с. 139–148; 11, с. 85–90; 12, с. 146–149; 13, с. 59–64]. Немаловажно отметить, что судебные решения, принимаемые без использования специальных знаний на этой стадии уголовного судопроизводства, фактически существенно «корректируют» ранее вынесенный приговор суда, основанный как раз на заключениях лиц, обладающих подобными познаниями. Получается нелогичная ситуация, когда в ходе расследования уголовного дела имеет место регулирование для активного использования специальных знаний, а после вынесения приговора наблюдается их фактическое игнорирование при разрешении вопросов, связанных с его исполнением.

Между тем исполнение приговора – специфическая стадия уголовного судопроизводства [14, с. 27–31; 15, с. 97–106; 16; 17, с. 485–492] (в юридической литературе ее еще называют уголовно-исполнительным судопроизводством [18]), которая, если учитывать ее теоретическое разделение на три этапа (возбуждение производства, подготовка дела к судебному заседанию и как таковое судебное заседание [19, 20]), одновременно не совсем удачно регламентируется в уголовно-исполнительном (первый этап) и уголовно-процессуальном (второй и третий этапы) законодательстве [21, с. 41–48; 22, с. 177–180; 23, с. 39–47; 24, с. 9–13].

Особенности данной стадии изначально заключаются в том, что сам по себе порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, определенный в ст. 399 УПК РФ, крайне лаконичен и вообще не предусматривает участия (и даже вызов) в судебном заседании лиц, обладающих специальными знаниями (что также критикуется в юридической литературе [25, с. 18–21; 26, с. 64–69; 27, с. 27–31] и в принципе ограничивает возможности всестороннего использования специальных знаний в стадии исполнения приговора). Более того, представитель администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, также не вправе по ст. 399 УПК РФ ходатайствовать об участии в судебном заседании врачей и других сотрудников данного ведомства, особенно обладающих специальными знаниями [28, с. 69–76]. При этом в отличие от производства по уголовному делу, при производстве которого предусмотрены обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ), и перечень доказательств по уголовному делу, к которым отнесены заключение и показания эксперта и специалиста (ст. 74 УПК РФ), в отношении вопросов, разрешаемых в стадии исполнения приговора, подобное регулирование отсутствует (с чем не согласны многие исследователи [29; 30, с. 27–30; 31, с. 194–202; 32, с. 175–177]).

В то же время при исполнении приговора имеет место большое число вопросов, решение которых требует участия лиц, обладающих специальными знаниями:

- при рассмотрении и разрешении таких вопросов, как изменение вида исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания или замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении лица, которое на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы признано страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающего вменяемости, и осуждено за совершение в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего

возраста, в суд должны направляться данные о примененных к нему принудительных мерах медицинского характера, о его отношении к лечению и заключение его лечащего врача (ст. 78, 175 УИК РФ). При этом согласно ч. 3 ст. 78 УИК РФ в принципе запрещен перевод в колонию-поселение, в частности, осужденных, не прошедших обязательного лечения, а также требующих специального лечения в медицинских учреждениях закрытого типа (что также влечет за собой необходимость оценки состояния их здоровья и составления соответствующих документов);

– при освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного по постановлению Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» решение врачебной комиссии медицинской организации уголовно-исполнительной системы оформляется направляемым в суд заключением ввиду выявления у осужденного инфекционной болезни (туберкулеза органов дыхания, нейросифилиса, болезни, вызванной вирусом иммунодефицита человека, и пр.), новообразования (объемного образования головного и спинного мозга или, например, злокачественных новообразований, требующих лечения в специализированной медицинской организации (операции, лучевой терапии, химиотерапии), которое не может быть проведено по месту отбывания наказания), болезни крови, болезни эндокринной системы, психических расстройств, болезни нервной системы и т. д. (всего несколько десятков диагнозов).

Несмотря на то что в уголовно-исполнительном законе (в частности, ст. 78, 175 УИК РФ) определены поводы к возбуждению производства (ходатайство осужденного, представление администрации исправительного учреждения и пр.), основания к его возбуждению (например, признание осужденного злостным нарушителем для изменения вида исправительного учреждения или выявление у него соответствующего тяжелого заболевания для досрочного освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью), отсутствует должное регулирование таких вопросов, как:

– правовой статус должностных лиц уголовно-исполнительной системы, особенно обладающих специальными знаниями (как эксперта/специалиста по УПК РФ), а также права и обязанности других участников рассматриваемых правоотношений;

– порядок назначения и проведения соответствующего исследования, а также вынесения заключения и его предоставления заинтересованным лицам;

– обязательные составляющие заключения (более того, в ходе изучения материалов, направляемых в суд администрациями учреждений и органов, исполняющих наказание, для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и разрешения иных вопросов при исполнении приговора, нами не обнаружено единообразного подхода на практике в различных субъектах РФ ни к оформлению, ни к оценке заключений судебно-психиатрической экспертизы и лечащего врача осужденного, предусмотренных ст. 78, 175 УИК РФ);

– правовое положение осужденного (его прав, законных интересов и обязанностей), в отношении которого фактически проводится экспертиза.

Это особенно очевидно при сравнительном анализе с положениями уголовно-процессуального закона, когда уголовно-исполнительное регулирование в целом ограничивается упоминанием формы документа (обычно заключения) и необходимостью его направления в суд без какой-либо дополнительной регламентации, особенно касающейся взаимодействия между собой различных участников стадии исполнения приговора на ее разных этапах. Фактически здесь можно говорить о целом пласте неурегулиро-

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

ванных вопросов в рассматриваемой области, составляющих глобальное белое пятно в уголовно-исполнительном законе.

На законодательном уровне фактически в ряде случаев игнорируется в принципе необходимость использования специальных знаний для разрешения соответствующих вопросов при исполнении приговора, поскольку не закреплен порядок составления соответствующих документов и их направления в суд. Так, при рассмотрении вопроса о предоставлении осужденному рассрочки или отсрочки уплаты штрафа (ст. 31 УИК РФ и ст. 398 УПК РФ) не предусмотрены ни привлечение лица, обладающего специальными знаниями (в данном случае экономическими), для оценки финансового состояния осужденного, ни составление и направление в суд соответствующего заключения.

Аналогичная ситуация с отсутствием нормы о привлечении лица, обладающего специальными знаниями, а также об оформлении и о направлении в суд соответствующего заключения имеет место:

- для снижения размера удержаний из заработной платы осужденного к исправительным работам в случае ухудшения его материального положения (ч. 7 ст. 44 УИК РФ);
- при предоставлении по ч. 1 ст. 398 УПК РФ отсрочки исполнения приговора об осуждении лица к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, принудительным работам, аресту или лишению свободы в случае выявления болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания или, например, в связи с тяжкими последствиями или угрозой их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванными пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами;
- для отсрочки отбывания наказания в случае наступления беременности женщины, осужденной к обязательным работам (ч. 3.1 ст. 26 УИК РФ);
- для применения принудительных мер медицинского характера к осужденным к принудительным работам, аресту или лишению свободы, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, которые связаны с опасностью для себя или других лиц (ч. 1, 2 ст. 18 УИК РФ).

Даже в случаях, когда имеет место минимальное уголовно-исполнительное регулирование в рассматриваемой области, оно вызывает дополнительные вопросы. Так, положение ч. 2.2, 2.3 ст. 78 УИК РФ о том, что в характеристике для изменения вида исправительного учреждения лицу, которое на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы признано страдающим расстройством сексуального предположения (педофилией), не исключающим вменяемости, и которое осуждено за совершение в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, должны также содержаться данные о примененных к осужденному принудительных мерах медицинского характера, о его отношении к лечению с одновременным направлением в суд заключения его лечащего врача, сразу вызывает вопрос о том, какое должностное лицо оценивает применение к осужденному принудительных мер медицинского характера (и обладает ли оно специальными знаниями), если лечащий врач еще дополнительно составляет соответствующее заключение. Аналогичная ситуация имеет место и в соответствии с ч. 2, 3, 3.1 ст. 175 УИК РФ при подготовке документов для рассмотрения вопросов об условно-досрочном освобождении осужденного или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Продолжая критически осмысливать данную проблематику, отметим, что оформление этой документации, несмотря на то что фактически используются специальные знания врачей и иных должностных лиц уголовно-исполнительной системы в ходе рассмотрения и разрешения соответствующих вопросов в судебном заседании при исполнении приговора по ст. 399 УПК РФ, осуществляется в соответствии не с уголовно-процессуальным, а с уголовно-исполнительным законодательством (в рамках первого этапа рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства).

В уголовно-исполнительном законе не урегулированы и такие вопросы, которые, по нашему мнению, должны быть изначально решены на этапе возбуждения производства: вправе ли администрация учреждения или органа, исполняющего наказание, составлять дополнительные документы для их направления в суд (например, привлекать психолога, который также обладает специальными знаниями), а осужденный знакомиться с заключением лечащего врача и иными материалами, направляемыми в суд, и т. п.

Следовательно, необходимо более тщательное регулирование использования специальных знаний в целом при исполнении наказаний (с аналогичным закреплением правового статуса различных участников уголовно-исполнительных правоотношений и разрешением иных, в том числе затронутых, вопросов), а не только в контексте рассмотрения вопросов, разрешаемых в стадии исполнения приговора:

- для принятия решения о применении, по мнению медицинской комиссии, обязательного лечения к осужденным к принудительным работам, аресту или лишению свободы, больным алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, ВИЧ-инфицированным осужденным, а также осужденным, больным открытой формой туберкулеза или не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания (ч. 3 ст. 18 УИК РФ);

- при даче согласия на изменение места работы и (или) обучения осужденному к ограничению свободы при наличии медицинских противопоказаний, препятствующих продолжению работы и (или) учебы (ч. 6 ст. 50 УИК РФ);

- для принятия решения о принудительном питании осужденного к лишению свободы по медицинским показаниям в случаях его отказа от приема пищи и возникновения угрозы его жизни (ч. 4 ст. 101 УИК РФ).

С учетом изложенного налицо необходимость совершенствования уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного законодательства для повышения эффективности использования специальных знаний в процессе исполнения наказаний, а также в производстве по рассмотрению и разрешению на различных этапах вопросов, связанных с исполнением приговора.

Список источников

1. Судебная психиатрия : учеб. пособие / Т. Б. Дмитриева [и др.]. М. : Медицинское информационное агентство, 2008. 752 с.
2. Кудрявцева А. В., Морозова Ю. А. Использование специальных знаний в уголовном процессе : учеб. пособие. М. : Проспект, 2024. 159 с.
3. Латыпов В. С. Актуальные вопросы применения института специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: уголовно-процессуальный аспект : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 157 с.
4. Волинский А. Ф., Акимов И. С., Прорвич В. А. Судебно-кадастровая экспертиза. М., 2013. 636 с.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

5. Зайцева Е. А., Чипура Д. П. Использование специальных экономических знаний в досудебном производстве по уголовным делам. Волгоград, 2007. 145 с.
6. Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 470 с.
7. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве : науч.-учеб. пособие. М. : Проспект, 2019. 273 с.
8. Шапиро Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. 497 с.
9. Зайцева Е. А., Васильева Л. Р. Роль специальных познаний в решении задач стадии исполнения приговора // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 52–56.
10. Лада А. А., Скиба А. П. Использование специальных знаний эксперта и специалиста в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора: постановка проблемы // Вестник Кузбасского института. 2026. № 1(66). С. 139–148.
11. Лазарева Л. В., Иванова Е. В. Формы специальных знаний, используемых на стадии исполнения приговора: проблемы и тенденции в правоприменительной практике // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1(62). С. 85–90.
12. Латыпов В. С. К вопросу о применении специальных знаний сведущих лиц на стадии исполнения приговора // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2016. Т. 8, № 4. С. 146–149.
13. Пупышева Л. А. Реализация судом полномочий по назначению судебной экспертизы в производстве, предусмотренном главой 47 УПК РФ // Судья. 2026. № 2(182). С. 59–64.
14. Божьев В. П. Соблюдение процессуальных норм при применении УК и УИК // Законность. 2010. № 1. С. 27–31.
15. Николук В. В., Пупышева Л. А. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? // Российское правосудие. 2021. № 1. С. 97–106.
16. Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022. 458 с.
17. Шабанов В. Б., Буданова Л. Ю., Крамаренко В. П. Исполнение приговора – самостоятельная стадия уголовно-процессуальной деятельности // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 4(52). С. 485–492.
18. Николук В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 448 с.
19. Добровольская Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. М., 1979. 140 с.
20. Свиридов М. К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. Томск, 1972. 136 с.
21. Давыдова И. А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: проблемы регламентации повода для возбуждения производства // Правда и закон. 2025. № 3(33). С. 41–48.
22. Крымов А. А. Этапы и стадии исполнения приговора // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 7. С. 177–180.

23. Николюк В. В., Пупышева Л. А. Проблемы осуществления правосудия на стадии исполнения приговора в контексте позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации о праве осужденного на судебную защиту // Законодательство и практика. 2022. № 2(49). С. 39–47.

24. Скиба А. П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 9–13.

25. Крымов А. А. Особенности принятия процессуальных решений в стадии исполнения приговора // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2(34). С. 18–21.

26. Лазарева Л. В. К вопросу об использовании специальных знаний по уголовным делам в суде второй инстанции // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3(90). С. 64–69.

27. Скиба А. П. Проблемы уголовно-процессуального регулирования освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1(33). С. 27–31.

28. Скиба А. П. К вопросу о разграничении уголовно-правового, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального регулирования // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 7. С. 69–76.

29. Пупышева Л. А. Доказывание в производстве по делам об исполнении приговора : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2014. 114 с.

30. Кашуба Ю. А. Досрочное освобождение от отбывания наказания: проблемы установления обстоятельств, подлежащих доказыванию // Юрист-Правовед. 2012. № 5(54). С. 27–30.

31. Конин В. В. Вопросы доказывания в стадии исполнения приговора сквозь призму аксиологического подхода // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 2(42). С. 194–202.

32. Юсупова И. Ф. Доказывание в стадии исполнения приговора (дискуссионные вопросы) // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2011. № 3. С. 175–177.

References

1. *Forensic psychiatry: textbook* 2008, Medical Information Agency, Moscow.
2. Kudryavtseva, A. V., Morozova, Yu. A. 2024, *The use of special knowledge in the criminal process: textbook*, Prospekt, Moscow.
3. Latypov, V. S. 2016, *Actual issues of the application of the institute of special knowledge in criminal proceedings in Russia: criminal procedural aspect: monograph*, Yurlitinform, Moscow.
4. Volynsky, A. F., Akimova, I. S. & Prorovich, V. A. 2013, *Forensic cadastral examination*, Moscow.
5. Zaitseva, E. A. & Chipura, D. P. 2007, *The use of special economic knowledge in pre-trial criminal proceedings*, Volgograd.
6. Lazareva, L. V. 2011, *Conceptual foundations of the use of special knowledge in Russian criminal proceedings: Sc.D thesis (Law)*, Vladimir.
7. Orlov, Yu. K. 2019, *Modern problems of proving and using special knowledge in criminal proceedings: textbook*, Prospekt, Moscow.
8. Shapiro, L. G. 2008, *Special knowledge in criminal proceedings and their use in the investigation of crimes in the sphere of economic activity: Sc.D thesis (Law)*, Saratov.

9. Zaitseva, E. A. & Vasilyeva, L. R. 2018, 'The role of special knowledge in solving the tasks of the execution stage of the sentence', *Criminal justice*, iss. 11, pp. 52–56.
10. Lada, A. A. & Skiba, A. P. 2026, 'The use of expert and specialist expertise in proceedings to review and resolve issues related to the execution of a sentence: problem statement', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 1(66), pp. 139–148.
11. Lazareva, L. V. & Ivanova, E. V. 2022, 'Forms of special knowledge used at the stage of execution of a sentence: problems and trends in law enforcement practice', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 1(62), pp. 85–90.
12. Latypov, V. S. 2016, 'On the issue of the application of special knowledge of knowledgeable persons at the stage of execution of a sentence', *Actual problems of law and the state in the 21st century*, vol. 8, iss. 4, pp. 146–149.
13. Pupysheva, L. A. 2026, 'The exercise by the court of the authority to appoint a forensic examination in the proceedings provided for by Chapter 47 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation', *Judge*, iss. 2(182), pp. 59–64.
14. Bozhev, V. P. 2010, 'Observance of procedural norms in the application of the Criminal Code and the Penal Code', *Legality*, iss. 1, pp. 27–31.
15. Nikolyuk, V. V. & Pupysheva, L. A. 2021, 'Execution of a sentence in the system of criminal procedure: procedural stage or special judicial proceedings?', *Russian justice*, iss. 1, pp. 97–106.
16. Pupysheva, L. A. 2022, *Proceedings for the consideration and resolution of issues related to the execution of a sentence in the criminal procedure system: Sc.D thesis (Law)*, Omsk.
17. Shabanov, V. B., Budanova, L. Yu. & Kramarenko, V. P. 2020, 'Execution of a sentence is an independent stage of criminal procedural activity', *Penal science*, vol. 14, iss. 4(52), pp. 485–492.
18. Nikolyuk, V. V. 1990, *Penal proceedings in the USSR: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
19. Dobrovolskaya, T. N. 1979, *Activities of the court related to the execution of sentences*, Moscow.
20. Sviridov, M. K. 1972, *The procedure for resolving cases of conditional early release from punishment*, Tomsk.
21. Davydova, I. A. 2025, 'Conditional early release from serving a sentence: problems of regulating the reason for initiating proceedings', *Pravda i zakon*, iss. 3(33), pp. 41–48.
22. Krymov, A. A. 2014, 'Stages and stages of execution of the sentence', *Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, vol. 20, iss. 7, pp. 177–180.
23. Nikolyuk, V. V. & Pupysheva, L. A. 2022, 'Problems of the administration of justice at the stage of execution of a sentence in the context of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on the right of a convicted person to judicial protection', *Legislation and Practice*, iss. 2(49), pp. 39–47.
24. Skiba, A. P. 2015, 'Some problems of differentiation of criminal procedure and penal enforcement regulation', *Penal law*, iss. 2, pp. 9–13.
25. Krymov, A. A. 2015, 'Features of making procedural decisions at the stage of execution of a sentence', *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2(34), pp. 18–21.
26. Lazareva, L. V. 2015, 'On the issue of using special knowledge in criminal cases in the court of second instance', *Man: crime and punishment*, iss. 3(90), pp. 64–69.
27. Skiba, A. P. 2016, 'Problems of criminal procedural regulation of release from serving a sentence in connection with the convict's illness', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 1(33), pp. 27–31.

28. Skiba, A. P. 2017, 'On the issue of the differentiation of criminal law, penal enforcement and criminal procedural regulation', *Bulletin of the O. E. Kutafin University*, iss. 7, pp. 69–76.

29. Pupyshova, L. A. 2014, *Evidence in proceedings on execution of sentence: monograph*, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk.

30. Kashuba, Yu. A. 2012, 'Early release from serving a sentence: problems of establishing the circumstances to be proved', *Jurist-Pravoved*, iss. 5(54), pp. 27–30.

31. Konin, V. V. 2018, 'Issues of evidence at the stage of execution of a sentence through the prism of an axiological approach', *Bulletin of the O. E. Kutafin University*, iss. 2(42), pp. 194–202.

32. Yusupova, I. F. 2011, 'Proving at the stage of execution of a sentence (debatable issues)', *Bulletin of the Udmurt University. Ser. Economics and law*, iss. 3, pp. 175–177.

Информация об авторе

А. П. Скиба – доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы.

Information about the author

A. P. Skiba – Sc.D (Law), Professor, dean of the faculty of scientific and pedagogical personnel training and organization of research work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Научная статья

УДК 343.847

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Екатерина Романовна Симончук¹

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, mac7sim7@mail.ru

Аннотация. В статье описываются исторические прототипы института пробации, введенного в нашей стране Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Автором выдвигается гипотеза о возникновении пробационных отношений в отечественной правовой системе задолго до законодательного их закрепления, а именно в начале XIX века в связи с созданием Общества попечительного о тюрьмах, затем обществ патроната и в советские годы – наблюдательных комиссий. Для подтверждения наличия исторической преемственности между функционированием указанных институтов и нынешней организацией работы субъектов пробации раскрываются основные характеристики и трансформация с течением времени попечительской деятельности в России. В статье отражены изменения уголовной политики в части определения принципиальной возможности исправления и перевоспитания лиц, преступивших закон. На основе исследования исторических документов, нормативных правовых актов и юридической литературы предлагается периодизация этапов становления и развития в России института пробации.

Ключевые слова: пробация, патронат, исправление осужденных, перевоспитание осужденных, ресоциализация, социальная адаптация, наблюдательные комиссии

Для цитирования

Симончук Е. Р. Ретроспективный анализ становления института пробации в Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 209–220.

PENAL ACTIVITY: HISTORICAL ASPECTS

Original article

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE FORMATION OF THE PROBATION INSTITUTE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ekaterina Romanovna Simonchuk¹

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia,
mac7sim7@mail.ru

Abstract. The article describes the historical prototypes of the probation institute, introduced in our country by Federal Law No. 10-FZ dated February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation". The author hypothesizes on the emergence of probation relations in the domestic legal system long before their legislative consolidation, namely in the early 19th century. In connection with the creation of the Prison Trustee Society, then patronage societies and in the Soviet years – supervisory commissions. In order to confirm the existence of historical continuity between the functioning of these institutions and the current organization of work of probation subjects, the main characteristics and transformation over time of guardianship activities in Russia are revealed. The article reflects the changes in criminal policy regarding the definition of the fundamental possibility of correction and re-education of persons who have violated the law. Based on the study of historical documents, regulatory legal acts and legal literature, a periodization of the stages of formation and development of the probation institute in Russia is proposed.

Keywords: probation, foster care, correction of convicts, re-education of convicts, re-socialization, social adaptation, supervisory commissions

For citation

Simonchuk, E. R. 2026, 'A retrospective analysis of the formation of the probation institute in the Russian Federation', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 209–220.

Обращение к истории правового института является значимой частью юридического исследования. Рассмотрение характерных особенностей probation с эмбриональной стадии ее существования в нашей стране до современного этапа развития позволит проследить трансформацию уголовно-исполнительной политики государства, выделить позитивные аспекты осуществления probationной деятельности в прошлом, а также оценить эффективность существующей системы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation. «Прошедшее осветит нам настоящее и даст возможность его правильной оценки» [1, с. 293–459].

Особое значение ретроспективный анализ приобретает в контексте критического осмысления тезиса о давнем существовании института probation, которому на современном этапе развития общества и права лишь было придано новое юридическое значение. Подтверждение (опровержение) данной мысли, а также периодизация истории становления института probation в России – исследовательские задачи в рамках настоящей статьи.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Прежде чем обратиться к непосредственным историческим прототипам рассматриваемого правового института, целесообразным представляется определить момент возникновения повышенного интереса со стороны ученых-юристов, государственных деятелей и общественности к осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы. Умеренная гуманизация уголовно-исполнительной политики в данном направлении стала проследиваться лишь в конце XVIII – начале XIX века. В самом начале развития российской государственности наказание имело характер частной и общественной мести (по периодизации М. Н. Гернета) [2].

Ничем не ограниченная месть в древности по мере сужения семьи привела к возникновению ряда запретов, известных уже Русской Правде (XI–XII вв.): ограничение числа лиц, наделенных правом мести, и лиц, на которых месть может быть обращена; введение убежищ – мест, в которых месть запрещена (церковь, частный дом и др.). В дальнейшем система наказаний стала усложняться, поскольку государственная власть увидела «в них [наказаниях] могущественное средство устрашения подданных» [1]. Происходит переход к следующему этапу развития наказаний по М. Н. Гернету – периоду устрашения, достигшему наивысшей точки в Средние века.

В Судебниках 1497 и 1550 гг. широкое распространение получили телесные наказания, более 50 видов преступлений влекли за собой смертную казнь. Причем применение ее зависело от личности преступника, а не от состава преступления, что отражало феодально-сословный характер права того времени [18]. В Соборном уложении 1649 года впервые в истории отечественного уголовного права назидание и устрашение были закреплены в качестве целей наказания: «чтобы на то смотря иным неповадно было впредь так делати» [20]. Убежденность в устрашительной силе наказания господствовала весьма долго, лишь в XVIII в. произошло смягчение мер борьбы с преступностью. Как отмечал П. А. Сорокин, помимо качественных изменений, происходило и количественное падение жестокости в виде уменьшения числа караемых [19]. На смену устрашению пришли идеи предупреждения преступности и исправления лиц, преступивших закон.

Институт пробации берет свое начало именно на третьем этапе развития наказания (по периодизации М. Н. Гернета). В 1819 г. в Санкт-Петербурге на основе имеющегося зарубежного опыта (прежде всего, Лондонского попечительного Общества о тюрьмах), но с учетом отечественных реалий было создано Попечительное о тюрьмах общество: «столь благотворные труды в других землях по сему предмету прилагаемые и возжеланные в оных успехи не могли не обратить на себя внимание Всемилостивейшего Государя нашего» [12]. По форме оно представляло собой благотворительную организацию, подчиняющуюся императору и состоящую (после дальнейшего расширения структуры) из губернских комитетов и уездных отделений.

Поначалу деятельность Попечительного о тюрьмах общества сводилась к строительству новых и ремонту существующих тюремных зданий в целях приведения их в соответствие с требованиями нормального содержания арестантов. В 1875 г. Петербургским комитетом были учреждены убежища для освобождаемых из мест заключения, предусматривающие особые отделения для несовершеннолетних. Срок пребывания в них ограничивался 4 месяцами, в течение которых для содержащихся были организованы работы с удержанием определенной суммы из платы, причитающейся за труд. Однако в дальнейшем активность Общества снижалась, окончательно утратив свое значение в 1879 г. с созданием в структуре Министерства внутренних дел Российской империи Главного тюремного управления (ГТУ). Тюремные инспекции в губерниях, осу-

ществлявшие управление тюрьмами на местах и обеспечивавшие связь ГТУ с отдельными местами заключения, «со временем взяли на себя почти все функции комитетов Общества, которое к концу XIX века исчерпало себя как административный орган на общественных началах» [13].

Отметим, что перед Попечительным о тюрьмах обществом, возникшим в нашей стране еще в начале XIX века, ставилась в том числе задача «исправления их [арестантов] нравственности»¹, что свидетельствует об относительной гуманизации пенитенциарной политики государства того времени, снижении роли карательных мер при одновременном повышении значимости воспитательного воздействия. Указанный поворот в сторону исправления осужденных, а значит, и внимание к их дальнейшей ресоциализации, в свою очередь, позволяют назвать Попечительное о тюрьмах общество прообразом отечественной системы пробации (прежде всего, пенитенциарной). При этом организационно-управленческий и функциональный аспекты деятельности Общества, а также работа его лишь в рамках тюремных стен существенно отличает первый исторический прототип от современного комплекса пробационных мер.

Большее сходство с закрепленным законодательным определением пробации имеет деятельность обществ патроната. 10 сентября 1908 г. Министром юстиции был утвержден Нормальный устав Обществ покровительства лицам, освобожденным из мест заключения (патроната), определивший цель, права и обязанности, состав и средства, порядок управления, открытия и закрытия Общества, ставшего продолжением развития попечительской деятельности в нашей стране по отношению к лицам, преступившим закон.

Главным отличием патроната от Попечительного о тюрьмах общества является преимущественная работа с лицами, уже вышедшими из мест заключения в свободное общество (отметим содержательное сходство с современной постпенитенциарной пробацией). Акцент был смещен на наиболее сложный период социальной адаптации вчерашнего арестанта: «особенно важно поддержать его в эти первые минуты, когда иной раз бывший сиделец прямо не знает куда ему преклонить голову» [14]. Ведь именно отсутствие должного внимания Попечительного о тюрьмах общества к лицу, преступившему закон, после его освобождения критически оценивалось современниками: «филантропическая деятельность, поставленная под ближайшую ответственность лиц официальных, мало-по-малу исказилась в своем существе и превратилась в канцелярскую рутину <...> как только тюремные ворота открывались для арестанта, общество попечительное «о тюрьмах» переставало существовать для него... до нового преступления» [22, с. 36–44]. Помощь также оказывалась семьям ссыльных и содержащихся под стражей (п. 3 Нормального устава).

Патронат в нашей стране характеризовался систематичностью осуществляемых действий по «постепенному приучению тюремных выпущенников к свободной жизни» [10, с. 81–106] и основывался на принципе добровольного попечительства, то есть оказания помощи лишь по волеизъявлению лица. Перечень мер материальной и духовной поддержки от Общества патроната был весьма обширен и, что важно, открыт: действия определялись обстоятельствами конкретной жизненной ситуации лица, что позволяло достичь высокого уровня индивидуализации оказываемой помощи.

Большинство представителей отечественной криминальной науки поддерживали введение у нас тюремного патроната, анализируя имеющийся зарубежный опыт (Швей-

¹ См.: Устав Общества попечительного о тюрьмах : утв. 7 ноября 1851 г. СПб., 1869. 37 с.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

цария, Германия, Англия, Франция), предлагали идеи наиболее совершенной, по их мнению, формы организации работы (И. Я. Фойницкий [24], С. В. Познышев [15], Д. А. Дриль [4, 5] и др.). Признание значимости попечительской деятельности в отношении бывших заключенных происходило и на самом высоком уровне, в 1912 г. был принят закон о государственной помощи обществам патроната [9]. Предполагалось, что наличие денежной поддержки от государства позволит покрыть часть расходов по оказанию помощи лицам, принятым под покровительство. Однако, несмотря на указанные обстоятельства, а также на наличие детальной регламентации основных вопросов функционирования Обществ, не исключающей при этом относительную автономность работы на местах (уставы создаваемых Обществ могли при необходимости дополнять и конкретизировать Нормальный устав с условием недопущения противоречий), тюремный патронат не получил широкого распространения в нашей стране.

Во многом резкое снижение показателей попечительской деятельности в стране объяснялось Первой мировой войной и уходом активных инициативных членов Обществ в армию, о чем прямо указывалось в отчетах ГТУ¹. Иная причина, о которой говорил Н. И. Миролюбов, неготовность общества: «слабое развитие этого учреждения у нас в России говорит только за низкий уровень ее культурности, за ее сильную еще привязанность к традиции, возлагающей надежды в деле борьбы с преступностью главным образом на уголовное наказание» [10, с. 81–106].

Нельзя при этом отрицать наметившиеся изменения в политике государства, а именно переход к превентивному, а не репрессивному характеру мер воздействия на преступность. Общества покровительства лицам, освобожденным из мест заключения (патроната), осуществлявшие постпенитенциарное сопровождение бывших заключенных, наряду с условным осуждением, условным освобождением и реабилитацией, составляли основные средства предупреждения рецидивной преступности в дореволюционной России. Однако работа, проводимая в рамках патроната, не отличалась широким масштабом, соизмеримым с количеством тюрем в стране и числом лиц, освободившихся из мест заключения и нуждающихся в помощи.

Общая политика отражается на карательной политике государства и на характере уголовного законодательства [3], поэтому падение монархии в нашей стране вызвало необходимость пересмотра порядка организации деятельности ряда правовых институтов. Одним из важных вопросов, вставших перед властью в первые годы существования советского государства, стало определение содержания и целей наказания.

Первым официальным документом в данном направлении стали Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., определившие в качестве задач наказания охрану общественного порядка, а также общую и специальную превенцию (ст. 8). Решение обозначенных задач, по мнению авторов документа, возможно «или приспособлением его [лица, уже совершившего преступление] к данному общественному порядку или, если он не поддается приспособлению, изоляцией его, и, в исключительных случаях, физическим уничтожением его» [8] (ст. 9). Способы воздействия на лиц, преступивших закон, не предполагали их исправление или перевоспитание, данные дефиниции не фигурируют в тексте Руководящих начал, хотя в перечне видов наказания и встречаются воспитательные по содержанию меры (например, внушение, выражение общественного порицания, принуждение к действию, не представляющему физического лишения). Однако

¹ См.: Отчет по Главному тюремному управлению ... за 1915 год. Ч. 1. СПб., 1917. 105 с.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

наказание определяется лишь как мера оборонительная: «ничтожными нам представляются возможные достижения в направлении исправления преступника» [7, с. 21–28].

Характерным для начального этапа развития советского уголовного права стало стремление новой власти исключить проявления в стране прежних порядков, что наглядно проявилось в попытке отказаться от термина «наказание», замененного сначала «репрессией» (в ст. 2, 3 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.), а затем «мерами социальной защиты» (впервые встречается в Проекте общей части Уголовного кодекса РСФСР 1921 г. [17, с. 87–95]). В октябре 1924 г. из Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г.) было полностью исключено слово «наказание», замененное «мерами социальной защиты», аналогичные решения были приняты по отношению к Уголовным кодексам Союзных Республик. Однако практика привлечения к ответственности лиц, невиновных в совершении каких-либо конкретных преступлений, но признанных социально опасными, оказалась шире, чем было предусмотрено законом.

Возвращение к привычной, понятной дефиниции произошло лишь в 1934 г. в связи с дополнением положения о государственных преступлениях статьями об измене родине (постановление ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине»), что, однако, не способствовало дальнейшему прогрессу в практике и теории советской уголовной политики. Напротив, во времена культа личности И. В. Сталина суды были ориентированы на усиление репрессий, а научные разработки по проблеме наказания среди юристов ограничены, что объяснялось небезопасностью постановки такого рода исследовательских задач.

С наступлением в 1954 г. первых проявлений «оттепели» в общественно-политической жизни СССР начался постепенный переход от диктатуры власти к установлению демократических начал уголовной политики. В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. конкретно определены содержание и цели наказания, которое «не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» (ст. 20 Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»).

По сравнению с первыми законодательными актами в данном направлении изменился подход к определению принципиальной возможности исправления лица, преступившего закон. Если в первые годы существования советского государства перевоспитание преступника отрицалось как утопическая идея, то уже с изданием первого Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. (постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса Р.С.Ф.С.Р.») началось развитие отечественного исправительно-трудового права. Одним из главных средств перевоспитания осужденных стал общественно полезный труд.

Упомянутый ранее Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. примечателен учреждением органа советской общественности, выполняющим государственные функции в области реализации исправительно-трудовой политики, — наблюдательных комиссий, действующих под руководством исполнительных комитетов местных Советов (гл. III). Отметим, что вопрос правовой природы наблюдательных комиссий также не

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

имеет однозначного ответа: помимо рассмотрения их в качестве органа общественности [22, с. 36–44], в литературе встречается подход, согласно которому они оцениваются как государственные органы с участием представителей общественности [16]. Независимо от определения организационной формы данный правовой институт стал основной формой участия трудящихся в работе учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Функционал наблюдательных комиссий включал в себя не только контроль за деятельностью исправительно-трудовых учреждений, но и непосредственное участие в перевоспитании осужденных путем проведения с ними лекций и бесед, организации встреч с передовиками производства и бывшими заключенными, ведущими честную жизнь. Они также руководили оказанием трудовой и других видов помощи бывшим заключенным после освобождения.

Однако в 1934 г. исправительно-трудовые учреждения Народного комиссариата юстиции РСФСР были переданы в ведение Народного комиссариата внутренних дел СССР (постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10 ноября 1934 г. «О передаче исправительно-трудовых учреждений НКЮ РСФСР в ведение НКВД Союза ССР»). Централизация и выведение из-под контроля местных Советов негативно сказались на работе наблюдательных комиссий. «Создавшаяся в местах лишения свободы обстановка ведомственной замкнутости наряду с другими причинами способствовала появлению серьезных недостатков в работе по исправлению и перевоспитанию осужденных» [11].

Следующий этап в развитии наблюдательных комиссий связан с выполнением задачи, поставленной на XX Съезде Коммунистической партии Советского Союза в 1956 г.: более широкое участие масс в развитии государства. В связи с этим во всех союзных республиках годом позже были приняты Положения о наблюдательных комиссиях (постановление Совета Министров РСФСР от 24 мая 1957 г. № 349 «Об утверждении Положения о наблюдательных комиссиях при исполнительных комитетах районных и городских Советов депутатов трудящихся»), закрепившие усиление общественного контроля за деятельностью исправительно-трудовых учреждений. Однако данная мера не повлекла за собой серьезных изменений в деятельности рассматриваемого правового института.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г. (утв. Верховным Советом РСФСР 18 декабря 1970 г.) предусматривал отдельный раздел, посвященный участию общественности в исправлении и перевоспитании осужденных. Помимо работы наблюдательных комиссий (ст. 110), над исправительно-трудовыми учреждениями могло устанавливаться шефство коллективов различных государственных и общественных организаций (ст. 112). Для координации шефской работы в воспитательно-трудовых колониях создавались советы общественности (ст. 113). При этом перечень вариантов участия граждан в исправлении и перевоспитании осужденных был открытым: при реализации исправительно-трудовой политики государства могли применяться и иные, не предусмотренные законом, формы содействия трудящихся (ст. 115).

Указанные положения с незначительными корректировками действовали до последних дней существования СССР, в дальнейшем до вступления в законную силу в 1997 г. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ). В ст. 182 УИК РФ закреплено право освобождаемых осужденных на трудовое и бытовое устройство и другие виды социальной помощи, однако порядок реализации постпенитенциарного сопровождения в первоначальной редакции кодекса (как и в действующей) отсутствовал.

На уровне регионального законодательства данный вопрос был решен в Республике Башкортостан. В целях предупреждения рецидива и укрепления законности и правопорядка в регионе Законом от 8 декабря 1997 г. № 126-з «О социальной адаптации лиц, освобождаемых и освобожденных из учреждений, исполняющих уголовные наказания» устанавливались права и обязанности данной категории лиц, проживавших до осуждения на территории Республики Башкортостан.

О пробации в России в современном понимании данного правового института начали говорить в 2000-х гг. [6, с. 12–28]. Первые практические шаги по реализации пробационных идей в нашей стране были предприняты в 2001–2003 гг. в рамках осуществления пилотного проекта «Поддержка правосудия в отношении несовершеннолетних» в Ростовской области [21, с. 23–38]. Указанная инициатива предполагала, прежде всего, развитие ювенальной юстиции в стране и предусматривала введение должности социального работника при суде, полномочия которого близки к институту досудебной пробации образца ряда зарубежных стран (например, Казахстан, Кыргызская Республика).

В 2006 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 312198-4 «Об основах социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», во многом схожий с действующим законодательством по рассматриваемой проблематике, но имеющий ряд недоработок. Он был возвращен субъекту законодательной инициативы для получения заключения Правительства Российской Федерации, которое, как указано в официальном отзыве, невозможно представить «в связи с отсутствием в финансово-экономическом обосновании необходимых расчетов».

В рамках документов стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. одним из приоритетных направлений социальной поддержки населения еще в 2008 г. было названо «создание службы пробации, обеспечивающей социально-психологическое сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы» (распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). Аналогичное положение в контексте предупреждения рецидивной преступности содержалось в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р).

5 апреля 2013 г. состоялось заседание Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы». Один из вопросов, подвергнутых обсуждению, – ход реализации первого этапа упомянутой выше Концепции развития уголовно-исполнительной системы.

В 2021 г. была принята Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р), предполагающая создание и развитие в нашей стране эффективной системы пробации. На первом этапе реализации данного документа (до 2024 г.) установлена необходимость законодательного закрепления системы пробации в России и решение организационно-правовых вопросов ее функционирования. В соответствии с указанными положениями в ноябре 2022 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 232770-8, ставший впоследствии Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Второй этап создания и развития системы пробации (до 2030 г.) предполагает оказание содействия лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в занятости и бытовом устройстве. Для этого, как указано в Концепции, потребуется совершенствование научно-методической базы в целях подготовки квалифицированных кадров.

Таким образом, ретроспективный анализ отечественной уголовно-исполнительной политики с момента издания первых кодифицированных правовых актов до наших дней позволяет сделать вывод о существовании элементов института пробации задолго до закрепления соответствующего термина в современном российском законодательстве. Невзирая на различные наименования, организационно-правовые формы и функциональные особенности исторических прообразов (прототипов) современной системы пробации, содержательная составляющая на протяжении столетий сохранялась неизменной – предупреждение рецидивной преступности, укрепление законности и правопорядка. Следовательно, пробация в Российской Федерации – восходящий к прошлому правовой институт, которому на современном этапе развития общества было лишь сообщено новое юридическое значение.

Положив в основу периодизации три критерия (осуществляемые функции, правовая природа, сложность организации), мы можем условно выделить следующие этапы становления и развития в России института пробации:

- 1) 1819 – 1917 гг. – благотворительные организации, деятельность которых редко выходила за пределы пенитенциарных учреждений;
- 2) 1924 – 1991 гг. – органы советской общественности, выполняющие государственные функции в области исправительно-трудовой политики;
- 3) 2023 г. по настоящее время – система субъектов (государственных и негосударственных структур), выполняющих функции по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы.

Список источников

1. Гернет М. Н. Преступление и борьба с ним в контексте эволюции общества. М. : Мир, 1914. 459 с.
2. Гернет М. Н. Преступление и наказание (прошлое, настоящее и будущее уголовного права). Н. Новгород : Сеятель, 1907. 15 с.
3. Гернет М. Н. Тезисы доклада товарища М. Н. Гернета. Карательная политика царизма во второй половине XVIII века. М. : Юрид. изд-во, 1939. 2 с.
4. Дриль Д. А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2006. 770 с.
5. Дриль Д. А. Тюрьма и принудительное воспитание. СПб. : Сенат. тип., 1900. 91 с.
6. Ермасов Е. В., Тепляшин П. В., Скиба А. П. Перспективы введения досудебной пробации в Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 1. С. 12–28.
7. Козловский М. Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 21–28.
8. Конституции и конституционные акты РСФСР / под общ. ред. А. Я. Вышинского. М. : Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

9. Миклашевский А. И. I. Закон 22 июня 1909 г. об условном досрочном освобождении, с решениями Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената и циркулярами Министерства юстиции, II. Закон 24 декабря 1912 г. о государственной помощи обществам патроната и нормальный устав этих обществ, с приложением некоторых циркуляров Министерства юстиции по Главному тюремному управлению, относящихся к деятельности обществ патроната. СПб. : Тип. С.-Петербург. одиноч. тюрьмы, 1914. 122 с.
10. Миролюбов Н. И. Тюремный патронат // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 2. С. 81–106.
11. Наташев А. Е. Наблюдательные комиссии и их роль в осуществлении советской исправительно-трудовой политики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962. 18 с.
12. Об учреждении в Санкт-Петербурге Общества попечительного о тюрьмах. СПб. : Типография Н. Греча, 1819. 52 с.
13. Печников А. П. Главное тюремное управление Российского государства (1879 – октябрь 1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 51 с.
14. Познышев С. В. Очерки тюремоведения. М. : Г.А. Леман и Б. Д. Плетнев, 1915. 295 с.
15. Познышев С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания. М. : Общество взаимопомощи студентов-юристов Московского университета, 1908. 181 с.
16. Попова В. И. Работа местных Советов депутатов трудящихся по обеспечению социалистической законности. М. : Госюриздат, 1959. 141 с.
17. Проект общей части уголовного кодекса РСФСР // Пролетарская революция и право : Изд. Народного комиссариата юстиции. М., 1921. № 15. С. 87–95.
18. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. А. Д. Горского. М. : Юрид. лит., 1985. 519 с.
19. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб. : Изд-во Я. Г. Долбышева, 1914. 456 с.
20. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года : учеб. пособие для высш. шк. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
21. Ткачев В. Н. Опытная модель ювенальной юстиции в Ростовской области // Право и безопасность. 2009. № 3–32. С. 23–38.
22. Утевский Б. С. Основные вопросы советской науки исправительно-трудового права // Советское государство и право. 1957. № 3. С. 36–44.
23. Фойницкий И. Я. Патронат в России и за границей: организация помощи освобождаемым из мест заключения // Вестник Европы. 1878. Т. 1. С. 640–671.
24. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М. : Добросвет-2000 ; Городец, 2000. 464 с.

References

1. Gernet, M. N. 1914, *Crime and the fight against it in the context of the evolution of society*, Mir, Moscow.
2. Gernet, M. N. 1907, *Crime and punishment (past, present and future of criminal law)*, Sower, N. Novgorod.
3. Gernet, M. N. 1939, *Abstracts of the report of comrade M. N. Gernet. The punitive policy of Tsarism in the second half of the XVIII century*, Law Publishing House, Moscow.
4. Drill, D. A. 2006, *Crime and criminals. The doctrine of crime and measures to combat it*, INFRA-M, Moscow.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

5. Drill, D. A. 1900, *Prison and forced education*, St. Petersburg.
6. Ermasov, E. V., Teplyashin, P. V. & Skiba, A. P. 2024, 'Prospects for the introduction of pre-trial probation in the Russian Federation', *Penal law*, vol. 19(1–4), iss. 1, pp. 12–28.
7. Kozlovsky, M. Y. 1918, 'The Proletarian Revolution and criminal law', *The Proletarian Revolution and law*, iss. 1, pp. 21–28.
8. Vyshinsky, A. Ya. (ed.) 1940, *Constitutions and constitutional acts of the RSFSR*, Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR, Moscow.
9. Miklashevsky, A. I. 1914, I. *The Law of June 22, 1909 on conditional early release, with decisions of the Criminal Cassation Department of the Governing Senate and circulars of the Ministry of Justice*, II. *The Law of December 24, 1912 on state assistance to patronage societies and the normal charter of these societies, with the attachment of some circulars of the Ministry of Justice on the Main Prison Administration related to the activities of patronage societies*, St. Petersburg.
10. Mirolubov, N. I. 1905, 'Prison patronage', *Journal of the Ministry of Justice*, iss. 2, pp. 81–106.
11. Natashev, A. E. 1962, *Supervisory commissions and their role in the implementation of the Soviet correctional labor policy: PhD thesis (Law)*, Moscow.
12. On the establishment of the Prison Trust Society in St. Petersburg 1819, St. Petersburg.
13. Pechnikov, A. P. 2002, *The Main Prison Administration of the Russian state (1879 – October 1917): Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
14. Poznyshev, S. V. 1915, *Essays on prison studies*, Moscow.
15. Poznyshev, S. V. 1908, *The doctrine of punitive measures and the measure of punishment*, Moscow.
16. Popova, V. I. 1959, *The work of local Councils of Workers' deputies to ensure socialist legality*, Gosyurizdat, Moscow.
17. 'Draft of the general part of the Criminal Code of the RSFSR' 1921, in *Proletarian Revolution and Law*, iss. 15, pp. 87–95, Moscow.
18. Gorsky, A. D. (ed.) 1985, *Russian legislation of the X–XX centuries*, in 9 vols, vol. 2, *Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state*, Moscow.
19. Sorokin, P. A. 1914, *Crime and punishment, feat and reward: a sociological study of the basic forms of social behavior and morality*, St. Petersburg.
20. Tikhomirov, M. N. & Epifanov, P. P. 1961, *The Cathedral Code of 1649: textbook*, Publishing house of Moscow. University, Moscow.
21. Tkachev, V. N. 2009, 'Experimental model of juvenile justice in the Rostov region', *Law and security*, iss. 3–32, pp. 23–38.
22. Utevsky, B. S. 1957, 'Basic issues of the Soviet science of correctional labor law', *The Soviet State and law*, iss. 3, pp. 36–44.
23. Foynitsky, I. Ya. 1878, 'Patronage in Russia and abroad: organization of assistance to those released from prison', *Bulletin of Europe*, iss. 1, pp. 640–671.
24. Foynitsky, I. Ya. 2000, *The doctrine of punishment in connection with prison studies*, Dobrosvet-2000, Gorodets, Moscow.

Information about the author

E. R. Simonchuk – adjunct.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 13.03.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 13.03.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья
УДК 343.8:364.04

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРОФИЛАКТИКА (ОБРАЗОВАНИЕ, ТРУД, ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ, ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ)

Антон Борисович Баумштейн¹

¹ Юго-западный государственный университет, г. Курск, Россия, 5068896@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1479-7850>

Аннотация. В статье представлен уголовно-правовой и криминологически ориентированный анализ ресоциализации как фактора снижения уровня пенитенциарной преступности и числа дисциплинарных нарушений в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при реализации ресоциализирующих интервенций (образование, труд, коррекционно-терапевтические программы, наставничество, постпенитенциарное сопровождение) и при оценке их влияния на рецидив, повторные преступления и нарушения установленного порядка отбывания наказания. Цель исследования состоит в выявлении тех интервенций, эффективность которых подтверждается доказательными исследованиями, и в разграничении программ, создающих преимущественно «бумажный эффект» вследствие ошибок дизайна оценки, смещения отбора и подмены конечных результатов процессными индикаторами. Особое внимание уделено институциональной связке «учреждение – пробация – социальные службы – работодатель» и рискам рецидива, возникающим при несогласованности планов индивидуальной работы и дефиците постпенитенциарного сопровождения. На основе синтеза отечественных исследований и доступных зарубежных мета-аналитических выводов формулируются практические модели межведомственного сопровождения, предлагаются направления нормативной и организационной доработки доказательной пенитенциарной профилактики, включая требования к оценке эффективности программ и механизмы правовой мотивации осужденных к участию в ресоциализации.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, дисциплинарные нарушения, ресоциализация, пробация, доказательная профилактика, когнитивно-поведенческие программы, труд и образование, постпенитенциарное сопровождение

Для цитирования

Баумштейн А. Б. Ресоциализация как фактор снижения пенитенциарной преступности: доказательная пенитенциарная профилактика (образование, труд, терапевтические программы, постпенитенциарное сопровождение) // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 221–234.

OBJECTIVES OF THE PENAL LEGISLATION

Original article

RE-SOCIALIZATION AS A FACTOR IN REDUCING PENITENTIARY CRIME: EVIDENCE-BASED PENITENTIARY PREVENTION (EDUCATION, LABOR, THERAPEUTIC PROGRAMS, POST-PENITENTIARY SUPPORT)

Anton Borisovich Baumstein¹

¹ Southwest State University, Kursk, Russia, 5068896@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1479-7850>

Abstract. The article presents a criminal law and criminologically oriented analysis of re-socialization as a factor in reducing the level of penitentiary crime and the number of disciplinary violations in institutions of the penal system. The object of the study is the social relations that develop during the implementation of resocializing interventions (education, labor, correctional and therapeutic programs, mentoring, post-retirement support) and in assessing their impact on recidivism, repeated crimes and violations of the established order of serving sentences. The purpose of the study is to identify those interventions whose effectiveness is confirmed by evidence-based research, and to distinguish between programs that create a predominantly "paper effect" due to evaluation design errors, selection bias, and substitution of end results with process indicators. Special attention is paid to the institutional link "institution – probation – social services – employer" and the risks of recidivism that arise when individual work plans are inconsistent and there is a shortage of post-retirement support. Based on the synthesis of domestic research and available foreign meta-analytical conclusions, practical models of interdepartmental support are formulated, directions for regulatory and organizational adjustment of evidence-based penitentiary prevention are proposed, including requirements for evaluating the effectiveness of programs and mechanisms for the legal motivation of convicts to participate in re-socialization.

Keywords: penitentiary crime, disciplinary violations, re-socialization, probation, evidence-based prevention, cognitive behavioral programs, labor and education, post-penitentiary support

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

For citation

Baumstein, A. B. 2026, 'Re-socialization as a factor in reducing penitentiary crime: evidence-based penitentiary prevention (education, labor, therapeutic programs, post-penitentiary support)', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 221–234.

Пенитенциарная преступность в узком смысле (преступления, совершаемые осужденными в местах лишения свободы и при исполнении наказаний, связанных с контролем поведения) и дисциплинарные нарушения как криминогенные предикторы рецидива остаются устойчивой проблемой российской уголовной политики. Вектор гуманизации уголовной юстиции и расширение применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, сопровождаются ростом требований к качеству исправительного воздействия и управлению рисками повторной преступности. В отечественной доктрине и правоприменении нередко фиксируется разрыв между целями исправления [формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ)] и технологией практической работы с осужденными. В этих условиях ресоциализация должна рассматриваться не как декларативная конструкция, а как совокупность проверяемых интервенций, способных снижать риск нарушений режима и повторной преступности при измеримой оценке результатов.

Актуальность темы усиливается внедрением института пробации и связанных с ним механизмов индивидуальных программ ресоциализации (Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»), а также необходимостью согласования пробационных мер с целями исполнения наказания и профилактики правонарушений. В научной литературе обращается внимание на то, что действующее определение ресоциализации и ее соотношение с социальной адаптацией и социальной реабилитацией формируют нормативно-методические риски: при различии субъектов и форм помощи возникают межведомственные «разрывы маршрута», когда лицо формально включено в программу, но фактически не получает устойчивой поддержки в трудоустройстве, жилье, лечении зависимостей и восстановлении социальных связей [4, с. 305]. Именно такие разрывы, а не только индивидуальные свойства личности, выступают системным источником повторной преступности.

Цель статьи – дать разбор ресоциализационных интервенций, которые демонстрируют снижение уровня преступности и числа дисциплинарных нарушений в доказательных оценках, и противопоставить им практики, создающие преимущественно «бумажный эффект» (рост отчетных показателей без снижения риска). Задачи исследования включают в себя: выявление типовых механизмов эффективности программ (образование, труд, когнитивно-поведенческие и терапевтические вмешательства, наставничество, постпенитенциарное сопровождение); описание дизайнов оценки эффективности (квази-эксперименты, сопоставимые группы, контроль смещения отбора); анализ связки «учреждение – пробация – соцслужбы – работодатель» как маршрута ресоциализации и выявление точек разрыва; формулирование практических моделей межведомственного сопровождения.

Материалами исследования выступили: нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), закрепляющие цели наказания и исправления, а также правовые конструкции условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким;

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» и Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, отражающие требования к оценке поведения осужденного, его исправления и устойчивости позитивных изменений при решении вопросов об условно-досрочном освобождении (УДО); а также научные источники по ресоциализации и профилактике рецидива. В качестве базового отечественного эмпирико-организационного источника использована диссертация Р. А. Волховского, в которой, опираясь на анкетирование сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, анализируются организационные дефициты ресоциализирующего воздействия и межведомственного взаимодействия [1, с. 109].

Методы исследования: формально-юридический метод применен для анализа нормативных конструкций и выявления пробелов и несогласованностей; сравнительно-правовой метод – для сопоставления отечественной модели с зарубежной парадигмой доказательной коррекционной практики «whatworks»; структурно-функциональный метод – для описания связки институтов и распределения функций по маршруту ресоциализации; элементы доказательной оценки используются для описания стандартов валидности выводов об эффективности интервенций. Под доказательной пенитенциарной профилактикой в статье понимается совокупность вмешательств, эффективность которых подтверждается методологически корректными оценками (рандомизированные или квази-экспериментальные дизайны; сопоставимые группы; контроль смещения отбора; учет исходного риска).

Концептуальная рамка – ресоциализация и проверяемые исходы. На нормативном уровне ресоциализация определяется как «комплекс мер» социального, экономического, правового и педагогического характера, направленный на повторную интеграцию лиц, совершивших преступление (п. 5 ч. 1 ст. 5 Федерального закона № 10-ФЗ). В доктрине подчеркивается, что ресоциализация может пониматься как «система мер, направленных на интеграцию осужденных в общество» и как «целенаправленный процесс» принятия социальных норм [2, с. 69]. Отсюда следует, что оценка эффективности должна быть привязана не к факту наличия программы или отчета, а к измеримым исходам: снижению рецидива и дисциплинарных нарушений, росту легального трудоустройства, устойчивости отказа от употребления психоактивных веществ, восстановлению социальных связей и т. д.

Интервенции, дающие измеримый профилактический эффект. Образование и профессиональная подготовка. Образовательные вмешательства демонстрируют эффект прежде всего через повышение легальной занятости и снижение структурной уязвимости после освобождения. Доказательный смысл образования раскрывается тогда, когда обучение связано с «конкретными компетенциями и последующей занятостью, а не просто фиксируется как посещение курсов» [3, с. 118]. В мета-аналитических обзорах и прикладных оценках устойчивый эффект чаще «демонстрируют программы, ориентированные на завершение модулей и сопровождение выхода на рынок труда» [12, с. 299].

Труд, занятость и «мост к работодателю». Труд как средство исправления закреплен в ч. 2 ст. 9 УИК РФ. Однако для профилактического эффекта важна не только занятость «во время», но и трудоустройство «после». В исследованиях о пробации и социальной адаптации подчеркивается значимость участия работодателей и бизнес-структур в социальной адаптации освобождаемых и освобожденных [9, с. 90–96]. Практика пока-

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

зывает: если трудовые навыки не подтверждаются документально, если отсутствует сопровождение при выходе на рынок труда и если не решены базовые социальные проблемы (жилье, документы, долги), то трудовые программы в учреждении дают преимущественно дисциплинарный эффект без устойчивого снижения рецидива.

Терапевтические и когнитивно-поведенческие программы. Ключевой блок «whatworks» связан с коррекцией криминогенных установок и навыков самоконтроля, а также с лечением зависимостей. Критически важно, что эффект таких программ зависит от корректного отбора по принципу risk – need – responsivity и от непрерывности сопровождения. В научной литературе по психологии преступного поведения подчеркивается, что эффективность повышается при адресации динамических криминогенных потребностей и при согласовании интенсивности вмешательства с уровнем риска [14, с. 115]. Систематические обзоры подтверждают профилактический потенциал когнитивно-поведенческих программ и лечения зависимостей при соблюдении стандартов реализации и оценки результатов [12, с. 299].

Наставничество, социальные связи и общественное воздействие. Общественное воздействие входит в перечень средств исправления (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). Однако его эффективность проявляется при наличии устойчивых поддерживающих связей и регулярности контакта, а не в форме разовых мероприятий. Для отечественной практики значимы исследования взаимодействия общественности и уголовно-исполнительной системы (УИС), в которых акцентируется «переход от эпизодического участия к институционализированным моделям сопровождения и социальной адаптации» [10, с. 35–38].

Дизайн оценки эффективности: почему «бумажный эффект» является системным риском. Ключевая причина имитации эффективности – смещение отбора, в программы чаще включаются «лица с низким исходным риском, высокой мотивацией и лучшими социальными ресурсами» [11, с. 58]. Если сравнивать участников программы с общей совокупностью осужденных без учета исходного риска и без сопоставимых групп, неизбежно возникает ложный «эффект программы». В доказательных исследованиях этот риск минимизируется через рандомизацию или квази-эксперимент, сопоставление по ключевым предикторам (возраст, криминальный стаж, зависимость, занятость, дисциплинарная история), использование propensityscorematching, регрессионный контроль, разность разностей. В условиях УИС и пробации реалистичны квази-эксперименты, основанные на сопоставимых группах и стандартизированных шкалах риска. Отсюда вытекает требование к ведомственной отчетности: минимальным стандартом должно быть разделение итогов по уровням риска и по типам потребностей, а также учет показателей выбывания из программы.

Разрыв маршрута «учреждение – пробация – соцслужбы – работодатель» как источник рецидива. Даже доказательно эффективные интервенции теряют результат при нарушении непрерывности маршрута. Индивидуальная программа часто обрывается на этапе реализации: нет места в реабилитации, нет вакансий, отсутствуют полномочия или ресурсы сопровождения. В исследованиях взаимодействия субъектов пробации с институтами гражданского общества и работодателями подчеркивается, что без устойчивых межведомственных регламентов и механизмов вовлечения внешних партнеров невозможно обеспечить постпенитенциарное продолжение коррекционных и социально-экономических мер [7, с. 74–79]. С точки зрения уголовно-правовой превенции такой разрыв создает ситуацию, когда осужденный формально соблюдает обязанности, но не получает средств для восстановления законопослушного образа жизни и возвращается к прежним криминогенным стратегиям.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Нормативные и правоприменительные контуры мотивации осужденного к участию в ресоциализации. Российская модель, с одной стороны, опирается на добровольность участия в части программ, с другой – использует правовые стимулы и ограничения (поощрения, изменение условий отбывания наказания, УДО, замена наказания). Важный практический вопрос заключается в том, какие показатели должны подтверждать исправление и устойчивость позитивных изменений. Верховный Суд Российской Федерации ориентирует суды на оценку поведения осужденного и его отношения к труду, обучению и соблюдению режима при решении вопросов об УДО, что создает правовую «привязку» мотивации к реальным действиям, а не к формальным справкам. В доказательной логике участие в когнитивно-поведенческих программах, лечении зависимостей и профессиональной подготовке может учитываться как существенный индикатор исправления, но только при наличии независимой оценки прогресса и исключении имитации участия.

Противоположные позиции и их оценка. В отечественной дискуссии можно выделить по меньшей мере две линии критики: а) скепсис к «психологизации» исправления и к переносу зарубежных «whatworks» практик на российскую почву; б) убеждение, что ресоциализация не может быть эффективной без радикального расширения социальных гарантий, а потому пенитенциарные программы имеют ограниченную отдачу. Первая позиция частично обоснована: механический перенос методик без учета институционального контекста действительно приводит к имитациям. Однако доказательная профилактика как раз и ориентирована на проверяемость и адаптацию: эффективность не предполагается, а доказывается методологически корректно. Вторая позиция верно указывает на роль структурных факторов, но из нее не следует отказ от программ; напротив, необходимость межведомственного сопровождения и «связки» с рынком труда подтверждается как отечественными исследованиями, так и мета-аналитическими выводами о роли занятости и лечения зависимостей.

Практические модели межведомственного сопровождения. Кейс-менеджмент на основе индивидуальной программы. Индивидуальная программа ресоциализации должна включать в себя цели, индикаторы и ответственное лицо (координатора случая), а также календарный план. Минимальный стандарт casemanagement предполагает: стандартизированное первичное оценивание риска и потребностей; планирование; мониторинг прогресса; корректировку вмешательств; подготовку к освобождению; передачу случая постпенитенциарному сопровождению и контроль сохранения эффекта в критический период после освобождения. Организационно это требует закрепления ответственности координатора и регламента межведомственного взаимодействия.

«Мост к работодателю» и социальный контракт. Модель включает в себя соглашения с работодателями, центрами занятости и профессиональными учебными организациями, а также гарантии сопровождения (оформление документов, логистика, частичная компенсация затрат работодателя). Участие бизнес-структур рассматривается как значимый ресурс социальной адаптации [9, с. 90–96]. Для предотвращения «бумажного эффекта» ключевым индикатором является не количество направлений в центр занятости, а доля устойчиво трудоустроенных (например, занятость не менее 6 месяцев) и снижение числа повторных правонарушений.

Интеграция терапии зависимостей и поддержки жилья. При криминологическом профиле, связанном с зависимостью и нестабильным проживанием, разрыв в лечении и отсутствие жилья резко повышают риск рецидива, поэтому требуется связанная модель: диагностика зависимости в учреждении; направление в программу лечения; контроль

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

посещаемости; поддержка «без провала» в первые 90 дней после освобождения. В этой части целесообразна координация с медицинскими организациями и социальными службами, включая программы социальной реабилитации.

Ресоциализация как фактор снижения пенитенциарной преступности становится практической технологией только при соблюдении трех условий: 1) выбор интервенций по принципу доказательной эффективности и соответствия профилю риска и потребностей; 2) корректный дизайн оценки результатов, исключающий смещение отбора и подмену конечных исходов процессными показателями; 3) непрерывность маршрута «учреждение – пробация – соцслужбы – работодатель», обеспечиваемая межведомственным кейс-менеджментом. К числу интервенций с наибольшим потенциалом профилактического эффекта относятся образовательные и профессиональные программы, сопряженные с реальным трудоустройством; когнитивно-поведенческие и терапевтические программы, адресующие агрессию, самоконтроль и зависимости; наставничество и общественное воздействие, встроенные в индивидуальные планы; постпенитенциарное сопровождение в критический период после освобождения. К практикам «бумажного эффекта» относятся программы, ориентированные на формальную посещаемость, не имеющие стандартизированных критериев отбора и оценки, а также мероприятия, разорванные с постпенитенциарным сопровождением. Организационные предложения включают в себя: введение минимального стандарта оценочных процедур (сопоставимые группы и сегментация по риску), закрепление ответственности координатора случая и формирование межведомственных соглашений о трудоустройстве и лечении зависимостей. В части нормативной доработки перспективным является уточнение соотношения ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации и устранение несогласованностей в определении субъектов и объектов ресоциализации, на которые обращается внимание в литературе [5, с. 438].

Типология интервенций по механизму воздействия. Для целей доказательной оценки необходимо выделять следующие группы ресоциализационных интервенций: а) структурные (образование, труд, жилье, документы, долговая нагрузка); б) поведенческие (когнитивно-поведенческие практики, обучение навыкам самоконтроля, управление гневом); в) клинические (лечение зависимостей, психиатрическая и психологическая помощь, терапевтические сообщества); г) социально-сетевые (наставничество, восстановление семейных связей, общественное воздействие). Такая классификация позволяет «привязать» программу к конкретным криминогенным факторам и избежать подмены целей: например, программа образования должна измеряться не количеством выданных сертификатов, а эффектом занятости и правопослушного поведения.

Минимальные критерии доказательности для ведомственной практики. В условиях УИС и пробации наиболее реалистичны квази-экспериментальные дизайны, поскольку рандомизация может быть ограничена этически и организационно. Минимальный стандарт включает в себя: 1) фиксацию исходного риска и потребностей; 2) формирование сопоставимых групп (участники и контроль) по ключевым предикторам; 3) анализ длительности участия (дозы) и причин выбытия; 4) измерение исходов на горизонте не менее 12 месяцев (для постпенитенциарного блока – 24 месяца); 5) прозрачность алгоритмов направления в программу. Отдельно должны учитываться переносимые эффекты: снижение числа дисциплинарных нарушений в учреждении может быть промежуточным маркером, но окончательным критерием остается снижение повторной преступности.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Смещение отбора и управленческая статистика. При отсутствии сопоставимых групп программа легко превращается в управленческий инструмент демонстрации успешности. Так, если в программу преимущественно включаются лица, уже характеризующиеся положительно и имеющие низкий риск, то последующее сравнение с общей массой осужденных неизбежно покажет эффект. Аналогичная проблема возникает, когда дисциплинарная статистика используется как основной показатель: ужесточение контроля может увеличить выявляемость нарушений без роста реального неблагополучия, а либерализация снизить выявляемость без улучшения поведения, поэтому оценка должна опираться на несколько исходов, включая рецидив, трудоустройство, устойчивость отказа от употребления психоактивных веществ, а также на независимые источники данных.

Уголовно-исполнительные стимулы и юридическая «привязка» программ. В отечественной системе исправление является категорией, имеющей правовые последствия: оно учитывается при применении поощрений и взысканий, при решении вопросов об изменении вида исправительного учреждения, об условно-досрочном освобождении, о замене неотбытой части наказания более мягким. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации исходят из того, что суд должен оценивать устойчивость положительного поведения и данные о личности осужденного (в частности, при решении вопроса об УДО). Следовательно, участие в доказательно эффективных программах должно быть включено в систему доказательств исправления, но только при наличии независимой оценки результатов (например, завершение программы с подтвержденным прогрессом по стандартизированным шкалам, отсутствие дисциплинарных нарушений в период участия).

Ресоциализация как средство предупреждения преступлений. Методологически значимо рассматривать ресоциализацию не только как социальную работу, но и как элемент уголовно-правового механизма предупреждения преступлений, сопоставимый по значимости с режимом и надзором. В отечественной дискуссии ресоциализация обозначается «как система мер и как целенаправленный процесс принятия социальных норм, что позволяет связать ее с задачами предупреждения повторной преступности и индивидуальной профилактики» [6, с. 54].

Образование – от формальной доступности к результату. В практике нередко фиксируется ситуация, когда педагогический компонент ограничивается направлением на обучение, при этом программа не встроена в индивидуальный план и не доводится до результата. С точки зрения доказательной профилактики критичны: завершение образовательного модуля, признание квалификации на внешнем рынке и наличие постпенитенциарного «моста» к занятости. В отсутствие последнего образовательная интервенция легко превращается в отчетный показатель, не влияющий на риск рецидива [13, с. 29].

Труд: снижение криминогенности через легальный доход и дисциплину. Трудовые программы дают профилактический эффект через формирование социально приемлемого источника дохода; развитие навыков планирования; сокращение вовлеченности в криминальные сети. Однако без постпенитенциарного продолжения трудовая интервенция может «схлопнуться». Практический стандарт должен включать в себя документирование компетенций, партнерство с работодателями и сопровождение в первые месяцы трудоустройства, когда риск срыва наиболее высок.

Управление агрессией и когнитивно-поведенческие практики. Для осужденных по насильственным составам особое значение имеют программы управления гневом, навыки самоконтроля и когнитивная реструктуризация. Профилактический эффект достигается при соблюдении принципов адресности (по уровню риска), достаточной «дозы»

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

вмешательства и стандартизированного протокола работы, включая оценку динамики агрессивности и импульсивности. В «whatworks» литературе эти вмешательства относятся к числу «наиболее воспроизводимых по эффекту при корректном дизайне реализации и оценки результатов» [12, с. 299].

Лечение зависимостей. Для лиц с наркотической и алкогольной зависимостью ключевым фактором рецидива является срыв и возвращение в прежнюю среду, поэтому профилактический эффект требует связанного маршрута: диагностика в учреждении; направление в программу лечения; контроль соблюдения режима терапии; поддержка трезвости после освобождения; работа с семьей и социальным окружением. При разрыве между лечением и социальной поддержкой эффект «схлопывается», а риск повторной преступности возрастает [13, с. 29].

Терапевтические сообщества и программы психологического сопровождения. Сильной стороной терапевтических моделей является создание микросоциальной среды с нормами, альтернативными криминальной субкультуре. Однако именно здесь высок риск «бумажного эффекта», если участие носит принудительно-формальный характер, а персонал не обучен методикам работы. Следовательно, критерии качества должны включать в себя сертификацию программ, супервизию специалистов и независимую оценку результатов.

Системный вывод: эффективность – продукт связности. Невозможно устойчиво снизить пенитенциарную преступность исключительно «внутри учреждения» при отсутствии постпенитенциарного сопровождения. В то же время невозможно обеспечить сопровождение «снаружи», если в учреждении не сформирован индивидуальный план и не проведена работа с криминогенными установками, поэтому центральной является связка институтов, обеспечивающая непрерывность маршрута и управляемость данных, от первичной оценки риска и потребностей до контроля сохранения эффекта после освобождения. В доказательной логике программа считается реализованной только тогда, когда ее маршрут замкнут и результаты измерены на выходе.

Практический тест на «бумажный эффект». Программа должна считаться имитационной, если выполняются хотя бы два признака: отсутствует сопоставимая контрольная группа или эквивалентный контроль смещения отбора; отчетность основана на посещаемости и количестве мероприятий, а не на исходах; (в) нет данных о сохранении эффекта после выхода (6–24 месяца); отсутствует межведомственный контур передачи случая; критерии направления в программу непрозрачны. Для ведомственной практики рационально закрепить эти признаки в методических рекомендациях и включить в аудит программ.

Отечественная научная линия. В российской уголовно-исполнительной науке ресоциализация традиционно рассматривалась применительно к лишению свободы, при этом в последние годы усиливается внимание к альтернативным наказаниям и институциональным механизмам пробации. В работах по теоретико-правовым аспектам ресоциализации подчеркивается необходимость «операционализации понятия через технологии и измеримые результаты, а также согласования уголовно-исполнительных целей с межведомственными практиками сопровождения» [8, с. 12–19]. Это создает основу для переноса доказательных стандартов оценки эффективности на отечественную ведомственную практику.

В рамках теоретико-правовых подходов особое значение имеют работы, в которых ресоциализация понимается как часть механизма исправления, а не как внешняя соци-

альная услуга. Так, в дискуссии указывается, что ресоциализация может пониматься как «система мер, направленных на интеграцию осужденных в общество» и как «целенаправленный процесс» принятия социальных норм [3, с. 118]. Данная линия позволяет операционализировать понятие ресоциализации через набор технологий и через измеримые результаты, что соответствует требованиям доказательной профилактики.

Зарубежная доказательная линия. В международной коррекционной практике с конца XX века сформировалась парадигма «whatworks», ориентированная на систематические обзоры и проверяемые эффекты программ. В обзоре систематических обзоров М. Липси и Ф. Каллена подчеркивается, что коррекционная реабилитация демонстрирует измеримые эффекты при условии качественного дизайна программ и правильного подбора участников по уровню риска [12, с. 299]. В докладе WSIPP (S. Aos, M. Miller, E. Drake) обобщаются результаты оценки различных вмешательств и демонстрируется, что наибольшую отдачу дают когнитивно-поведенческие программы, лечение зависимостей и трудовые/образовательные меры, интегрированные с сопровождением [13, с. 29]. Эти источники важны для российской дискуссии не как «универсальная истина», а как стандарт методологической проверки: эффект не декларируется, а измеряется.

Сопоставление подходов показывает, что многие провалы программ объясняются не неисправимостью осужденных, а ошибками реализации. В литературе по психологии преступного поведения отмечается, что эффективность повышается при соблюдении принципов risk – need – responsivity: интенсивные вмешательства направляются на высокорисковых, содержание программы адресует динамические криминогенные потребности, а формат соответствует возможностям обучаемости и отклика [14, с. 115]. Для российской системы это означает необходимость стандартизированного оценивания риска и отказ от практики, когда в программы в первую очередь направляются лица с низким риском и высокой мотивацией ради «показателей».

Кадровый и ресурсный дефицит как фактор эффективности. Эффективность ресоциализирующих интервенций критически зависит от кадрового потенциала и нагрузки на исполнителей. При высокой нагрузке на инспектора или сотрудника учреждения возрастает вероятность формализации работы: протоколы заменяются «беседами», контроль сводится к фиксации посещаемости, а межведомственные контакты приобретают эпизодический характер, поэтому внедрение доказательной профилактики требует ресурсного расчета, нормативов нагрузки, подготовки специалистов, супервизии и независимого мониторинга качества реализации программ. Без этого даже методически корректные интервенции трансформируются в «бумажный эффект».

Модель внедрения – пилот – оценка – масштабирование. Для минимизации «бумажного эффекта» целесообразно применять цикл внедрения, известный в прикладных исследованиях как *implementationscience*: 1) разработка протокола программы (цель, теория изменений, критерии включения, длительность, инструменты оценки); 2) пилотирование на ограниченном числе учреждений/территорий; 3) независимая оценка с сопоставимыми группами; 4) корректировка; 5) масштабирование с обязательной периодической переоценкой.

Этические и правовые границы обязательности участия. Дискуссионным является вопрос о допустимости обязательного участия осужденных в программах, особенно терапевтических. С одной стороны, принудительность повышает риск формального посещения и сопротивления; с другой — отдельные вмешательства могут быть необходимы для снижения риска причинения вреда. В правовом измерении допустимость

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

«обязательности» должна опираться на принцип соразмерности и на связь вмешательства с целями наказания и профилактики, а также учитывать стандарты защиты прав личности и недопустимость унижающих достоинство практик. В доказательной логике приоритет следует отдавать моделям, которые комбинируют юридическую мотивацию участия (поощрения и стимулирование) с независимой оценкой прогресса и с возможностью отказа от формальных, неэффективных мероприятий при отсутствии результата.

Система показателей. Для доказательной пенитенциарной профилактики целесообразно выделять: конечные исходы – новые преступления (в учреждении и после освобождения), рецидив, повторные административные правонарушения, нарушения режима, применение взысканий; промежуточные исходы – занятость, завершение образовательного модуля, участие в терапии и удержание в лечении, стабильность проживания, восстановление документов; процессные индикаторы – охват, интенсивность, соблюдение протокола, квалификация ведущих. Критически важно не подменять конечные исходы процессными: рост охвата при неизменном рецидиве означает расширение «витрины», но не эффективность.

Карта рисков реализации программы. В практической работе наиболее типичны следующие риски: 1) риск неверного таргетирования (в программу попадают низкорисковые, а высокорисковые «выпадают»); 2) риск недостаточной дозы (слишком короткая длительность и редкие занятия); 3) риск утраты качества (отсутствие супервизии, замена методики «беседами»); 4) риск разрыва маршрута (нет передачи случая, отсутствует сопровождение); 5) риск конфликтов целей (программа используется как дисциплинарная мера, а не как развитие навыков); 6) риск статистической иллюзии (изменение практик учета нарушений). Каждому риску должны соответствовать управленческие контрмеры: стандарты отбора, обучение персонала, аудит соблюдения протокола, единые регламенты передачи случая, унификация статистики.

Межведомственный контур: регламент передачи случая. На практике целесообразно закрепить регламент «передачи» осужденного из учреждения в пробацию и далее в социальные службы как обязательную процедуру: за 6 месяцев до освобождения первичная оценка риска и потребностей, формирование плана; за 3 месяца согласование плана с уголовно-исполнительной инспекцией (УИИ) органом пробации, центром занятости и социальными службами; за 30 дней подтверждение места проживания, медицинского маршрута и трудового трека; в течение 72 часов после освобождения первичный контакт координатора случая; в течение 30 дней подключение наставника и контроль участия в терапии/занятости; по итогам 90 дней оценка критического периода. Такая детализация позволяет закрыть зону неопределенности, которая в доктрине описывается как несогласованность субъектов и объектов ресоциализации.

Направления дальнейших исследований. Для развития доказательной профилактики в России необходимо создание и валидация шкал оценки риска, применимых в учреждениях и в пробации; накопление базы данных о программах и их протоколах; проведение многоцентровых квази-экспериментальных исследований с сопоставимыми группами; анализ экономической эффективности программ (соотношение затрат и предотвращенного ущерба). В противном случае ведомственная практика будет продолжать воспроизводить бумажные модели, хорошо выглядящие в отчетности, но не меняющие уровень пенитенциарной преступности.

Итоговая позиция. Доказательная пенитенциарная профилактика не противопоставляется традиционным средствам исправления (режим, надзор, воспитательная работа), а

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

задает для них измеримые критерии результата. В современных условиях задача состоит не в наращивании количества мероприятий, а в построении технологически связанного маршрута ресоциализации, где каждое звено (учреждение, пробация, социальные службы и работодатель) несет конкретную ответственность за достижение проверяемых исходов. При таком подходе ресоциализация становится не декларацией, а инструментом снижения как числа преступлений внутри учреждений, так и постпенитенциарного рецидива.

Дополнительным условием внедрения доказательной пенитенциарной профилактики является создание устойчивого контура данных и процедур независимой проверки результатов. Ведомственные показатели посещаемости занятий, «охвата программами» и количества проведенных мероприятий не могут рассматриваться как валидные исходы без привязки к повторной преступности, дисциплинарной статистике и социальным результатам после освобождения, а также без учета исходного риска и смещения отбора. При отсутствии единых протоколов описания программ и сопоставимых групп, по справедливому замечанию исследователей практики УИИ и пробации, организация сопровождения неизбежно «размывается» между субъектами и уровнями управления, что затрудняет ответственность и оценку эффекта, поэтому для каждой интервенции целесообразно закреплять минимальный набор обязательных элементов: описание целевой группы, механизма воздействия, длительности и интенсивности, критериев завершения, а также схемы последующего контакта в критический период 90–180 дней после освобождения, когда риск рецидива наиболее высок; именно на этом горизонте в международной доказательной традиции предлагается проверять устойчивость эффекта программ [13, с. 29].

Методический минимум доказательной оценки в условиях УИС и пробации целесообразно строить вокруг квази-экспериментальных дизайнов и контроля смещения отбора. Практически применимы: 1) сопоставление по ключевым предикторам риска (возраст, криминальная история, дисциплинарный профиль, зависимость, занятость до осуждения) с использованием парного подбора и propensityscorematching; 2) анализ «разности разностей» при поэтапном внедрении программы в учреждениях одного типа; 3) прерывистые временные ряды при изменении режима реализации интервенции; 4) регрессионная дискретность для случаев, когда включение в программу определяется порогом балльной оценки риска. В качестве исходов должны учитываться не только новые преступления, но и дисциплинарные нарушения с разделением на категории тяжести (насилие, неповиновение, оборот запрещенных предметов), а также постпенитенциарные индикаторы (стабильная занятость, прохождение лечения, отсутствие повторных правонарушений). Такая постановка задачи соответствует доказательной традиции коррекционной реабилитации: эффект связывается с качеством дизайна и реализацией программы, а не с формальным фактом ее наличия [12, с. 300]. Одновременно принцип risk – need – responsivity задает критерии таргетирования и предотвращает обратный отбор, когда в программы преимущественно попадают низкорисковые ради отчетности [14, с. 115]. Игнорирование этих требований ведет к управленческим решениям, которые повышают затраты и не снижают рецидив, что критически описывается в современной криминологической литературе о «цене игнорирования науки» [15, с. 50].

Список источников

1. Волховский Р. А. Правовое обеспечение и организация ресоциализирующего воздействия в отношении осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества : дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2026. 300 с.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

2. Сочивко О. И. К вопросу о ресоциализации личности осужденных // Прикладная юридическая психология. 2020. № 1(50). С. 69–70.
3. Тит А. А. Ресоциализация как цель наказания (на примере Республики Беларусь) // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2(43). С. 117–123.
4. Ефремова И. А. Ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация несовершеннолетних: сущность и соотношение понятий // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 3. С. 304–312.
5. Скиба А. П. Ресоциализация осужденных: некоторые теоретико-правовые аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 4. С. 436–444.
6. Гончарова М. В. Понятие индивидуальной профилактики повторных преступлений // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 4. С. 54–55.
7. Ольховик Н. В. Предмет, механизмы и правовые основы взаимодействия субъектов пробации с институтами гражданского общества // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1(54). С. 74–79.
8. Тепляшин П. В. Международно-правовые основы ресоциализации и реинтеграции осужденных // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 1(70). С. 12–19.
9. Селиверстов В. И., Посмаков П. Н. Проблемы участия бизнес-структур в социальной адаптации (ресоциализации) лиц, освобождаемых и освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 1(37). С. 90–96.
10. Багреева Е. Г. Институты гражданского общества и уголовно-исполнительная система России: от конфронтации к сотрудничеству // Российский следователь. 2012. № 22. С. 35–38.
11. Садовникова М. Н. Взаимодействие общественности и системы исполнения наказаний: история и современность // Сибирский юридический вестник. 2003. № 3. С. 58–61.
12. Lipsey, M. W. & Cullen, F. T. 2007, 'The effectiveness of correctional rehabilitation: A review of systematic reviews', *Annual Review of Law and Social Science*, vol. 3, pp. 297–320.
13. Aos, S., Miller, M. & Drake, E. 2006, *Evidence-based public policy options to reduce future prison construction, criminal justice costs, and crime rates*, Washington State Institute for Public Policy, Olympia, WA.
14. Andrews, D. A. & Bonta, J. 2017, *The Psychology of Criminal Conduct*, 6th edn, Routledge, New York.
15. Cullen, F. T., Jonson, C. L. & Nagin, D. S. 2011, 'Prisons do not reduce recidivism: The high cost of ignoring science', *The Prison Journal*, vol. 91(3), pp. 48S–65S.

References

1. Volkhovsky, R. A. 2026, *Legal support and organization of resocializing effects in relation to convicts serving sentences not related to isolation from society: PhD thesis (Law)*, Kursk.
2. Sochivko, O. I. 2020, 'On the issue of the resocialization of the personality of convicts', *Applied legal psychology*, iss. 1(50), pp. 69–70.
3. Tit, A. A. 2020, 'Resocialization as a goal of punishment (on the example of the Republic of Belarus)', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 2(43), pp. 117–123.
4. Efremova, I. A. 2023, 'Resocialization, social adaptation and social rehabilitation of minors: the essence and correlation of concepts', *Penal law*, vol. 18(1–4), iss. 3, pp. 304–312.
5. Skiba, A. P. 2023, 'Resocialization of convicts: some theoretical and legal aspects', *Penal law*, vol. 18(1–4), iss. 4, pp. 436–444.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

6. Goncharova, M. V. 2017, 'The concept of individual prevention of repeated crimes', *Actual issues of combating crimes*, iss. 4, pp. 54–55.
7. Olkhovik, N. V. 2023, 'The subject, mechanisms and legal bases of interaction between probation subjects and civil society institutions', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 1(54), pp. 74–79.
8. Teplyashin, P. V. 2024, 'International legal foundations of the resocialization and reintegration of convicts', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 1(70), pp. 12–19.
9. Seliverstov, V. I. & Posmakov, P. N. 2020, 'Problems of the participation of business structures in the social adaptation (re-socialization) of persons released and released from serving a sentence of imprisonment', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 1(37), pp. 90–96.
10. Bagreeva, E. G. 2012, 'Institutions of civil society and the Russian penal system: from confrontation to cooperation', *Russian investigator*, iss. 22, pp. 35–38.
11. Sadovnikova, M. N. 2003, 'Interaction of the public and the system of execution of punishments: history and modernity', *Siberian Law Bulletin*, iss. 3, pp. 58–61.
12. Lipsey, M. W. & Cullen, F. T. 2007, 'The effectiveness of correctional rehabilitation: A review of systematic reviews', *Annual Review of Law and Social Science*, vol. 3, pp. 297–320.
13. Aos, S., Miller, M. & Drake, E. 2006, *Evidence-based public policy options to reduce future prison construction, criminal justice costs, and crime rates*, Washington State Institute for Public Policy, Olympia, WA.
14. Andrews, D. A. & Bonta, J. 2017, *The Psychology of Criminal Conduct*, 6th edn, Routledge, New York.
15. Cullen, F. T., Jonson, C. L. & Nagin, D. S. 2011, 'Prisons do not reduce recidivism: The high cost of ignoring science', *The Prison Journal*, vol. 91(3), pp. 48S–65S.

Информация об авторе

А. Б. Баумштейн – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

A. B. Baumstein – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the criminal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 05.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 09.06.2026.

The article was submitted 05.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 09.06.2026.

Научная статья
УДК 343.827

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Дмитрий Владимирович Горбань¹

¹ Университет ФСИН России, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия, gorban.d.v@fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9442-7712>

Аннотация. В статье исследуются проблемные вопросы механизма привлечения осужденных к лишению свободы к дисциплинарной ответственности, анализируются ключевые недостатки действующего уголовно-исполнительного законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений. Цель статьи заключается в разработке предложений и рекомендаций по совершенствованию механизма привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности, которые направлены на повышение эффективности процесса исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. На основе проведенного в научной статье анализа предлагаются меры совершенствования механизма привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность дисциплинарной практики, снизить уровень конфликтности в исправительных учреждениях, а также способствовать ресоциализации осужденных.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, осужденные, исправительные учреждения, нарушения режима, меры взыскания, механизм дисциплинарной ответственности

Для цитирования

Горбань Д. В. Проблемные аспекты и пути совершенствования механизма привлечения осужденных к лишению свободы к дисциплинарной ответственности // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 235–243.

Original article

PROBLEMATIC ASPECTS AND WAYS TO IMPROVE THE MECHANISM FOR BRINGING PRISONERS TO DISCIPLINARY RESPONSIBILITY

Dmitry Vladimirovich Gorban¹

¹ University of the FPS of Russia, St. Petersburg, Pushkin, Russia, gorban.d.v@fsin.gov.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9442-7712>

Abstract. The article examines the problematic issues of the mechanism for bringing those sentenced to imprisonment to disciplinary responsibility, analyzes the key shortcomings of the current penal legislation in the field of public relations under consideration. The purpose of the article is to develop proposals and recommendations for improving the mechanism for bringing convicts to disciplinary responsibility, which are aimed at improving the effectiveness of the process of executing criminal penalties in the form of imprisonment. Based on the analysis carried out in the scientific article, measures are proposed to improve the mechanism for bringing convicts to disciplinary responsibility. The implementation of the proposed measures will improve the effectiveness of disciplinary practice, reduce the level of conflict in correctional institutions, and promote the resocialization of convicts.

Keywords: disciplinary responsibility, convicts, correctional institutions, regime violations, penalties, mechanism of disciplinary responsibility

For citation

Gorban, D. V. 2026, 'Problematic aspects and ways to improve the mechanism for bringing prisoners to disciplinary responsibility', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 235–243.

Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы выступает одним из ключевых институтов уголовно-исполнительного права, направленных на обеспечение законности и правопорядка в исправительных учреждениях, а также на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства. Она представляет собой механизм воздействия на осужденных, нарушающих установленный порядок отбывания наказания. Дисциплинарная ответственность реализуется через применение мер взыскания, которые призваны стимулировать правопослушное поведение осужденных. В целом процессуальный механизм привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности за нарушения установленного порядка отбывания наказания в научной литературе получил название «дисциплинарное производство». Дисциплинарное производство включает в себя порядок фиксации нарушения, установления и расследования обстоятельств совершенного нарушения, принятия решения о применении к осужденным мер взыскания и их исполнения.

Как справедливо отмечают Ю. А. Головастова и А. Н. Гордополов, несмотря на достаточную научную проработку и исследование вопросов дисциплинарной ответственности осужденных, указанная тематика до сих пор привлекает внимание ученых-пенитенциаристов, остается актуальной, дискуссионной и спорной. В целом в научной литературе

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

указанными авторами отмечаются весьма многополярные взгляды ученых на вопросы дисциплинарной ответственности осужденных [1, с. 68].

Проведенный анализ действующего уголовно-исполнительного законодательства, а также подходов современных исследователей к затронутой проблеме позволил сделать вывод о том, что указанная ситуация возникает по ряду причин, в том числе связанных с недостатками и пробелами в правовом регулировании вопросов дисциплинарной ответственности осужденных, а также дисциплинарного производства.

В первую очередь мы можем отметить отсутствие в действующем законодательстве четкой классификации нарушений установленного порядка отбывания наказания (режима). В данном случае речь идет о законодательном закреплении всех возможных нарушений режима осужденными, их перечня, а также классификации нарушений по степени тяжести наступивших последствий.

Действующая система классификации нарушений режима в уголовно-исполнительном праве создает определенную правовую неопределенность. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) разделяет нарушения на две категории: злостные (ч. 1, 2 ст. 116) и не относящиеся к злостным. Такая дихотомия не позволяет в полной мере учитывать разнообразие нарушений по степени тяжести и характеру, что может приводить к субъективизму при выборе меры взыскания.

Выходом из сложившейся ситуации, по нашему мнению, может стать законодательное закрепление классификации нарушений режима в зависимости от степени тяжести совершенного осужденным проступка, а также личности нарушителя. Например, все нарушения установленного порядка отбывания наказания целесообразно разделить на следующие группы: малозначительные; незлостные, в том числе предполагающие повторное совершение малозначительного нарушения; злостные, в том числе предполагающие повторное совершение незлостного нарушения.

По мнению П. Е. Байдалина, к малозначительным проступкам следует отнести неосторожные и иные проступки, относящиеся к мелким нарушениям режима, не представляющие какой-либо опасности и не оказывающие какого-либо влияния на обстановку в вопросах обеспечения и поддержания должного правопорядка в ИУ в целом. К категории незлостных указанный автор предлагает отнести проступки, которые существенно не влияют на состояние оперативной обстановки в целом и порядка отбывания наказания в ИУ [2].

В рассматриваемом аспекте необходимо распределить все нарушения установленного порядка отбывания наказания, закрепленные в действующем законодательстве, по предложенным классификационным группам. Для каждой классификационной группы необходимо предусмотреть соответствующие тяжести совершенного проступка меры взыскания, в том числе с учетом признака повторности их совершения.

В научной литературе обосновывается позиция о необходимости определения и закрепления в законодательстве понятия злостного нарушителя, не ограничиваясь перечнем конкретных злостных нарушений. По мнению пенитенциарных исследователей, это позволит учитывать систематичность, умышленный характер действий и неэффективность ранее примененных мер воздействия [3–5].

Учеными также предлагаются иные изменения в сфере правовой регламентации злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания. Так, Н. Н. Кутаков обосновывает позицию о необходимости включения в перечень запретов для осужденных в п. 12 ПВР ИУ (приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110) злостных нарушений, а также закрепления в ПВР ИУ положений п. 2 ст. 116 УИК РФ [6, с. 107].

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Вторым важнейшим блоком проблемных вопросов в сфере правовой регламентации дисциплинарной ответственности осужденных, по нашему мнению, является неопределенность процедуры привлечения осужденных к указанному виду ответственности.

Ученые отмечают, что действующий порядок наложения мер взысканий в УИК РФ регламентирован неполно, отсутствуют четкие процессуальные правила для разных стадий дисциплинарного производства (возбуждение дела, рассмотрение, принятие решения, исполнение) [7, с. 523].

Анализируя проблемные вопросы правового регулирования порядка привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности, в первую очередь мы можем обратить внимание на отсутствие четкого регламента возбуждения процедуры дисциплинарного производства. В УИК РФ не определены критерии и порядок фиксации факта нарушения, а также лица, уполномоченные инициировать дисциплинарное производство.

Проблемным вопросом является имеющая место неясность в процедуре рассмотрения материалов в рамках дисциплинарного производства. Следует указать на то, что в УИК РФ установлены сроки наложения взыскания (не позднее 10 суток со дня обнаружения нарушения, а при проведении проверки – не позднее трех месяцев со дня совершения нарушения), однако не закреплены сроки для других стадий производства (например, для проведения проверки, рассмотрения материалов). Учеными для решения данной проблемы предлагается закрепление в действующем законодательстве четырехэтапной системы дисциплинарного производства, включающей в себя:

- возбуждение производства и проведение проверки. На указанном этапе фиксируется факт нарушения, проводится проверка для установления обстоятельств проступка. Поводом для возбуждения производства могут служить рапорты начальствующего состава, акты администрации учреждения, жалобы других осужденных, сообщения ведомственных органов и т. д. В ходе проверки устанавливается состав дисциплинарного проступка;

- рассмотрение материалов о совершенном проступке и принятие решения о применении меры взыскания. На данном этапе анализируются собранные материалы, учитываются обстоятельства совершения нарушения, личность осужденного и его предыдущее поведение. На основании этого принимается решение о наложении меры взыскания, которое оформляется постановлением начальника исправительного учреждения или лица, его замещающего;

- исполнение меры взыскания. После принятия процессуального решения происходит исполнение меры взыскания. Например, если было принято решение о водворении в штрафной изолятор, осужденный помещается туда на установленный срок;

- обжалование осужденным принятого в отношении него решения о применении меры взыскания. Осужденный вправе оспорить наложенное взыскание в установленном порядке. Это может быть обращение в прокуратуру, ФСИН России или подача жалобы в суд [8, с. 30]. Здесь необходимо указать на то, что ст. 117 УИК РФ в действующей редакции не содержит прямого указания на право осужденного обжаловать наложенное дисциплинарное взыскание. В указанной статье регламентируется только порядок применения мер взыскания, но вопрос обжалования в ней не затрагивается, что, по нашему мнению, также является пробелом в правовом регулировании.

Предложенная классификация этапов отражает процессуальную структуру дисциплинарного производства в ИУ. Она позволяет систематизировать действия администрации и осужденного, обеспечивая последовательность и контроль за законностью применения мер взыскания.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Кроме перечисленных проблемных вопросов в сфере правовой регламентации порядка привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности, мы можем также отметить, что УИК РФ не устанавливает, какие доказательства могут использоваться при принятии процессуального решения о применении к осужденному меры взыскания. Отсутствие четкого перечня допустимых доказательств позволяет на практике ограничиваться, например, одним рапортом должностного лица, что, по нашему мнению, является недостаточным.

З. Р. Рахматулин для решения указанной проблемы предлагает закрепить в отдельной статье УИК РФ положения о том, какие виды доказательств могут использоваться при установлении предмета доказывания соответствующего дисциплинарного проступка, а также качества, которым они должны соответствовать (допустимость, относимость, достаточность, достоверность). Кроме того, по мнению указанного автора, в УИК РФ целесообразно закрепить перечень доказательств. Например, рапорты начальствующего состава, акты администрации ИУ, докладные записки, сообщения от иных органов, жалобы, заявления и иные обращения осужденных, акты медицинского персонала, результаты освидетельствования, иные предметы и документы, а также другие доказательства [9, с. 137].

Мы можем указать на следующие аспекты:

- отсутствие в законодательстве нормы о сроке погашения взыскания для злостных нарушителей;
- неопределенность правил отсрочки, приостановления или досрочного освобождения от исполнения взыскания;
- отсутствие механизмов контроля за исполнением дисциплинарных взысканий;
- недостаточная регламентация порядка возмещения ущерба, причиненного нарушением.

Проблемы правовой регламентации дисциплинарной ответственности осужденных, включая процедурные вопросы привлечения к ответственности, активно исследуются современными учеными. В рассматриваемом контексте ими предлагается комплекс мер по совершенствованию указанной деятельности.

Так, А. С. Короткевич предлагает увеличить размер дисциплинарного штрафа соразмерно суммам, предусмотренным для приобретения осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости. Автор также предлагает дополнение УИК РФ новыми видами мер взысканий, например, такими, как закреплены в действующем законодательстве Республики Беларусь: внеочередное дежурство по уборке помещений или территории исправительного учреждения; лишение права на получение очередной посылки или передачи и запрещение на срок до одного месяца покупать продукты питания; лишение очередного длительного или краткосрочного свидания [10, с. 36].

Согласно позиции И. А. Давыдовой, в УИК РФ следует закрепить и четко разграничить виды нарушений установленного порядка отбывания наказания и меры взыскания, которые могут за них применяться. Необходимо также законодательно закрепить процедуру наложения взыскания, которая должна быть направлена на обеспечение гарантий прав лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, осуществляться на принципах законности, независимости, объективности, гласности. По мнению указанного автора, в действующее уголовно-исполнительное законодательство целесообразно внедрить институт отсрочки применения взыскания, а также досрочное освобождение от исполнения меры взыскания [11, с. 531].

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Г. Ю. Зинин и С. Г. Машкин предлагают законодательное закрепление в нормах уголовно-исполнительного права смягчающих и отягчающих обстоятельств, которые позволят более детально и структурированно подходить к процессу привлечения нарушителя режима к дисциплинарной ответственности. Например, к смягчающим обстоятельствам указанные авторы предлагают относить факт несовершеннолетия лица при допущении злостных пенитенциарных проступков. В отношении указанной категории лиц предпочтение должно отдаваться воспитательным мероприятиям, в противовес карательным [12, с. 504].

А. И. Дроздов предлагает закрепить в законодательстве конкретный перечень проступков осужденных, влекущих за собой дисциплинарную ответственность, с четкой формулировкой признаков их составов, а также установлением перечня мер взыскания, в том числе и за злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания, которые могут быть применены за их совершение [13, с. 45].

По мнению Е. В. Чернышенко, в ст. 117 УИК РФ необходимо внести изменения, связанные с возможностью досрочного освобождения осужденного из ШИЗО по решению начальника ИУ в воспитательных целях, как это предусмотрено в действующем законодательстве в отношении подозреваемых и обвиняемых, находящихся в карцере. Предлагаемые законодательные изменения, по мнению указанного автора, могут эффективно сказаться на процессе исправления осужденных [14, с. 17].

Согласно позиции Л. В. Ложкиной, в УИК РФ следует ограничить возможность назначения взыскания в виде дисциплинарного штрафа, а в качестве оснований его применения предусмотреть лишь простые, а не злостные нарушения режима. Для реализации указанных предложений, по мнению автора, необходимо внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 117 УИК РФ [15, с. 127].

Таким образом, проведя научный анализ, а также обобщив подходы ученых к вопросу совершенствования механизма привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности, считаем наиболее целесообразной реализацию следующих мер:

- закрепление закрытого перечня нарушений установленного порядка отбывания наказания и классификацию нарушений по степени тяжести наступивших последствий (малозначительные, незлостные, злостные);
- закрепление понятия «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания»;
- закрепление четырехэтапной системы дисциплинарного производства включающей в себя: возбуждение производства и проведение проверки; рассмотрение материалов о проступке и принятие процессуального решения о применении меры взыскания; исполнение меры взыскания; обжалование осужденным принятого в отношении него решения о применении меры взыскания;
- установление четких сроков для каждой стадии дисциплинарного производства (возбуждение, рассмотрение, исполнение, обжалование);
- определение перечня допустимых доказательств, которые будут использоваться при принятии процессуального решения о применении к осужденному меры взыскания, качества, которым они должны соответствовать, а также порядка их сбора;
- увеличение размера дисциплинарного штрафа, а также его применение при совершении осужденными любых видов нарушений установленного порядка отбывания наказания, а не только злостных;
- закрепление новых видов мер взысканий: внеочередное дежурство по уборке помещений или территории исправительного учреждения; лишение права на получение

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

очередной посылки или передачи; запрещение на срок до одного месяца приобретать продукты питания; лишение очередного длительного или краткосрочного свидания;

– внедрение института отсрочки применения мер взыскания, а также досрочного освобождения от исполнения меры взыскания;

– закрепление смягчающих и отягчающих обстоятельств, учитываемых при принятии процессуального решения о применении к осужденным мер взыскания;

– закрепление права на обжалование осужденным примененной к нему меры взыскания, а также порядка его реализации.

Реализация указанных мер, по нашему мнению, позволит сделать механизм привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности более прозрачным, справедливым и соответствующим принципам законности и защиты прав человека, а также в целом позитивно отразится на эффективности исправительного процесса и правопорядка в ИУ.

Список источников

1. Головастова Ю. А., Гордополов А. Н. Перспективы развития института дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы: быть или не быть – вот в чем вопрос // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 64–71.

2. Байдалин П. Е. Классификация нарушений установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях // Молодежь и наука: начало XXI века : материалы VI Всерос. конф. Красноярск, 2011.

3. Канкулов А. А. Злостный нарушитель режима отбывания наказания в виде лишения свободы: понятие и виды // Актуальные исследования. 2023. № 45(175). Ч. 1. С. 59–62.

4. Антонов Т. Г. Проблемы законодательного закрепления статуса «злостный нарушитель установленного порядка и условий отбывания наказания» // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2(31). С. 24–29.

5. Каретников К. В., Ковалев Н. С., Смирнов И. А. Правовые основы и порядок признания злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания осужденных к лишению свободы: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 3(72). С. 6–11.

6. Кутаков Н. Н. Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания: проблемы системности правовой регламентации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 2(67). С. 105–115.

7. Майстренко Г. А. Регулирование дисциплинарной ответственности осужденных по законодательству Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 5. С. 522–525.

8. Михлин А. С., Кваша Ю. Ф. Злостные нарушители режима в ИТК : учеб. пособие. Рязань, 1982. 92 с.

9. Рахматулин З. Р. Процессуальные аспекты привлечения к дисциплинарной ответственности осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Эпоха науки. 2021. № 28. С. 136–139.

10. Короткевич А. С. Соблюдение порядка привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности // Законность и правопорядок. 2016. № 1-2(14). С. 35–37.

11. Давыдова И. А. Дисциплинарная ответственность осужденных: направления совершенствования российского уголовно-исполнительного законодательства на основе зарубежного опыта // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 4. С. 523–534.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

12. Зинин Г. Ю., Машкин С. Г. Юридические факты, учитываемые при привлечении осужденных к дисциплинарной ответственности // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 2. С. 503–506.

13. Дроздов А. И. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы: проблемы применения // *Вестник Самарского юридического института*. 2018. № 2(28). С. 43–47.

14. Чернышенко Е. В. Проблемы реализации дисциплинарной ответственности в отношении осужденных к лишению свободы // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2017. № 3(39). С. 16–19.

15. Ложкина Л. В. Некоторые вопросы применения дисциплинарных взысканий в отношении осужденных в исправительных учреждениях // *Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право*. 2015. Т. 25, № 2. С. 126–129.

References

1. Golovastova, Yu. A. & Gordopolov, A. N. 2023, 'Prospects for the development of the institute of disciplinary responsibility of persons sentenced to imprisonment: to be or not to be – that's the question', *Criminal Justice*, iss. 22, pp. 64–71.

2. Baidalin, P. E. 2011, 'Classification of violations of the established order of serving sentences in correctional institutions', in *Youth and science: the beginning of the XXI century: materials of the VI All-Russian Conference*, Krasnoyarsk.

3. Kankulov, A. A. 2023, 'Malicious violator of the regime of serving a sentence of imprisonment: concept and types', *Current research*, iss. 45(175), part 1, pp. 59–62.

4. Antonov, T. G. 2017, 'Problems of legislative consolidation of the status of "malicious violator of the established order and conditions of serving a sentence"', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 2(31), pp. 24–29.

5. Karetnikov, K. V., Kovalev, N. S. & Smirnov, I. A. 2024, 'The legal basis and procedure for recognizing convicted persons as malicious violators of the established procedure for serving sentences: current state, problems and prospects', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 3(72), pp. 6–11.

6. Kutakov, N. N. 2025, 'Malicious violation of the established order of serving a sentence: problems of systematic legal regulation', *Safety. Emergency situations*, iss. 2(67), pp. 105–115.

7. Maistrenko, G. A. 2024, 'Regulation of disciplinary liability of convicts under the legislation of the Russian Federation', *Law and Management*, iss. 5, pp. 522–525.

8. Mikhlin, A. S. & Kvasha, Yu. F. 1982, *Malicious violators of the regime in the penitentiary complex: textbook*, Ryazan.

9. Rakhmatulin, Z. R. 2021, 'Procedural aspects of bringing to disciplinary responsibility convicts serving sentences in correctional institutions', *Epoch of Science*, iss. 28, pp. 136–139.

10. Korotkevich, A. S. 2016, 'Observance of the procedure for bringing convicts to disciplinary responsibility', *Legality and law and order*, iss. 1-2(14), pp. 35–37.

11. Davydova, I. A. 2023, 'Disciplinary responsibility of convicts: directions for improving Russian penal enforcement legislation based on foreign experience', *Penal law*, vol. 18(1–4), iss. 4, pp. 523–534.

12. Zinin, G. Yu. & Mashkin, S. G. 2025, 'Legal facts taken into account when bringing convicts to disciplinary responsibility', *Law and the State: theory and practice*, iss. 2, pp. 503–506.

13. Drozdov, A. I. 2018, 'Disciplinary responsibility of persons sentenced to imprisonment: problems of application', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 2(28), pp. 43–47.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

14. Chernyshenko, E. V. 2017, 'Problems of the implementation of disciplinary responsibility in relation to those sentenced to imprisonment', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 3(39), pp. 16–19.

15. Lozhkina, L. V. 2015, 'Some issues of the application of disciplinary penalties against convicts in correctional institutions', *Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law*, vol. 25, iss. 2, pp. 126–129.

Информация об авторе

Д. В. Горбань – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации режима.

Information about the author

D. V. Gorban – PhD (Law), Associate Professor, head of the regime organization department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 09.06.2026.

The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 09.06.2026.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Научная статья
УДК 343.828

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕЧЕНИЯ БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ

Евгений Викторович Ермасов^{1,2,3}, Валерий Сергеевич Бурыхин^{3,4}

¹ Минюст России, г. Москва, Россия, vyk6974@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9523-1316>

² Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

³ Национальный медицинский исследовательский центр фтизиопульмонологии и инфекционных заболеваний Минздрава России, г. Москва, Россия

⁴ bur1979@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8141-3840>

Аннотация. В статье проводится детальный анализ правовых основ применения института недобровольной госпитализации и лечения больных туберкулезом, проблем уклонения от лечения и его досрочного прекращения, а также отсутствия преемственности лечения туберкулеза у лиц, осужденных к различным видам уголовного наказания. На основе опыта функционирования института принудительной госпитализации и лечения больных туберкулезом в СССР и зарубежных странах предлагается модель установления ответственности для лиц, уклоняющихся от лечения заразных форм туберкулеза, путем внесения изменений в административное судопроизводство, введения дополнительных уголовно-правовых мер в отношении осужденных, больных туберкулезом, а также установления уголовной ответственности за уклонение от лечения туберкулеза.

Ключевые слова: институт госпитализации в недобровольном порядке, обязательное лечение, заразные формы туберкулеза, медицинская противотуберкулезная организация, уклонение от госпитализации и лечения

Для цитирования

Ермасов Е. В., Бурыхин С. В. Нормативно-правовое регулирование в организации лечения больных туберкулезом // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 244–266.

INTERSECTORAL ASPECTS OF SENTENCES EXECUTION

Original article

REGULATORY AND LEGAL REGULATION IN THE ORGANIZATION OF TREATMENT OF TUBERCULOSIS PATIENTS

Evgeny Viktorovich Ermasov^{1,2,3}, Valery Sergeevich Burykhin^{3,4}

¹ Ministry of Justice of Russia, Moscow, Russia, vyk6974@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9523-1316>

² Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russia

³ National Medical Research Center for Phthisiopulmonology and Infectious Diseases of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

⁴ bur1979@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8141-3840>

Abstract. The article provides a detailed analysis of the legal basis for the use of the institution of involuntary hospitalization and treatment of tuberculosis patients, the problems of treatment evasion and early termination, as well as the lack of continuity of tuberculosis treatment in persons sentenced to various types of criminal punishment. Based on the experience of the institute of compulsory hospitalization and treatment of tuberculosis patients in the USSR and abroad, a model is proposed for establishing liability for persons who evade treatment of infectious forms of tuberculosis by making changes to administrative proceedings, introducing additional criminal law measures against convicted tuberculosis patients, as well as establishing criminal liability for evading tuberculosis treatment.

Keywords: institution of involuntary hospitalization, compulsory treatment, infectious forms of tuberculosis, medical TB organization, avoidance of hospitalization and treatment

For citation

Ermasov, E. V. & Burykhin, V. S. 2026, 'Regulatory and legal regulation in the organization of treatment of tuberculosis patients', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 244–266.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» туберкулез отнесен не только к социально значимым заболеваниям, но и к заболеваниям, представляющим опасность для окружающих, в связи с чем правовое регулирование вопросов, связанных с его профилактикой и лечением, является актуальным. Несмотря на то что достигнуты определенные положительные результаты в лечении туберкулеза в России, это заболевание остается одной из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации, наносит огромный ущерб экономике страны.

Основы нормативно-правового регулирования лечения больных туберкулезом заложены в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здо-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) и изданных в соответствии с ним нормативных правовых актов, а также в федеральных законах от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 77-ФЗ) и от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», других нормативных правовых актов Российской Федерации.

В системе организации лечения больных туберкулезом особое значение имеет применение в отношении таких граждан институтов недобровольной госпитализации и лечения, к которым относятся:

- госпитализация граждан, больных заразными формами туберкулеза, в медицинские противотуберкулезные организации в рамках применения Федерального закона № 77-ФЗ и гл. 31 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ);
- обязательное лечение осужденных в соответствии со ст. 18 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ).

Правовой основой установления указанных институтов в законодательстве Российской Федерации являются положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.). Согласно ст. 5 Конвенции каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. В перечне случаев, при которых гражданин может быть лишен свободы в порядке, установленном законом, указывается в том числе законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний.

Поскольку недобровольная госпитализация и лечение больного в стационарных условиях ограничивает его право на свободу и личную неприкосновенность, то применение таких институтов в силу правила, содержащегося в ст. 22 Конституции России, допускается только по решению суда. При этом наличие у больного туберкулеза, входящего в число заболеваний, представляющих опасность для окружающих, является основанием для осуществления медицинского вмешательства без согласия гражданина, одного из родителей или иного законного представителя (п. 2 ч. 9 ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ).

Вместе с тем анализ правоприменения в сфере организации лечения больных туберкулезом свидетельствует о необходимости совершенствования указанных правовых институтов. Наиболее актуальной является проблема уклонения от лечения туберкулеза и досрочного прекращения такого лечения лицами, больными заразными формами туберкулеза. Эта проблема связана с правоприменением действующего в Российской Федерации института недобровольной госпитализации больных туберкулезом.

Согласно ст. 13 Федерального закона № 77-ФЗ лица, находящиеся под диспансерным наблюдением в связи с туберкулезом, обязаны проходить по назначению врача медицинской противотуберкулезной организации медицинское обследование и профилактические мероприятия, в том числе путем применения лекарственных препаратов, а также выполнять ряд других обязанностей. Лица, больные туберкулезом, обязаны:

- проходить лечение, назначенное врачом медицинской противотуберкулезной организации;
- соблюдать режим лечения, в том числе определенный на период их временной нетрудоспособности;
- соблюдать правила поведения пациентов в медицинских противотуберкулезных организациях во время нахождения на лечении в таких организациях.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

В соответствии со ст. 10 Федерального закона № 77-ФЗ больные заразными формами туберкулеза, неоднократно нарушающие санитарно-противоэпидемический режим, а также умышленно уклоняющиеся от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза, на основании решений суда госпитализируются в специализированные медицинские противотуберкулезные организации для обязательных обследования и лечения.

Согласно информации, поступившей в ноябре 2025 г. из субъектов Российской Федерации в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр фтизиопульмонологии и инфекционных заболеваний» Минздрава России, ежегодно более 2,7 тыс. пациентов уклоняются от лечения заразных форм туберкулеза, за 9 месяцев 2025 г. количество пациентов, уклоняющихся от обследования и лечения туберкулеза, достигло 2260 человек.

Федеральный закон № 77-ФЗ действует с 23 июня 2001 г. С 2001 по 2015 год процедура госпитализации в недобровольном порядке лиц, больных заразными формами туберкулеза и уклоняющихся от лечения, не была законодательно урегулирована, поэтому исходя из положений ч. 4 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), устанавливающих возможность применения судами норм процессуального права по аналогии закона, заявления о недобровольной госпитализации таких граждан в медицинские противотуберкулезные организации рассматривались судами по аналогии с порядком рассмотрения дел о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в недобровольном порядке (гл. 35 ГПК РФ).

Положения ст. 281–285 гл. 31 КАС РФ о производстве по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке стали применяться после вступления в силу с 15 сентября 2015 г. Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

Согласно указанным нормам заявление о госпитализации подается в суд руководителем медицинской противотуберкулезной организации, в которой больной туберкулезом находится под диспансерным наблюдением, либо прокурором. Участие прокурора, представителя медицинской противотуберкулезной организации, в которой больной туберкулезом находится под диспансерным наблюдением, больного туберкулезом, в отношении которого решается вопрос об обязательных обследовании и лечении, или его законного представителя в рассмотрении заявления о госпитализации обязательно (ч. 3, 4 ст. 10 Федерального закона № 77-ФЗ). Прокурор был наделен правом подачи административного искового заявления по данной категории дел лишь в 2018 г. в соответствии с изменениями, внесенными в КАС РФ и Федеральный закон № 77-ФЗ Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 213-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Эта новелла представляется весьма значимой с учетом роли прокуратуры как органа, осуществляющего надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, институт участия прокурора при рассмотрении в суде дел о госпитализации граждан в недобровольном порядке обусловлен необходимостью защиты с его стороны публичных интересов. О публичности таких дел свидетельствует тот факт, что их разрешение направлено не только на защиту жизни и охрану здоровья лиц, нуж-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

дающихся в медицинской помощи, но и на обеспечение общественно важной задачи поддержания здоровья и благополучия других граждан, которым упомянутые лица могут причинить вред в случае ее своевременного неоказания» [1, с. 47].

Вопрос о правовой природе дел о госпитализации граждан в недобровольном порядке является дискуссионным. Цель применения медицинских мер в недобровольном порядке в отношении больных туберкулезом заключается в превенции потенциального вреда, который данные лица могут причинить себе или окружающим в связи с наличием у них указанного заболевания. В связи с этим суд, по мнению О. А. Гуреевой, в делах о принудительной госпитализации «выполняет не правосудную, а охранительную функцию», «реализует управленческие задачи путем предварительного судебного контроля» [2, с. 70]. При этом само существование возможности причинения вреда рассматривается как бесспорное. Действительно, своевременное непринятие экстраординарных мер, в том числе госпитализации в недобровольном порядке, может привести к нарушению конституционного права на охрану здоровья у иных лиц [3, с. 152]. В отношении лиц, страдающих заразными формами туберкулеза, об этом прямо говорится в Ответах на вопросы о практике применения судами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, жилищного и земельного законодательства, иных федеральных законов, утвержденных постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2005 г.: уклонение таких лиц от лечения «...подвергает опасности жизнь и здоровье других граждан, то есть затрагивает их права, свободы и законные интересы» [1, с. 50–51]. Вместе с тем количество административных исковых заявлений о принудительной госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию с каждым годом увеличивается.

Согласно данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, с 2016 по 2024 год количество поступивших в суды административных дел о госпитализации граждан в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке выросло на 55,0 % (с 1369 до 2122 административных дел), количество дел, рассмотренных с удовлетворением требования о госпитализации, выросло на 73,1 % (с 1126 до 1949 административных дел). При этом инициатором таких дел часто выступают прокуроры. В 2016 г. на рассмотрение в суд в связи с обращением прокурора поступило 60,2 %, или 824 административных дела, в 2024 г. – 49,8 %, или 1057 таких дел. Медицинские противотуберкулезные организации также активно обращаются в суд.

Приведенная судебная статистика свидетельствует об увеличении количества рассматриваемых в суде административных дел, связанных с уклонением от лечения больных заразными формами туберкулеза. По итогам первого полугодия 2025 г. в суды поступило для рассмотрения 1193 административных дела о госпитализации граждан в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, рассмотрено с удовлетворением требования о госпитализации 1091 административное дело.

Большинство таких дел рассматривается судами без участия больных. Причины очевидны – речь, как правило, идет о гражданах, ведущих асоциальный образ жизни. Суды в решениях указывают, что административный ответчик в судебное заседание не явился, о дате и месте судебного разбирательства извещался своевременно и надлежащим образом, причина неявки суду неизвестна. При этом назначенные судом административным ответчикам в качестве представителя адвокаты в судебном заседании полагают разрешить вопрос в соответствии с законом на усмотрение суда.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

В ч. 4 ст. 283 КАС РФ установлено, что неявка в судебное заседание прокурора, представителя медицинской противотуберкулезной организации, надлежащим образом извещенных о времени и месте судебного заседания, не является препятствием к рассмотрению и разрешению административного дела, если суд не признал их явку обязательной (ч. 5 ст. 283 КАС РФ). Такое правовое регулирование обосновано необходимостью проведения профилактических осмотров на туберкулез среди социально дезадаптированных лиц (страдающих алкоголизмом, наркоманией, лиц без определенного места жительства).

Исследователями и практиками чаще всего отмечаются следующие проблемные вопросы, возникающие при рассмотрении судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке:

- необходимость оплаты медицинской противотуберкулезной организации, в которой больной туберкулезом находится под диспансерным наблюдением, государственной пошлины при подаче в суд административного искового заявления о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (размер такой госпошлины установлен в ст. 333.19 Налогового кодекса Российской Федерации, которая льгот при подаче таких заявлений не предусматривает) [4, с. 174–175, 183, 194, 198];

- отсутствие в законодательстве процедуры продления срока госпитализации [5, с. 87–88; 6, с. 52–53]. Согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке», если при исполнении решения суда о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке выяснится, что установленный в решении суда срок госпитализации недостаточен для завершения обследования и (или) лечения, руководитель медицинской противотуберкулезной организации вправе обратиться в суд с повторным административным иском о госпитализации гражданина, нуждающегося в продолжении обследования и (или) лечения. Формулировка «вправе» не предусматривает обязательность такого обращения, а повторное административное производство в этом случае приводит к прекращению лечения, после чего лицо, больное туберкулезом, может скрыться с целью уклонения от лечения;

- большой разброс сроков госпитализации в целях лечения туберкулеза в недобровольном порядке, устанавливаемых судом (от 6 до 18 месяцев) [7, с. 96], отсутствие в Федеральном законе № 77-ФЗ норм, регламентирующих сроки принудительной госпитализации [8, с. 44; 9, с. 179];

- большое количество дел рассматриваются в суде в нарушении предусмотренного в КАС РФ пятидневного срока (некачественная подготовка документов, истребование судом дополнительных документов, неявка лица, в отношении которого решается вопрос о госпитализации, когда суд применяет привод в соответствии с ч. 1 ст. 120 КАС РФ) [5, с. 86–87].

При применении института госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке также возникают проблемы, связанные как с правовой неопределенностью процедуры исполнения соответствующего судебного решения, так и с недостижением целей такой госпитализации.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Обеспечение исполнения решения суда о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке возложено на судебных приставов-исполнителей. Судебный акт о госпитализации в недобровольном порядке больного туберкулезом в медицинское учреждение подлежит исполнению в силу прямого указания ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон № 229-ФЗ). Согласно ч. 1, 8 ст. 30 Федерального закона № 229-ФЗ судебный пристав-исполнитель по заявлению взыскателя специализированной медицинской противотуберкулезной организации в трехдневный срок со дня поступления к нему исполнительного документа выносит постановление о возбуждении исполнительного производства. При этом исполнительное производство по исполнению решения суда о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке не может быть окончено ввиду фактического исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, до истечения установленного судом срока госпитализации должника в указанную организацию, за исключением случая принятия руководителем медицинской противотуберкулезной организации решения о прекращении госпитализации гражданина в недобровольном порядке до истечения установленного судом срока ввиду достижения целей обследования и (или) лечения (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 50). Вместе с тем отсутствие по месту жительства пациента делает невозможным немедленное исполнение судебного акта о госпитализации. При этом судебный пристав-исполнитель на осуществление розыска лиц данной категории не уполномочен. Кроме того, согласно п. 12 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон № 3-ФЗ) не имеется подобных полномочий и у сотрудников полиции.

В литературе высказывается обоснованная точка зрения о целесообразности регламентации этого вопроса путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации, которые предусматривали бы возможность судебным приставам-исполнителям привлекать сотрудников полиции для содействия медицинским работникам в осуществлении недобровольной госпитализации [10, с. 94–97; 11, с. 53]. В настоящее время по этому вопросу имеются только разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. Так, согласно п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» для непосредственного исполнения указанного судебного решения привлекаются сотрудники полиции и работники соответствующих медицинских учреждений с целью обеспечения судебного пристава-исполнителя безопасным доступом к лицам, подлежащим принудительной госпитализации, а также специализированным медицинским транспортом, оснащенным средствами иммунологической защиты, исключающими возможность заражения неограниченного круга лиц. Согласно п. 35 ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 3-ФЗ полиция обязана оказывать содействие медицинским работникам в доставлении в медицинские организации по решению суда лиц, уклоняющихся от явки по вызову в эти организации, оказывать содействие медицинским работникам в осуществлении недобровольной госпитализации указанных лиц в медицинские организации, а также обеспечивать медицинским работникам безопасные условия для доступа к указанным лицам и их осмотра.

Допускались случаи, когда судебные приставы отказывались от участия в исполнении судебного решения, мотивируя это тем, что исполнительные документы о госпита-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

лизации в недобровольном порядке граждан, больных туберкулезом, не подлежат исполнению службой судебных приставов ввиду отсутствия специального автотранспорта для госпитализации больных туберкулезом. Отмечается также неурегулированность с правовой точки зрения вопроса о субъектах, на которых лежит обязательство по доставлению больных в специализированные медицинские организации в рамках исполнения решения суда по административному делу о госпитализации в недобровольном порядке [11, с. 53; 12, с. 65–66; 13, с. 47–56; 14].

Вместе с тем медицинские противотуберкулезные организации не в состоянии самостоятельно обеспечить исполнение судебного решения о госпитализации в недобровольном порядке лиц, больных заразными формами туберкулеза. Названные медицинские организации не могут осуществить розыск больных туберкулезом, уклоняющихся от лечения по вступившим в законную силу решениям суда, и их дальнейшую госпитализацию в недобровольном порядке. В связи с этим юристами предлагается рассмотреть вопрос о законодательном закреплении обязанности полиции о розыске лиц, уклоняющихся от госпитализации по решению суда в медицинские противотуберкулезную организацию [6, с. 52–53]. Высказывается мнение о целесообразности предоставления сотрудникам полиции права задерживать лиц, в отношении которых судом вынесено решение о его принудительной госпитализации [7, с. 96–97], либо о возложении на сотрудников полиции функции контроля за соблюдением больным туберкулезом специально предусмотренных для него обязанностей по соблюдению санитарно-противоэпидемического режима [15, с. 9].

Кроме того, противотуберкулезные медицинские организации не являются организациями закрытого типа, поэтому ряд больных, даже оказавшись в них и пробыв там некоторое время, самовольно покидают его, не закончив лечение. О данной проблеме и целесообразности создания медицинских организаций закрытого типа для принудительной госпитализации в них больных заразными формами туберкулеза, уклоняющихся от лечения, указывается во многих научных исследованиях [3, с. 153; 8, с. 43–44; 11, с. 53; 16, с. 197–198; 17, с. 9; 18, с. 132–133; 19, с. 22; 20, с. 35–36; 21, с. 101; 22, с. 6; 23, с. 111; 24, с. 275; 25, с. 22; 26, с. 122; 27, с. 21].

Один из исследователей и практиков П. А. Торубаров отмечал: «Совершенно очевидно, что пациент, страдающий опасной в эпидемиологическом отношении формой туберкулеза, должен быть именно принужден физически к «недобровольному» лечению, в частности изолирован в медицинском учреждении от общества с целью предупреждения распространения туберкулеза. Фактически, такой заболевший должен быть насильно госпитализирован. Такой порядок действий подсказывает логика и здравый смысл. Однако, законодателем не оговорены как сам механизм, так и конкретная структура, ответственная за «принудительную» часть такой госпитализации» [28, с. 86].

Согласно информации, поступившей в ноябре 2025 г. из субъектов Российской Федерации в Национальный медицинский исследовательский центр фтизиопульмонологии и инфекционных заболеваний Минздрава России, в 2023 г. были выписаны из медицинских противотуберкулезных организаций за нарушение режима, в том числе за самовольное покидание медицинской организации, 347 пациентов, в 2024 г. – 295, за 9 месяцев 2025 г. – 255 таких пациентов.

За уклонение от госпитализации в недобровольном порядке и самовольное покидание медицинской противотуберкулезной организации больные ответственности не несут [20, с. 35; 28, с. 83]. В связи с этим заслуживает внимания предложение о дополнении

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

главы 6 «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, дополнив ее отдельной статьей, предусматривающей установление административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации в области предупреждения распространения туберкулеза, в том числе уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, обследования и лечения лицом, больным туберкулезом. В качестве альтернативного варианта предлагается Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях дополнить ст. 6.3.2 «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения лицами, страдающими туберкулезом», предусмотрев в ней ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологического режима, установленного для больных туберкулезом, и подвергающих опасности заражения лиц, находящихся с ними в непосредственном контакте [4, с. 182–183, 196].

В литературе также высказывались обоснованные мнения о целесообразности конкретизации в положениях ст. 13 Федерального закона № 77-ФЗ обязанностей больного туберкулезом по соблюдению санитарно-противоэпидемического режима [15, с. 9; 29, с. 22].

Многими исследователями и практиками указывается, что досрочное прекращение лечения больных туберкулезом, прерывание ими химиотерапии, невыполнение предписаний лечащего врача, выражающееся в приеме больными неполной дозы лекарственных препаратов, снижают эффективность лечения больных, повышают вероятность возникновения лекарственной устойчивости микробактерий туберкулеза, способствуют хронизации туберкулезного процесса, увеличению количества неизлечимых больных туберкулезом с бактериовыделением и угрозе распространения туберкулеза среди граждан [17, с. 8, 9; 21, с. 98–99]. С правовой точки зрения если лицо самостоятельно покидает лечебное учреждение и прерывает лечение до окончания срока, установленного судом, то решение суда остается неисполненным [5, с. 88]. В целях решения данного вопроса высказывалось мнение о целесообразности возложения на судебного пристава-исполнителя контроля за исполнением судебного решения о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке до прохождения им полного курса лечения [30, с. 18]. Такое правовое регулирование позволяет без вынесения нового судебного решения совершить судебному приставу-исполнителю исполнительные действия по повторной госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию, но не устанавливает правовой механизм, препятствующий прерыванию лечения и самовольному покиданию медицинской организации гражданину, больному заразными формами туберкулеза. Остается актуальной проблема преемственности лечения туберкулеза у лиц, осужденных к различным видам уголовного наказания.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации не предусматривает применение мер уголовно-правового характера в виде обязательного лечения больных социально опасными видами заболеваний, прежде всего туберкулезом, которые были бы сопряжены с исполнением назначенных судом уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Кроме того, большинство из представленных в отечественном уголовном законодательстве мер, используемых при лечении социально значимых заболеваний (ст. 73, 79 УК РФ), имеет факультативный (необязательный) характер при назначении мер уголовно-правового воздействия

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

[31, с. 338]. Вместе с тем наличие значительного числа социально значимых заболеваний предусматривает необходимость установления возможности их принудительного лечения [32, с. 167].

В настоящее время институт обязательного лечения применяется только к осужденным к лишению свободы. В ст. 18 УИК РФ указывается, что в отношении осужденных к принудительным работам, аресту, лишению свободы, больным открытой формой туберкулеза учреждением, исполняющим указанные виды наказаний, по решению медицинской комиссии применяется обязательное лечение. Вместе с тем наказание в виде ареста в настоящее время в Российской Федерации не назначается, а медицинская помощь осужденным к принудительным работам оказывается гражданскими медицинскими организациями государственной и муниципальной систем здравоохранения.

С целью обеспечения преемственности и доступности оказания медицинской помощи лицам, больным туберкулезом и освобождаемым от отбывания наказания, Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 223-ФЗ «О внесении изменений в ст. 180 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» ст. 180 УИК РФ дополнена частью шестой, согласно которой в случае освобождения от отбывания наказания администрация учреждения, исполняющего наказание, передает информацию в отношении осужденного, страдающего заболеванием, включенным в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утвержденный Правительством Российской Федерации, органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья по избранному им месту жительства для решения вопроса об организации оказания ему медицинской помощи. Перечень передаваемой информации, порядок ее передачи и порядок обмена информацией в случае неприбытия осужденного к избранному месту жительства определяются Правительством Российской Федерации.

В постановлении Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2020 г. № 1934 «Об организации информационного взаимодействия администрации учреждения, исполняющего наказание, с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья в отношении освобождаемого от отбывания наказания осужденного, страдающего заболеванием, представляющим опасность для окружающих» утверждены: перечень передаваемой информации, порядок ее передачи и порядок обмена информацией в случае неприбытия осужденного к избранному им месту жительства. При этом порядок обмена информацией в случае неприбытия осужденного к избранному им месту жительства предусматривает поиск пациента только органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья посредством использования единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения.

Вместе с тем само по себе информирование о лицах, освободившихся из мест лишения свободы, не обеспечивает продолжение ими лечения. Согласно информации, поступившей в Национальный медицинский исследовательский центр фтизиопульмонологии и инфекционных заболеваний Минздрава России, из 3530 освобожденных из исправительных учреждений в 2024 г. (в 2023 г. – 3908) только 53,4 % больных туберкулезом обратились в медицинские организации гражданского здравоохранения с целью дальнейшего наблюдения и лечения (в 2023 г. – 55,5 %). Таким образом, свыше полутора тысячам пациентам с туберкулезом в настоящее время не оказывается медицинская помощь и не проводится специфическая химиотерапия. Правовой механизм, обеспечивающий продолжение лечения лицами, освободившимися из мест лишения свободы, отсутствует.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Вместе с тем отказ и досрочное прекращение лечения туберкулеза создают угрозу распространения заболеваемости туберкулезом среди населения, в том числе лекарственно-устойчивой формой туберкулеза, повышенный риск снижения эффективности лечения и увеличения смертности в Российской Федерации в целом. При этом лица, больные заразными формами туберкулеза, представляют высокую общественную опасность для окружающих, реальную угрозу их здоровью и жизни.

Учитывая высокую общественную опасность лиц, уклоняющихся от прохождения лечения от туберкулеза, требуется дополнительно проработать вопрос об установлении обязанности прохождения такого лечения и ответственности за ее неисполнение. При этом следует учитывать опыт функционирования в СССР института принудительной госпитализации и лечения больных туберкулезом. Статьей 36 Основ законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении от 19 декабря 1969 г. предусматривалась возможность законодательством СССР и союзных республик устанавливать случаи и порядок принудительного лечения и принудительной госпитализации лиц, страдающих туберкулезом. Согласно ст. 40 Закона РСФСР от 29 июля 1971 г. «О здравоохранении» («Госпитализация больных инфекционными болезнями и оздоровление лиц, являющихся бактерионосителями») больные инфекционными болезнями, представляющие опасность для окружающих, подлежали обязательному стационарному лечению, а лица, имеющие контакт с инфекционными больными, – карантину. Перечни инфекционных болезней и болезней, при которых лица признаются бактерионосителями, определялся Министерством здравоохранения СССР. В соответствии со ст. 55 Закона РСФСР от 29 июля 1971 г. «О здравоохранении» больные туберкулезом, представляющие опасность для окружающих, в случае уклонения от лечения подлежали принудительной госпитализации и лечению. В соответствии с указанными правовыми нормами на базе наркологических больниц были организованы отделения закрытого типа для принудительного лечения больных туберкулезом. Мероприятия режимного характера в них выполняли органы внутренних дел. Срок пребывания в отделении со специальным режимом определялся судом [17, с. 9].

Исследователь административных и судебных процедур, связанных с принудительным медицинским вмешательством, А. А. Соловьев признается, что «такого рода меры могут использоваться в отношении лиц, страдающих опасными инфекционными заболеваниями и различными зависимостями, однако в большинстве стран они применяются в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами» [33, с. 57].

Вместе с тем институт принудительной изоляции и принудительного лечения больных с заразными формами туберкулеза существует в ряде стран, в том числе в США, отдельных странах Африки (ЮАР) [34, с. 12–13], Финляндии, республиках Беларусь [35, с. 68; 36, с. 50] и Казахстан.

В США применяются административные процедуры принудительного медицинского вмешательства в сочетании с судебными процедурами с целью защиты населения от активных форм туберкулеза (например, в гл. 392 «Борьба против туберкулеза» Титула XXIX «Общественное здравоохранение» Свода законов штата Флорида). Департамент здравоохранения вправе обратиться в окружной суд для издания постановления о принудительной госпитализации лица, больного активной формой туберкулеза, в больницу, либо о его помещении в другое медицинское учреждение или в иное учреждение, предназначенное для проживания, либо об изоляции такого лица от общества для предотвращения вероятного распространения туберкулеза до тех пор, пока риск заражения

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

для широкого круга лиц не будет устранен или уменьшен таким образом, чтобы угроза общественному здоровью больше не существовала. При этом такого рода меры могут быть предприняты в отношении лица только на основании постановления окружного суда и при обязательном наличии в совокупности следующих важных условий:

- департамент здравоохранения ясно и убедительно доказал, что лицо, имеющее активную форму туберкулеза, представляет угрозу для общественного здоровья;
- имеются доказательства того, что лицо, имеющее активную форму туберкулеза, было проконсультировано по поводу этой болезни, угрозы здоровью окружающих, вызванной туберкулезом, и методов сведения к минимуму риска для населения. Однако, несмотря на такое консультирование, поведение этого лица позволяет сделать вывод о его намерении распространять заболевание среди окружающих;
- все другие средства для обеспечения соблюдения режима лечения этого лица были исчерпаны и не существует иной, менее строгой альтернативы.

Срок действия судебного постановления о госпитализации больного с активной формой туберкулеза в медицинское учреждение или иное учреждение или о его изоляции от общества составляет 180 дней с даты его издания. Соответствующее лицо может быть выписано или освобождено ранее этой даты, если лечащий врач определит, что оно более не представляет угрозы для общественного здоровья. Рассматриваемым нормативным правовым актом предусматривается также возможность продления указанного срока. Для этого в течение 14 дней до истечения 180-дневного периода проводится судебное заседание, целью которого является определение необходимости продолжения госпитализации человека. В слушании также могут рассматриваться вопросы, касающиеся необходимого ухода и лечения лица после его выписки или освобождения. Если лечащий врач считает, что, покидая место лечения, лицо, имеющее или предположительно имеющее активную форму туберкулеза, будет представлять угрозу для общественного здоровья (на основании результатов обследования этого лица или его истории болезни), и у врача есть основания полагать, что человек вряд ли появится на соответствующем судебном слушании, в таком случае врач обращается к уполномоченному должностному лицу в сфере здравоохранения для издания распоряжения о задержании такого лица. На его основании шериф соответствующего округа осуществляет задержание лица и доставляет его в медицинское учреждение. В таком случае лицо может принудительно удерживаться для обследования и лечения на срок, не превышающий 72 часов, в течение которых подается указанное выше заявление в окружной суд [37, с. 55–57]. Особый интерес в рамках изучения организации принудительного лечения от туберкулеза представляет опыт Республики Казахстан.

В Республике Казахстан принудительное лечение туберкулеза осуществляется в соответствии с решением суда в специализированных противотуберкулезных лечебно-профилактических отделениях на основании заключения центральной врачебно-консультативной комиссии [38, с. 13–14]. Так, согласно ст. 158 Кодекса Республики Казахстан от 7 июля 2020 г. № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения» принудительное лечение лиц, больных туберкулезом, включает в себя противотуберкулезное и симптоматическое лечение с изоляцией пациентов в фтизиопульмонологических организациях и осуществляется в рамках гарантированного объема бесплатной медицинской помощи. Основаниями для принудительного лечения больных туберкулезом являются:

- отказ от лечения больного с заразной формой туберкулеза, зафиксированный в медицинской документации пациента;

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

– самовольный уход и нарушение режима лечения в виде беспричинного пропуска приема семи суточных доз противотуберкулезных препаратов в течение календарного месяца, зафиксированного в медицинской документации пациента.

Решение о принудительном лечении лиц, больных туберкулезом и уклоняющихся от лечения, принимается судом по заявлению организаций здравоохранения в соответствии с законодательством Республики Казахстан. Принудительное лечение назначается судом также лицам, больным туберкулезом, освобождаемым из учреждений уголовно-исполнительной системы, представляющим опасность для окружающих:

– больным с сохраняющимся бактериовыделением и не прошедшим полный курс противотуберкулезного лечения;

– больным с бактериовыделением, получающим только симптоматическое лечение.

Принудительное лечение лиц, больных туберкулезом, освобождающихся из учреждений уголовно-исполнительной системы с незавершенным лечением, осуществляется в соответствии с Правилами организации противотуберкулезной помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденными приказом МВД Республики Казахстан от 19 августа 2014 г. № 530 (гл. 8).

Для направления на принудительное лечение больного туберкулезом администрация противотуберкулезной больницы, изолированного участка для лечения больных туберкулезом не позднее чем за месяц до освобождения от наказания проводит двукратное исследование мокроты на кислотоустойчивые бактерии туберкулеза методом микроскопии мазка. Только при получении положительного результата больного администрация учреждения, осуществляющего лечение больных туберкулезом, направляет в суд по месту нахождения учреждения представление о назначении принудительного лечения.

В случае освобождения больного туберкулезом по условно-досрочному освобождению, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, помилования администрацией учреждения направляется представление о назначении принудительного лечения одновременно с ходатайством осужденного об УДО, ЗМН и помиловании.

Порядок организации и осуществления принудительного лечения, а также режим пребывания больных в специализированной противотуберкулезной лечебно-профилактической организации определяются правилами оказания медицинской помощи лицам, больным туберкулезом, направленным на принудительное лечение, утвержденными приказом и. о. Министра здравоохранения Республики Казахстан от 28 октября 2020 г. № ҚР ДСМ-161/2020.

Принудительное лечение лиц, больных туберкулезом, в том числе туберкулезом с лекарственной устойчивостью, продолжается до завершения полного курса лечения с благоприятными исходами «вылечен» или «лечение завершено».

Для предотвращения самовольного ухода больных за пределы фтизиопульмонологической организации, а также проникновения на территорию посторонних лиц территория фтизиопульмонологической организации ограждается сплошным забором высотой не менее 2,5 м и обеспечивается круглосуточной охраной и системой видеонаблюдения. Выделяется отдельная огражденная прогулочная территория для больных.

Фтизиопульмонологические организации оборудуются необходимыми инженерно-техническими средствами, в том числе сигнализацией, металлическими легкосъёмными и открывающимися решетками на окнах, металлическими дверями во всех специализированных и вспомогательных помещениях, контрольно-пропускным пунктом со специализированной охраной.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Территория фтизиопульмонологической организации охраняется специализированным охранным подразделением, имеющим лицензию на данный вид деятельности (далее – служба охраны). Служба охраны организует контрольно-пропускной режим и обеспечивает наружную и внутреннюю охрану. Выход больных с территории фтизиопульмонологической организации и прогулочного двора разрешается в сопровождении охраны и медицинского персонала для проведения лечебно-диагностических мероприятий.

Сотрудники службы охраны оказывают содействие медицинскому персоналу в профилактике и пресечении противоправных действий лиц, находящихся на принудительном лечении, на основании договора, заключаемого между фтизиопульмонологической организацией и службой охраны. Кроме того, в Республике Казахстан совместно с органами внутренних дел, судебными органами, миграционной службой проводится работа по розыску и привлечению к лечению нарушителей режима лечения [39, с. 43].

С учетом отечественного и зарубежного опыта в целях совершенствования нормативно-правового регулирования в организации лечения больных туберкулезом предлагается ввести институт ответственности за уклонение от лечения туберкулезом.

Несмотря на то что существует мнение о целесообразности введения уголовной ответственности за отказ от лечения заразной формы туберкулеза [26, с. 113–114, 122–123], полагаем, что такие радикальные меры являются излишними и целесообразно при установлении ответственности за уклонение от лечения использовать уже существующие правовые механизмы, а в качестве уголовно наказуемого деяния рассматривать уклонение лица от исполнения обязанности прохождения лечения от туберкулеза, возложенной на него решением суда. Цель такого института – способствовать правовыми мерами преемственности и непрерывности лечения от туберкулеза.

Обязанность прохождения лечения туберкулеза и ответственность за ее неисполнение со стороны основных категорий больных предлагается установить в рамках как гражданско-правовых, так и уголовно-правовых правоотношений на основе применения следующих принципов и основных методологических подходов.

1. Установление ответственности за уклонение от госпитализации в недобровольном порядке, обязательных обследования и лечения.

2. Охват всех категорий граждан, больных заразными формами туберкулеза, уклоняющихся от обследования и лечения туберкулеза.

3. Максимальное использование действующих правовых институтов.

4. Применение принципа экономии карательных мер, мер репрессии.

5. Криминализация уклонения от лечения туберкулеза только в тех случаях, когда исчерпаны меры административного воздействия, после применения мер административного воздействия на основании решения суда (то есть когда решение суда о госпитализации и прохождении лечения больного не исполняется в связи с уклонением больного от обследования и лечения туберкулеза).

6. Сочетание мер административной и уголовной ответственности с продолжением лечения от туберкулеза.

7. Обеспечение общественной безопасности путем усиления мер правового воздействия на лиц, больных заболеванием, представляющим опасность для окружающих.

8. Формирование социально ответственного поведения лиц, больных туберкулезом, так как это заболевание связано с асоциальным образом жизни (алкоголизм, бродяжничество, попрошайничество, тунеядство и др.)

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

9. Экономия бюджетных средств, расходуемых на лечение лиц, больных туберкулезом.

Для достижения указанной цели предлагается внесение изменений в административное судопроизводство, введение дополнительных уголовно-правовых мер в отношении осужденных, больных туберкулезом, а также установление уголовной ответственности за уклонение от лечения туберкулеза.

1. В статье 10 Федерального закона № 77-ФЗ предлагается установить, что больные заразными формами туберкулеза, неоднократно нарушающие санитарно-противоэпидемический режим, а также умышленно уклоняющиеся от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза, на основании решений суда госпитализируются в недобровольном порядке в медицинские противотуберкулезные организации закрытого типа для обязательных обследования и лечения в стационарных условиях.

Указанные изменения потребуют дополнить номенклатуру медицинских организаций медицинскими противотуберкулезными организациями закрытого типа. Порядок организации деятельности таких медицинских организаций (отделений) представляется целесообразным установить с учетом отечественного опыта и международного опыта функционирования медицинских противотуберкулезных организаций закрытого типа, прежде всего опыта Республики Казахстан.

Соответствующие изменения потребуется внести в КАС РФ, в том числе изменив наименование главы 31:

«Глава 31. Производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию закрытого типа в недобровольном порядке для обязательных обследования и лечения в стационарных условиях».

Кроме того, предлагаем законодательно закрепить положение о том, что в решении суда по административному делу о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию закрытого типа в недобровольном порядке для обязательных обследования и лечения в стационарных условиях должны быть указаны:

- срок и цели госпитализации;
- наименование медицинской противотуберкулезной организации закрытого типа, в которую гражданин подлежит госпитализации в недобровольном порядке;
- обязанность гражданина пройти обследование и лечение в стационарных условиях в медицинской противотуберкулезной организации закрытого типа.

Требуется также предусмотреть возможность продления судом срока госпитализации и лечения гражданина по представлению медицинской противотуберкулезной организации закрытого типа.

2. Введение дополнительных уголовно-правовых мер направлено на обеспечение прохождения лечения всех категорий осужденных, больных заразными формами туберкулеза. С этой целью предлагается ввести в УК РФ ст. 72.2 «Назначение наказания лицу, больному заразной формой туберкулеза», устанавливающую возможность возложения судом обязанности пройти лечение от туберкулеза осужденному при назначении ему основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы или принудительных работ. Контроль за исполнением указанной обязанности предлагается возложить на уголовно-исполнительные инспекции, в отношении осужденных к принудительным работам – на исправительные центры.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

В ч. 5 ст. 73 УК РФ предлагается предусмотреть возможность возложения судом на условно осужденного, больного заразной формой туберкулеза, обязанности пройти лечение от туберкулеза. При уклонении от исполнения обязанности, возложенной судом, нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства предусмотрена отмена условного осуждения и исполнение осужденным назначенного судом наказания (чаще всего лишения свободы).

В целях обеспечения продолжения лечения лицами, освобожденными из исправительных учреждений, в ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» предлагается предусмотреть установление административного надзора в отношении лица, больного заразной формой туберкулеза, если оно в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания в связи с уклонением от обязательного лечения туберкулеза, назначенного медицинской комиссией в соответствии с ч. 3 ст. 18 УИК РФ; в ст. 11 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ предлагается установить обязанность пройти лечение от туберкулеза поднадзорному лицу, больному заразной формой туберкулеза и признанному злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания в связи с уклонением от исполнения обязанности пройти лечение от туберкулеза. В отношении указанных поднадзорных лиц представляется целесообразным установить норму, согласно которой такое лицо обязано в течение трех рабочих дней после прибытия к месту жительства, месту пребывания явиться в медицинскую противотуберкулезную организацию для постановки под диспансерное наблюдение, обследования и лечения от туберкулеза. В случае уклонения от исполнения названных обязанностей поднадзорное лицо будет подлежать ответственности в связи с нарушением административного надзора и одновременно оно будет подлежать госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию закрытого типа в соответствии с предлагаемыми нормами КАС РФ.

3. В целях обеспечения лечения лиц, больных заразными формами туберкулеза, в том числе в случае их госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию закрытого типа в соответствии с предлагаемыми нормами КАС РФ или возложения на них обязанности пройти лечения от туберкулеза при назначении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, предлагается ввести новую статью в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия», так как в указанных случаях речь идет о неисполнении названным лицом решения суда:

«Статья 314.2. Уклонение от лечения туберкулеза

1. Уклонение лица, больного заразной формой туберкулеза, от госпитализации в недобровольном порядке в медицинскую противотуберкулезную организацию закрытого типа или обязательного обследования и лечения в медицинской противотуберкулезной организации закрытого типа – наказывается штрафом в размере до шестидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от ста до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

2. Уклонение лица, осужденного к основному наказанию в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельно-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

стью, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, принудительных работ, от исполнения обязанности пройти лечение от туберкулеза – наказывается лишением свободы на срок до одного года.

Примечания

1. Уклонением лица, больного заразной формой туберкулеза, от госпитализации в недобровольном порядке в медицинскую противотуберкулезную организацию закрытого типа является отказ от госпитализации, а также если указанное лицо скрылось с места жительства, места пребывания или места фактического нахождения в целях уклонения от лечения туберкулезом.

2. Уклонением лица от обязательного обследования и лечения в медицинской противотуберкулезной организации закрытого типа, а также уклонением от исполнения обязанности пройти лечение от туберкулеза является отказ от прохождения обследования и лечения от туберкулеза, самовольное покидание медицинской противотуберкулезной организации, в которой указанное лицо проходит лечение, повторное невыполнение предписания лечащего врача, употребление спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ.».

Представленная модель установления ответственности за уклонение от лечения туберкулезом была рассмотрена на симпозиуме «Современная парадигма организационных вопросов во фтизиатрии», состоявшемся 10 декабря 2025 г. в рамках II Международного конгресса «Социально значимые инфекции: комплексный подход и инновационные решения», посвященного памяти академика РАН М. И. Перельмана. Обсуждение этой модели в экспертном сообществе является одним из направлений совершенствования нормативно-правового регулирования в организации лечения больных туберкулезом. Ее внедрение предусматривает необходимость инициирования подготовки пакета законодательных и иных нормативных правовых актов, осуществления комплекса организационных и правовых мероприятий, организации постоянного мониторинга правоприменения в рассматриваемой сфере.

Список источников

1. Тенькаев А. Ю. Дела неискового характера в современном административном судопроизводстве Российской Федерации : монография / под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрлитинформ, 2025. 141 с.
2. Гуреева О. А. Принудительное помещение на обсервацию и госпитализация в порядке административного судопроизводства (правовой аспект) // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 8А. С. 65–72.
3. Козьма Н. Н., Куранов В. Г. Госпитализация гражданина, больного заразной формой туберкулеза, в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке: вопросы, не урегулированные законодательством // Медицинское право: теория и практика. 2016. Т. 2, № 2(4). С. 149–156.
4. Саенко С. С. Совершенствование организации лечения больных туберкулезом в современных условиях : дис. ... канд. мед. наук. М., 2021. 230 с.
5. Колюка Н. Н. Правовые и процессуальные аспекты участия прокурора в рассмотрении административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3(77). С. 83–88.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

6. Зуева Л. Ю. О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке // Административное право и процесс. 2021. № 8. С. 52–53.

7. Тарасов А. А. Правовые проблемы принудительной госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию // Еромен. Global. 2025. № 57. С. 93–99.

8. Бурашникова Н. А. Судебное санкционирование принудительного оказания медицинской помощи лицам, больным туберкулезом // Судья. 2018. № 11. С. 39–44.

9. Бурашникова Н. А. Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 214 с.

10. Мирошниченко В. С. К вопросу о совершенствовании порядка разрешения судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 94–97.

11. Куракина С. И. О проблемах исполнения решения суда по административному делу о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 2(95). С. 51–55.

12. Зеленская Е. Л. Процессуальные особенности принудительной госпитализации больных заразной формой туберкулеза // Вестник Омского юридического института. 2009. № 2 (11). С. 63–66.

13. Дронова Ю. А. Особенности производства по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке и по делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке // Проблемы административного судопроизводства : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Тверь, 19 апр. 2017 г.). Тверь : Твер. гос. ун-т, 2017. С. 47–56.

14. Сапельникова Д. В. Особенности исполнения решения суда по административному делу о принудительной госпитализации // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства : ст. науч. интернет-конф. Сибирского юридического университета. 2023. URL: <https://conf.siblu.ru/osobennosti-ispolneniya-resheniya-suda-po-administrativnomu-delu-o-prinuditelnoy-gospitalizacii> (дата обращения: 05.04.2026).

15. Эртель Л. А. Обязательный судебный контроль в сфере медицинской деятельности // Очерки новейшей камералистики. 2020. № 3. С. 6–9.

16. Бурлакова Н. Г. Процессуальные особенности рассмотрения гражданских дел о принудительной госпитализации граждан в медицинский стационар : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 238 с.

17. Богородская Е. М., Ольховатский С. Ю., Борисов С. Е. Юридические аспекты принудительной госпитализации больных туберкулезом, уклоняющихся от лечения // Туберкулез и болезни легких. 2009. Т. 86, № 4. С. 8–13.

18. Дружинин И. А., Каспарова Л. С., Ясинецкая Н. В. Методы повышения эффективности лечения больных туберкулезом // Туберкулез и болезни легких. 2011. Т. 88, № 4. С. 132–133.

19. Правовой и этический статус пациента больного туберкулезом и противотуберкулезная служба / Н. О. Лебедева [и др.] // Туберкулез и болезни легких. 2011. Т. 88, № 5. С. 22.

20. Бурнашев И. П. О проблеме уклонения от лечения больных туберкулезом на примере Усть-Алданского района // Совершенствование организации противотуберкулезных

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

мероприятий в условиях Крайнего Севера и Дальнего Востока : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Якутск, 2013. Т. VIII (XXXI). Ч. 1. С. 34–36.

21. О проблеме принудительной госпитализации больных туберкулезом в Волгоградской области / С. А. Юдин [и др.] // Астраханский медицинский журнал. 2014. Т. 9, № 3. С. 97–102.

22. Пьянзова Т. В., Вежнина Н. Н. Мероприятия по повышению приверженности лечению больных туберкулезом в Российской Федерации // Медицина в Кузбассе. 2014. Т. 13, № 3. С. 5–10.

23. Ковшевацкий В. И. Административно-правовое регулирование оказания принудительной помощи гражданам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 184 с.

24. Социологические аспекты совершенствования организации и повышения качества оказания стационарной медицинской помощи больным туберкулезом / Г. М. Гайдаров [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 25(5). С. 273–276.

25. Кулакова В. Ю. О некоторых проблемах правового регулирования производства по делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 21–28.

26. Басова А. В. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от состояния здоровья в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 224 с.

27. Правовые инициативы принудительного лечения туберкулеза в Российской Федерации / Н. Г. Калугина [и др.] // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2023. № 1. С. 16–21.

28. Торубаров П. А. Отдельные вопросы регулирования в медицине // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 10-11 (50). С. 77–88.

29. Лупарев Е. Б. Административно-правовые споры в медицинской деятельности // Медицинское право. 2019. № 4(86). С. 18–22.

30. Малышкин А. В. Правовые и организационные аспекты судебного рассмотрения дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке // Судья. 2019. № 3(99). С. 17–18.

31. Меркурьев В. В., Звонов А. А., Яковлев А. А. Уголовно-правовые меры, обеспечивающие реализацию лечения социально значимых заболеваний: обязательное или выборочное дополнение // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 3. С. 332–340.

32. Яковлев А. А. К вопросу о принудительном лечении социально значимых заболеваний // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. Вып. 3. С. 164–169.

33. Соловьев А. А. Об административных и судебных процедурах, связанных с принудительным медицинским вмешательством в отдельных скандинавских странах (Королевство Норвегия и Королевство Швеция) // Российский судья. 2020. № 2. С. 56–64.

34. Соловьев А. А. Общие проблемы правового регулирования административных и судебных процедур, связанных с принудительным медицинским вмешательством, в зарубежных государствах // Юридические исследования. 2020. № 1. С. 10–19.

35. Шилова С. Д., Шамаль Е. Л. Профилактическая направленность здравоохранения и его законодательное обеспечение // Охрана материнства и детства. 2013. № 2(22). С. 66–68.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

36. Коробко К. И., Трекин И. А. Международный опыт в сфере недобровольной госпитализации лиц, больных заразными формами туберкулеза: отдельные аспекты // Медицинское право. 2016. № 5(69). С. 48–51.

37. Соловьев А. А. Правовая регламентация применения мер, связанных с принудительным медицинским вмешательством в отдельных штатах США // Юридические исследования. 2022. № 1. С. 51–59.

38. Букатова С. Т., Баймагамбетова М. В. Организация принудительного лечения больных с заразными формами туберкулеза // Журнал Алматинского государственного института усовершенствования врачей. 2011. № 2. С. 13–15.

39. Ташметов К. К., Нысанбекова Ж. Н., Темирханова А. Т. Комплекс противотуберкулезных мероприятий: международный казахстанский опыт // Фтизиопульмонология. 2018. № 2(32). С. 37–44.

References

1. Tenkaev, A. Yu. 2025, *Cases of non-criminal nature in modern administrative proceedings of the Russian Federation: monograph*, Yurlitinform, Moscow.

2. Gureeva, O. A. 2020, 'Forced placement for observation and hospitalization in administrative proceedings (legal aspect)', *Issues of Russian and international law*, vol. 10, iss. 8A, pp. 65–72.

3. Kozma, N. N. & Kuranov, V. G. 2016, 'Involuntary hospitalization of a citizen with a contagious form of tuberculosis to a medical TB organization: issues not regulated by legislation', *Medical law: theory and practice*, vol. 2, iss. 2(4), pp. 149–156.

4. Saenko, S. S. 2021, *Improving the organization of treatment of tuberculosis patients in modern conditions: PhD thesis (Medical Sciences)*, Moscow.

5. Koliuka, N. N. 2020, 'Legal and procedural aspects of the prosecutor's participation in the consideration of administrative cases on the involuntary hospitalization of a citizen in a medical tuberculosis organization', *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, iss. 3(77), pp. 83–88.

6. Zueva, L. Yu. 2021, 'On some issues arising in connection with the consideration by the courts of administrative cases on the involuntary hospitalization of a citizen in a medical TB organization', *Administrative law and process*, iss. 8, pp. 52–53.

7. Tarasov, A. A. 2025, 'Legal problems of forced hospitalization in a medical TB organization', *Epomen. Global*, iss. 57, pp. 93–99.

8. Burashnikova, N. A. 2018, 'Judicial authorization of compulsory medical care for persons with tuberculosis', *Judge*, iss. 11, pp. 39–44.

9. Burashnikova, N. A. 2020, *Judicial control over the observance of the right to freedom and personal integrity: PhD thesis (Law)*, Moscow.

10. Miroshnichenko, V. S. 2020, 'On the issue of improving the procedure for the resolution by the courts of administrative cases on the involuntary hospitalization of a citizen in a medical TB organization', *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, iss. 3, pp. 94–97.

11. Kurakina, S. I. 2023, 'On the problems of executing a court decision in an administrative case on the involuntary hospitalization of a citizen to a medical TB organization', *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*, iss. 2(95), pp. 51–55.

12. Zelenskaya, E. L. 2009, 'Procedural features of forced hospitalization of patients with a contagious form of tuberculosis', *Bulletin of the Omsk Law Institute*, iss. 2 (11), pp. 63–66.

13. Dronova, Yu. A. 2017, 'Peculiarities of administrative proceedings on the hospitalization of a citizen in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions,

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

involuntarily and in cases of the hospitalization of a citizen in a medical TB organization involuntarily', in *Problems of administrative proceedings: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference (Tver, April 19, 2017)*, pp. 47–56, Tver State University, Tver.

14. Sapelnikova, D. V. 2023, 'Specifics of the execution of a court decision in an administrative case of forced hospitalization', *Actual problems of civil and administrative proceedings: Internet conference*, Siberian Law University, viewed 4 May 2026, <https://conf.siblu.ru/osobennosti-ispolneniya-resheniya-suda-po-administrativnomu-delu-o-prinuditelnoy-gospitalizacii>.

15. Ertel, L. A. 2020, 'Mandatory judicial control in the field of medical activity', *Essays on the latest cameralistics*, iss. 3, pp. 6–9.

16. Burlakova, N. G. 2006, *Procedural features of consideration of civil cases on compulsory hospitalization of citizens in a medical hospital: PhD thesis (Law)*, Tomsk.

17. Bogorodskaya, E. M., Olkhovatsky, S. Yu. & Borisov, S. E. 2009, 'Legal aspects of forced hospitalization of tuberculosis patients who evade treatment', *Tuberculosis and lung diseases*, vol. 86, iss. 4, pp. 8–13.

18. Druzhinin, I. A., Kasparova, L. S. & Yasinetskaya, N. V. 2011, 'Methods of improving the effectiveness of treatment of tuberculosis patients', *Tuberculosis and lung diseases*, vol. 88, iss. 4, pp. 132–133.

19. Lebedeva, N. O. 2011, 'The legal and ethical status of a tuberculosis patient and antituberculous service', *Tuberculosis and lung diseases*, vol. 88, iss. 5, p. 22.

20. Burnashev, I. P. 2013, 'On the problem of avoiding treatment of tuberculosis patients on the example of Ust-Aldan district', in *Improving the organization of anti-tuberculosis measures in the conditions of the Far North and the Far East: materials of the scientific and practical conference*, vol. VIII (XXXI), part 1, pp. 34–36, Yakutsk.

21. Yudin, S. A. 2014, 'On the problem of forced hospitalization of tuberculosis patients in the Volgograd region', *Astrakhan Medical Journal*, vol. 9, iss. 3, pp. 97–102.

22. Pyanzova, T. V. & Vezhnina, N. N. 2014, 'Measures to increase adherence to treatment of tuberculosis patients in the Russian Federation', *Medicine in Kuzbass*, vol. 13, iss. 3, pp. 5–10.

23. Kovshevsky, V. I. 2014, *Administrative and legal regulation of compulsory assistance to citizens: PhD thesis (Law)*, Moscow.

24. Gaidarov, G. M. 2017, 'Sociological aspects of improving the organization and quality of inpatient medical care for tuberculosis patients', *Problems of social hygiene, public health and the history of medicine*, iss. 25(5), pp. 273–276.

25. Kulakova, V. Yu. 2017, 'On some problems of legal regulation of proceedings in cases of involuntary hospitalization of a citizen to a medical TB organization', *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, iss. 9, pp. 21–28.

26. Basova, A. V. 2017, *The constitutional principle of equality of human and civil rights and freedoms regardless of the state of health in the Russian Federation: PhD thesis (Law)*, Saratov.

27. Kalugina, N. G. 2023, 'Legal initiatives of compulsory tuberculosis treatment in the Russian Federation', *Health, demography, ecology of the Finno-Ugric peoples*, iss. 1, pp. 16–21.

28. Torubarov, P. A. 2015, 'Certain issues of regulation in medicine', *Issues of modern jurisprudence*, iss. 10-11(50), pp. 77–88.

29. Luparev, E. B. 2019, 'Administrative and legal disputes in medical activity', *Medical law*, iss. 4(86), pp. 18–22.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

30. Malyshkin, A. V. 2019, 'Legal and organizational aspects of judicial review of cases of involuntary hospitalization of a citizen in a medical TB organization', *Judge*, iss. 3(99), pp. 17–18.

31. Merkuryev, V. V., Zvonov, A. A. & Yakovlev, A. A. 2021, 'Criminal law measures ensuring the implementation of treatment of socially significant diseases: mandatory or selective supplement', *All-Russian Journal of Criminology*, vol. 15, iss. 3, pp. 332–340.

32. Yakovlev, A. A. 2019, 'On the issue of compulsory treatment of socially significant diseases', *Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*, iss. 3, pp. 164–169.

33. Soloviev, A. A. 2020, 'On administrative and judicial procedures related to compulsory medical intervention in certain Scandinavian countries (Kingdom of Norway and Kingdom of Sweden)', *Russian Judge*, iss. 2, pp. 56–64.

34. Soloviev, A. A. 2020, 'General problems of legal regulation of administrative and judicial procedures related to compulsory medical intervention in foreign countries', *Legal research*, iss. 1, pp. 10–19.

35. Shilova, S. D. & Shamal, E. L. 2013, 'Preventive orientation of healthcare and its legislative support', *Protection of motherhood and childhood*, iss. 2 (22), pp. 66–68.

36. Korobko, K. I. & Trekin, I. A. 2016, 'International experience in the field of involuntary hospitalization of persons with infectious forms of tuberculosis: selected aspects', *Medical law*, iss. 5(69), pp. 48–51.

37. Soloviev, A. A. 2022, 'Legal regulation of the application of measures related to compulsory medical intervention in certain states of the USA', *Legal research*, iss. 1, pp. 51–59.

38. Bukatova, S. T. & Baymagambetova, M. V. 2011, 'Organization of compulsory treatment of patients with infectious forms of tuberculosis', *Journal of the Almaty State Institute of Advanced Medical Training*, iss. 2, pp. 13–15.

39. Tashmetov, K. K., Nysanbekova, Zh. N. & Temirkhanova, A. T. 2018, 'Complex of anti-tuberculosis measures: international Kazakhstani experience', *Phthisiopulmonology*, iss. 2(32), pp. 37–44.

Информация об авторах

Е. В. Ермасов – кандидат исторических наук, заместитель директора Департамента государственной политики в сфере уголовно-исполнительной системы (Минюст России); доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права (МГЮА), научный сотрудник отдела координации научных исследований (Национальный медицинский исследовательский центр фтизиопульмонологии и инфекционных заболеваний Минздрава России);

В. С. Бурыхин – руководитель центра мониторинга и статистики инфекционных заболеваний.

Information about the authors

E. V. Ermasov – PhD (Historical Sciences), deputy director of the department of state policy in the field of the penal system (Ministry of Justice of Russia); associate professor of the criminology and penal law department (MGUA), researcher of the coordination of scientific research department (National Medical Research Center of Phthisiopulmonology and Infectious Diseases of the Ministry of Health of Russia);

V. S. Burykhin – head of the center for monitoring and statistics of infectious diseases.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 25.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 09.06.2026.

The article was submitted 25.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 09.06.2026.

Научная статья
УДК 343.35

ПОНЯТИЕ КОРРУПЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ДОКТРИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ

Станислав Юрьевич Богомолов¹, Дмитрий Александрович Неганов², Ольга Александровна Петрянина³

¹ Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Россия, shadow037@mail.ru

² Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Набережные Челны, Россия, nagan78@mail.ru

³ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Россия, petryanina-oa@yandex.ru

Аннотация. В статье проводятся комплексный анализ нормативного определения понятия «коррупция» в российском законодательстве и его соотношение с доктринальными подходами. Рассматривается эволюция антикоррупционного законодательства, сравниваются узкий (уголовно-правовой) и широкий (социально-правовой) подходы к пониманию коррупции, выделяются проблемы терминологического характера, затрудняющие правоприменительную практику. Особое внимание уделяется необходимости гармонизации законодательной дефиниции с доктринальными наработками для повышения эффективности противодействия коррупции. На основе проведенного анализа предлагаются направления совершенствования нормативного определения коррупции.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, юридическая доктрина, коррупционные правонарушения

Для цитирования

Богомолов С. Ю., Неганов Д. А., Петрянина О. А. Понятие коррупции в законодательстве и доктрине: сравнительный анализ и направления оптимизации // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 267–273.

Original article

THE CONCEPT OF CORRUPTION IN LEGISLATION AND DOCTRINE: COMPARATIVE ANALYSIS AND OPTIMIZATION DIRECTIONS

Stanislav Yurievich Bogomolov¹, Dmitry Alexandrovich Neganov², Olga Alexandrovna Petryanina³

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, shadow037@mail.ru

² Naberezhnye Chelny Institute (branch) Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia, nagan78@mail.ru

³ Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russia, petryanina-oa@yandex.ru

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the normative definition of "corruption" in Russian legislation and its correlation with doctrinal approaches. The evolution of anti-corruption legislation is considered, narrow (criminal law) and broad (socio-legal) approaches to understanding corruption are compared, terminological problems that complicate law enforcement practice are highlighted. Special attention is paid to the need to harmonize legislative definitions with doctrinal developments in order to increase the effectiveness of anti-corruption. Based on the analysis, the directions for improving the normative definition of corruption are proposed.

Keywords: corruption, anti-corruption legislation, legal doctrine, corruption offenses

For citation

Bogomolov, S. Yu., Neganov, D. A. & Petryanina, O. A. 2026, 'The concept of corruption in legislation and doctrine: comparative analysis and optimization directions', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 267–273.

Коррупция представляет собой одно из наиболее сложных и многоаспектных социально-правовых явлений, наносящее существенный ущерб экономическому росту и развитию общества в целом¹. В условиях современных внешних и внутренних геополитических и социально-экономических вызовов коррупция продолжает оставаться одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации² [1, с. 62–65].

Понимание коррупции не ограничивается национальными рамками. Россия является участницей ряда международных конвенций, которые формируют дополнительные стандарты и определения [2, с. 66–68]. На площадке международного сотрудничества, ключевым документом в рассматриваемом сегменте правового регулирования является

¹ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 10.02.2026).

² См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 2 июня 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 5 июля.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Она не дает единого универсального определения, но обязывает государства-участники криминализировать широкий круг деяний, включая активный и пассивный подкуп национальных и иностранных публичных должностных лиц, подкуп в частном секторе, злоупотребление влиянием в корыстных целях, хищение имущества публичным лицом и др. Таким образом, международный подход к определению коррупции является очень широким и, к сожалению, не предполагает четкого выделения базовых, методологически значимых признаков.

Попытка определения границ коррупционного поведения предпринята и в Европейской уголовно-правовой конвенции о коррупции¹. Важно отметить, что в соответствии с ней в западной правовой доктрине и законодательстве акцент часто делается на незаконном использовании доверенной власти (*dishonest, fraudulent, or criminal use of entrusted authority*) для получения личной выгоды, что близко к определению Transparency International². Это определение также шире российского, так как может охватывать не только должностных лиц, но и, например, доверенных лиц в частных компаниях или некоммерческих организациях, не обладающих статусом лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих и иных организациях.

Сравнительный анализ показывает, что для унификации противодействия коррупции и выполнения обязательств по конвенциям требуется определение коррупции, включающее в себя базовые, общепризнанные характеристики, используемые в национальных законодательствах государств – участников международного сотрудничества в борьбе с этим опасным мировым феноменом. Несмотря на регулярную работу по совершенствованию российского антикоррупционного законодательства, фундаментальные изменения в борьбе с этим явлением идут очень сложно. Одной из ключевых проблем в данной сфере является отсутствие единого, четко сформулированного и научно обоснованного понятия коррупции, которое бы адекватно отражало все аспекты этого явления и обеспечивало единообразие правоприменительной практики.

Отмеченное подтолкнуло нас к проведению сравнительного анализа легального (законодательного) определения коррупции, закрепленного в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³, и многообразия доктринальных подходов к трактовке этого термина в юридической науке, так как эффективность правового противодействия этому деструктивному явлению напрямую зависит от четкости и полноты определения его сущности. Как показывает практика, существующее законодательное определение коррупции содержит в большей мере перечисление конкретных деяний, а не раскрытие ее методологически значимых признаков, что порождает проблемы в ее понимании, в том числе юридическом.

С нашей точки зрения, характеристики коррупционного поведения, раскрывающие ее природу и не потерявшие актуальности, имеют свое гносеологическое происхождение. Например, в римском праве термин «*corruptere*» использовался в контексте подкупа судей и изменения показаний за деньги [3, с. 98–108]. Это историческое наследие свидетельствует об изначальном понимании коррупции как действия, предполагающего участие в нем как минимум двух лиц, нацеленное на искажение должного управленче-

¹ См.: Уголовно-правовая конвенция о коррупции (ETS № 173) (Страсбург, 27 января 1999 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20. Ст. 2394.

² Transparency International. What is corruption? // Transparency.org. URL: <https://www.transparency.org/en/what-is-corruption> (дата обращения: 13.02.2026).

³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ского решения и (или) поведения. В российском законодательстве длительное время отсутствовало легальное определение коррупции. Оно было впервые закреплено лишь в 2008 г. с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции». Согласно ст. 1 данного Закона коррупция определяется как:

– злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды;

– совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [4, с. 36–38; 5, с. 336–341].

Анализ данной дефиниции позволяет выявить две ее ключевые характеристики:

– перечислительный характер – законодатель начинает с конкретного перечисления известных коррупционных форм поведения (злоупотребление, взятка, подкуп и т. д.), а затем использует расширительную формулу «иное незаконное использование»;

– цель – получение выгоды, предполагающей обязательное наличие корыстного мотива, то есть обязательное планирование получения выгоды в различных формах (деньги, ценности, услуги, имущественные права) как для себя, так и для третьих лиц.

В первоначальном проекте закона определение коррупции носило более широкий, концептуальный характер, описывая ее как социально-правовое явление [6, с. 115–117]. Однако в окончательной редакции акцент сместился на описание конкретных правонарушений. Такой подход был подвергнут критике со стороны научного сообщества, указывающего на то, что произошла подмена понятий «коррупция» и «преступление коррупционной направленности» [7, с. 35]. Отмеченное и сдетерминировало многообразие доктринальных подходов к пониманию коррупции.

В отличие от формализованного законодательного определения, юридическая наука характеризуется значительным плюрализмом мнений относительно сущности коррупции. Обобщая существующие точки зрения, можно выделить два основных подхода: широкий (социально-правовой) и узкий (уголовно-правовой).

Широкий подход рассматривает коррупцию прежде всего как социальное явление, поражающее аппарат публичного управления. Сторонники этого подхода делают акцент на разлагающем воздействии коррупции на государственные и общественные институты [8, с. 7]. Данная трактовка тесно связана с этимологией слова (от лат. *corruptio* – разложение, порча, упадок) [9, с. 274]. Б. В. Волженкин акцентирует внимание на ее последствиях в виде «разложения власти» [10, с. 210–225]. А. И. Кирпичников использует метафору «коррозия власти»: как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества [11, с. 17]. А. И. Долгова, являющаяся представителем этого подхода, определяет коррупцию как «социальное явление, характеризующееся подкупом продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими... официальных служебных полномочий» [6, с. 45–60].

Считаем, что широкий подход важен для понимания системных причин коррупции и разработки стратегических мер профилактики, направленных не только на наказание, но и на изменение институциональной среды.

Узкий (уголовно-правовой) подход трактует коррупцию в первую очередь как совокупность конкретных общественно опасных, запрещенных уголовным законодательством. В этом случае внимание концентрируется на внешних, наказуемых формах проявления коррупции.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Отмеченный подход отражен и в международных документах. Например, Transparency International определяет коррупцию как «злоупотребление доверенной властью ради личной выгоды», а в Конвенции ООН против коррупции она прямо относится к уголовным преступлениям.

Узкий подход является базовым для правоприменительной деятельности, так как обеспечивает непосредственную связь с конкретными нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 285, 286, 290–291.2 и др.).

Существующий разрыв между широким доктринальным пониманием коррупции и ее узким законодательным определением порождает ряд существенных проблем в правовой теории и практике.

Главная проблема – это неполнота легального определения коррупции. Критики указывают, что ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ фактически сводит сложное социальное явление к перечню должностных преступлений [12, с. 43–48]. Это создает трудности при квалификации деяний, которые по своей природе являются коррупционными, но не подпадают под строгие формальные признаки перечисленных составов. Открытый перечень («иное незаконное использование») призван нивелировать эту проблему, но порождает неопределенность.

Не менее значимая проблема выражается в отсутствии четкой классификации преступлений коррупционной направленности. Генеральная прокуратура России и МВД России утвердили перечень статей УК РФ, относимых к «преступлениям коррупционной направленности»¹. Однако этот перечень носит ведомственный характер и его сложно полностью синхронизировать с легальным определением коррупции, данным в федеральном законодательстве.

Для урегулирования выявленных проблем и повышения эффективности антикоррупционной политики необходима гармонизация законодательной дефиниции с доктринальными наработками и международными стандартами. С нашей точки зрения, можно предложить следующие направления совершенствования:

- целесообразно определить коррупцию как социально-правовое явление, выражающееся в незаконном использовании лицом своего публичного статуса или доверенных ему полномочий (включая бездействие) для получения преимуществ в ущерб законным интересам общества и государства. Это создаст концептуальную основу для всего законодательства;
- четко разграничить понятия «коррупция» и «коррупционное правонарушение»;
- определить перечень преступлений коррупционной направленности.

Реализация этих предложений позволит создать более прочную терминологическую и концептуальную базу для системной борьбы с коррупцией, объединяющей профилактические меры, правовое воспитание и неотвратимость ответственности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии существенного диссонанса между сложным, многогранным характером коррупции как социального явления и ее узким, формально-юридическим определением в действующем российском законодательстве. Доктринальные подходы, особенно широкий (социально-правовой), дают более глубокое понимание причин и масштабов этого явления, рассматривая его

¹ См.: О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России от 28 июля 2025 г. № 1 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

как «коррозию власти», разлагающую государственный аппарат и общественные устои. Однако правоприменительная практика вынуждена опираться на легальную дефиницию, которая редуцирует коррупцию до набора конкретных уголовно наказуемых деяний, оставляя за рамками системно-деструктивные ее проявления.

Отмеченное порождает проблемы при квалификации деяний, формировании статистики и в итоге снижает эффективность антикоррупционной политики, которая требует комплексного подхода, включающего не только карательные, но и социальные, экономические и воспитательные меры. Изложенное диктует необходимость гармонизации национального законодательства в данной области правового регулирования. Свое начало она должна взять с совершенствования нормативного определения коррупции, которое позволит создать единую и непротиворечивую понятийную базу, что станет важным шагом к построению целостной, эффективной и предсказуемой системы противодействия одной из наиболее серьезных угроз современному Российскому государству и обществу.

Список источников

1. Петрянин А. В. Коррупция как угроза национальной безопасности и неотъемлемый элемент современного мира: вопросы уголовно-правового и криминологического противодействия // Российский правовой журнал. 2020. № 1. С. 62–65.
2. Петрянин А. В. Международно-правовые основы противодействия преступлениям коррупционной направленности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1(37). С. 66–68.
3. Таирова Н. М. Коррупция как социальное явление: историко-философские и политологические аспекты мировой мысли и практики // Управленческое консультирование. 2014. №. 1(61). С. 98–108.
4. Бадрянова О. Б. Понятие «коррупция»: теоретико-правовое исследование // Наука и образование сегодня. 2019. №. 11(46). С. 36–38.
5. Петрянин А. В. Антикоррупционная политика: содержание и принципы // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям и преступлениям в сфере экономики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 31 окт. 2017 г.). Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 336–341.
6. Долгова А. И. Коррупция в России: организованная угроза и социальный контроль. М. : Рос. кримиол. ассоц., 2015. 361 с.
7. Кабанов П. А. Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе: проблемы терминологии // Следователь. 2017. № 8. С. 35.
8. Кирпичников А. И. Российская коррупция. 3-е изд. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 515 с.
9. Латинско-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. М. : Рус. яз., 1976. 1096 с.
10. Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. 969 с.
11. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб., 1997. 351 с.
12. Забавко Р. А. Понятие «коррупция» в российском законодательстве: критический анализ и перспективы совершенствования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 1(72). С. 43–48.

References

1. Petryanin, A. V. 2020, 'Corruption as a threat to national security and an integral element of the modern world: issues of criminal law and criminological counteraction', *Russian Law Journal*, iss. 1, pp. 62–65.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

2. Petryanin, A. V. 2017, 'International legal foundations for countering corruption-related crimes', Legal science and practice: *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(37), pp. 66–68.
3. Tairova, N. M. 2014, 'Corruption as a social phenomenon: historical, philosophical and political aspects of world thought and practice', *Management consulting*, iss. 1(61), pp. 98–108.
4. Badryanova, O. B. 2019, 'The concept of "corruption": a theoretical and legal study', *Science and Education today*, iss. 11(46), pp. 36–38.
5. Petryanin, A. V. 2018, 'Anti-corruption policy: content and principles', in *Actual problems of countering corruption crimes and crimes in the field of economics: proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, October 31, 2017)*, pp. 336–341, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod.
6. Dolgova, A. I. 2015, *Corruption in Russia: organized threat and social control*, Moscow.
7. Kabanov, P. A. 2017, 'The concept of corruption in Russian legislation and legal literature: problems of terminology', *Investigator*, iss. 8, p. 35.
8. Kirpichnikov, A. I. 2004, *Russian corruption*, 3rd edn, Law Center, Moscow.
9. Dvoretzky, I. H. (comp.) 1976, *Latin-Russian dictionary*, Moscow.
10. Volzhenkin, B. V. 2008, *Selected works on criminal law and criminology (1963–2007)*, Legal Center Press, St. Petersburg.
11. Kirpichnikov, A. I. 1997, *Bribery and corruption in Russia*, St. Petersburg.
12. Zabavko, R. A. 2015, 'The concept of "corruption" in Russian legislation: a critical analysis and prospects for improvement', *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(72), pp. 43–48.

Информация об авторах

С. Ю. Богомолов – кандидат юридических наук, слушатель.

Д. А. Неганов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин.

О. А. Петрянина – кандидат юридических наук, доцент, старший инспектор отдела кадров.

Information about the authors

S. Y. Bogomolov – PhD (Law), student.

D. A. Neganov – PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the legal disciplines department.

O. A. Petryanina – PhD (Law), Associate Professor, senior inspector of the personnel department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 10.06.2026.

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 10.06.2026.

Научная статья
УДК 343.98

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ 3D-МОДЕЛЕЙ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Дмитрий Анатольевич Евстропов¹, Александр Владимирович Кондаков²

¹ Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, dmitry.evstropov@gmail.com

² Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, kondakov.av@skspba.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные виды 3D-моделирования, применяемые в криминалистике, а также их теоретические основы и практическое значение при фиксации и исследовании объектов криминалистических экспертиз. Особое внимание уделено классификации цифровых 3D-моделей на каркасные, поверхностные и твердотельные, их структуре и функциональным возможностям. Раскрыта сущность каркасного моделирования как одного из первых способов представления пространственной геометрии, основанного на использовании точек, линий и ребер. Показано, что идеи, лежащие в основе данного подхода, имеют глубокие философские и математические корни, восходящие к античным представлениям о строении пространства и геометрических началах. Отмечается значение каркасных моделей для анализа формы объектов и их геометрической структуры. Поверхностное моделирование рассматривается как наиболее распространенный способ создания цифровых копий объектов криминалистического исследования. Подчеркивается роль полигональных сеток и облаков точек, получаемых в результате 3D-сканирования и фотограмметрии, а также их значение для точной фиксации рельефа следов.

Ключевые слова: криминалистика, 3D-моделирование, поверхностная модель, твердотельная модель, 3D-сканирование, цифровая фиксация объектов

Для цитирования

Евстропов Д. А., Кондаков А. В. Структурные особенности 3D-моделей и их значение для криминалистических исследований // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 274–284.

Original article

STRUCTURAL FEATURES OF 3D MODELS AND THEIR SIGNIFICANCE FOR FORENSIC RESEARCH

Dmitry Anatolyevich Evstropov¹, Alexander Vladimirovich Kondakov²

¹ Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, dmitry.evstropov@gmail.com

² St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, kondakov.av@skspba.ru

Abstract. The article discusses the main types of 3D modeling used in criminology, as well as their theoretical foundations and practical significance in the fixation and study of objects of forensic examinations. Special attention is paid to the classification of digital 3D models into wireframe, surface and solid models, their structure and functionality. The essence of wireframe modeling is revealed as one of the first ways to represent spatial geometry based on the use of points, lines and edges. It is shown that the ideas underlying this approach have deep philosophical and mathematical roots, going back to ancient ideas about the structure of space and geometric principles. The importance of wireframe models for analyzing the shape of objects and their geometric structure is noted. Surface modeling is considered as the most common way to create digital copies of objects of forensic research. The role of polygonal grids and clouds of points obtained as a result of 3D scanning and photogrammetry is emphasized, as well as their importance for accurately fixing the relief of footprints.

Keywords: forensics, 3D modeling, surface model, solid model, 3D scanning, digital fixation of objects

For citation

Evstropov, D. A. & Kondakov, A.V. 2026, 'Structural features of 3D models and their significance for forensic research', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 274–284.

Введение

Одним из наиболее перспективных направлений цифровизации криминалистической деятельности является использование технологий трехмерного моделирования, основанных на данных 3D-сканирования и фотограмметрии. Применение 3D-моделей позволяет фиксировать объекты в их реальном пространственном состоянии, сохранять мельчайшие особенности рельефа и формы, а также обеспечивать воспроизводимость результатов исследования [1; 2, с. 52–54].

Актуальность исследования обусловлена тем, что использование 3D-моделирования в криминалистике нередко носит фрагментарный характер и ограничивается визуализацией, без четкого понимания различий между видами цифровых моделей, их структурных особенностей и возможностей применения для решения конкретных экспертных задач.

В научных исследованиях, посвященных вопросам цифровой фиксации и визуализации криминалистических объектов, значительное внимание уделяется технологиям 3D-сканирования, фотограмметрии, лазерной съемки и обработке облаков точек [3; 4, с. 585–588; 5, с. 199–201]. В трудах отечественных и зарубежных авторов рассматри-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ваются вопросы точности измерений, сопоставимости цифровых моделей с материальными объектами, а также перспективы использования трехмерных моделей в судебной экспертизе и судопроизводстве. Вместе с тем в большинстве публикаций акцент делается на аппаратно-программные средства получения данных, тогда как вопросы классификации и сущности самих 3D-моделей остаются недостаточно систематизированными. В частности, в научной литературе нередко не проводится четкого разграничения между каркасными, поверхностными и твердотельными моделями, что может приводить к некорректному выбору метода моделирования и ошибкам при интерпретации полученных результатов. Отсутствие единых методологических подходов к использованию различных типов 3D-моделей затрудняет их внедрение в криминалистическую практику.

Проблема исследования заключается в недостаточной теоретической проработке вопросов, связанных со структурными особенностями различных видов 3D-моделей и их функциональными возможностями в криминалистике. В условиях активного развития цифровых технологий возникает необходимость не только в освоении технических средств, но и в формировании научно обоснованного понимания того, какие типы 3D-моделей целесообразно использовать на различных этапах криминалистического исследования и для каких задач они наиболее эффективны.

Цель исследования – анализ основных видов 3D-моделирования и раскрытие их значения для фиксации и исследования криминалистически значимых объектов. Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих задач:

- рассмотреть теоретические основы 3D-моделирования и их связь с геометрическими представлениями о пространстве и форме;
- охарактеризовать каркасные, поверхностные и твердотельные 3D-модели, выявив их структурные особенности;
- определить роль облаков точек как исходного этапа формирования цифровых моделей;
- проанализировать возможности и ограничения различных типов 3D-моделей при решении криминалистических и экспертных задач;
- обосновать целесообразность дифференцированного подхода к выбору типа 3D-модели в зависимости от целей исследования.

Результаты исследования могут быть использованы в научной, учебной и практической деятельности, а также при разработке методических рекомендаций по применению технологий 3D-моделирования в криминалистике и судебной экспертизе.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования применялся комплекс теоретических и эмпирических методов, направленных на анализ сущности и возможностей различных видов 3D-моделирования в криминалистике. Методологическую основу исследования составили положения криминалистической теории фиксации доказательственной информации, общенаучные представления о пространственной геометрии, а также современные подходы к цифровому моделированию объектов.

Теоретическая база исследования включает в себя труды отечественных и зарубежных авторов в области криминалистики, судебной экспертизы, компьютерной графики, 3D-моделирования и обработки пространственных данных. В работе использовались научные публикации, монографии, учебные и методические пособия, нормативные и методические документы, регламентирующие применение цифровых технологий в экспертной практике. При анализе литературы применялись методы систематизации, сравнения и обобщения научных данных.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

В качестве эмпирического материала использовались цифровые трехмерные данные, полученные при фиксации криминалистических объектов и следов, включая следы обуви на рыхлых грунтах, а также анатомические объекты. Получение исходных данных осуществлялось с применением методов фотограмметрии и 3D-сканирования. В рамках фотограмметрической съемки выполнялась серия перекрывающихся цифровых изображений объектов с последующей их обработкой в специализированном программном обеспечении. 3D-сканирование проводилось с использованием оптических сканеров, обеспечивающих регистрацию пространственных координат точек поверхности объекта.

Результатом первичной обработки являлось облако точек, представляющее собой совокупность пространственных координат, описывающих форму и рельеф исследуемого объекта. Для дальнейшего анализа выполнялись операции выравнивания, фильтрации шумов и устранения дефектов данных. На основе облаков точек формировались каркасные и поверхностные модели с использованием полигональных сеток различной плотности. Для оценки возможностей твердотельного моделирования осуществлялось преобразование поверхностных моделей в замкнутые объемные тела с применением булевых операций и параметрического моделирования.

В процессе исследования применялись методы сравнительного анализа, моделирования и визуализации. Сравнивались функциональные возможности каркасных, поверхностных и твердотельных моделей при решении типовых криминалистических задач, включая визуализацию, измерение геометрических параметров и анализ формы объектов. Оценка применимости каждого типа модели осуществлялась с учетом точности передачи рельефа, возможности проведения измерений и пригодности для дальнейшего экспертного анализа.

Полученные результаты обрабатывались и анализировались с использованием логико-аналитических методов, что позволило выявить закономерности и обосновать выводы о целесообразности применения различных видов 3D-моделирования в криминалистической практике.

Результаты исследования и их обсуждение

3D-моделирование представляет собой процесс создания трехмерного графического объекта и последующего его использования в различных прикладных задачах. Цифровая модель может выступать как прототип для создания нового объекта, так и как точная копия уже существующего [6, с. 55–57]. В криминалистике выбор метода моделирования определяется характером исследуемого объекта и задачами экспертизы. В рамках исследования выделяются три основных вида 3D-моделирования: каркасное, поверхностное и твердотельное.

Каркасное моделирование (meshmodeling) заключается в представлении объекта в виде каркаса, состоящего из вершин, ребер и граней, без прорисовки поверхности или текстуры (рис. 1). Каркасная модель обеспечивает скелетное описание объекта и позволяет анализировать его геометрическую структуру.

Исторические корни данного подхода прослеживаются в античной философии и математике: идеи Пифагора, Платона, Евклида и Аристотеля о построении объектов из точек, линий и поверхностей можно считать предтечей современных методов каркасного моделирования. Каркасная модель – это скелетное описание трехмерного объекта. В такой модели нет поверхностей, она состоит из точек, линий и кривых, которые описывают края объекта. Данная технология является первой в представлениях объемной геометрии, она появилась в конце XX века [7].

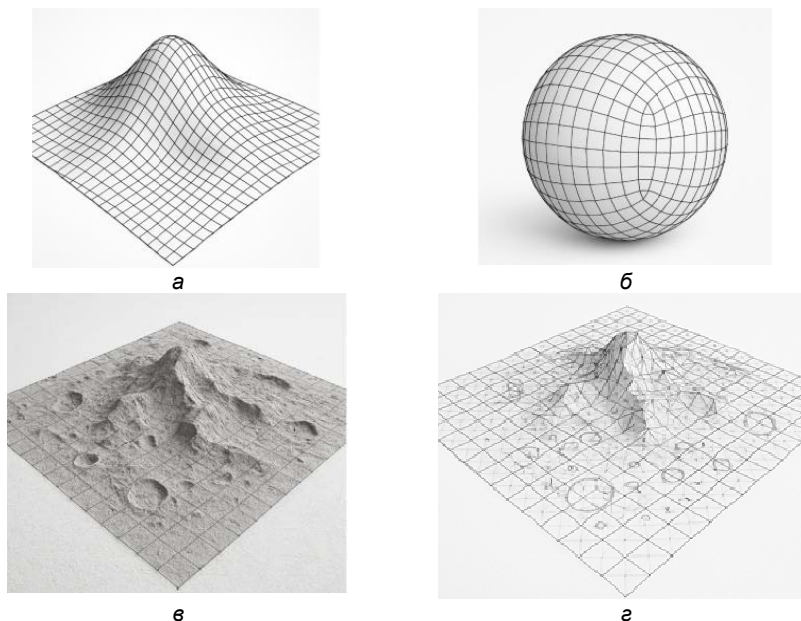

Рис. 1. Каркасное представление поверхности (а) и каркасное представление объема (б). Каркасная структура поверхности объекта с прорисовкой текстуры (г) и каркас поверхности без текстуры (д)

Поверхностное моделирование направлено на создание моделей, описывающих только внешние контуры и поверхность объекта. Такие модели формируются из облаков точек, полигональных сеток и кривых, что позволяет получить детализированное представление формы исследуемого объекта (рис. 2).

Поверхностные модели не содержат информации о внутреннем объеме или физических свойствах объекта, представляя собой тонкую «скорлупу». Они могут применяться в криминалистике для визуализации следов обуви, орудий взлома и других объектов, когда важна точная передача рельефа поверхности [8]. Для построения поверхностной модели необходимы направляющие линии, которые определяют форму и кривизну поверхности.

Облако точек является исходным этапом формирования цифровой модели [9]. Оно представляет собой совокупность координат точек в пространстве (X, Y, Z), получаемых с помощью 3D-сканеров или фотограмметрии (рис. 3). Облако точек фиксирует мельчайшие неровности поверхности объекта, что особенно важно для идентификации следов. После обработки выравнивания, фильтрации шумов и преобразования в полигональную сетку облако точек становится основой для поверхностной модели.

Визуально облако точек напоминает туман или рой пылинок, повторяющий контуры объекта. В нем можно распознать форму, но нельзя проводить полноценные измерения или печатать модель на 3D-принтере, пока не будет выполнена обработка: выравнивание, фильтрация, устранение шумов и последующее преобразование в поверхностную сетку (модель из полигонов) (рис. 3).

Для криминалистических исследований облако точек имеет особую ценность на начальном этапе фиксации следов и объектов. Оно позволяет сохранить исходное состояние объекта до любой последующей обработки, включая следы обуви на рыхлом

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

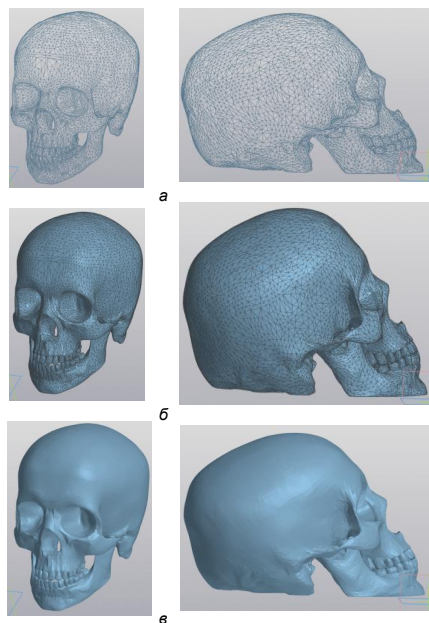

Рис. 2. Цифровая модель поверхности черепа человека: каркасная (а), поверхностная полигональная (б), поверхностная модель без полигонов (в)

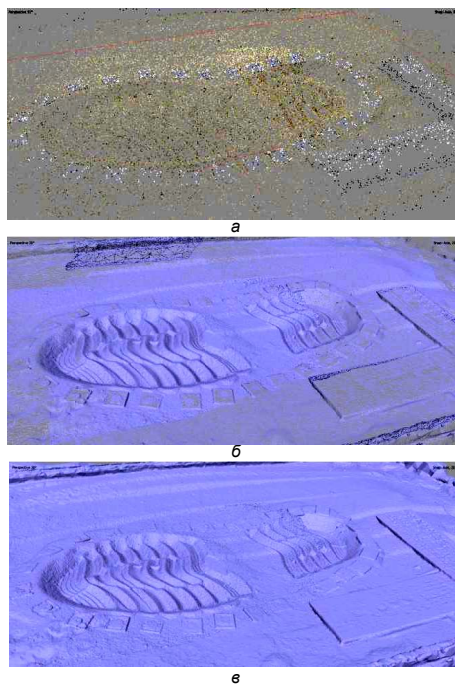

Рис. 3. Облако, состоящее из 42 тысяч точек, поверхностного следа обуви, зафиксированного на поверхности песка методом фотограмметрии по 33 снимкам с камеры зеркального фотоаппарата (а), каркасная модель следа (б) и поверхностная модель следа (в)

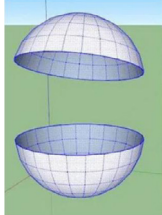
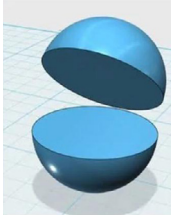
или сыпучем грунте. Облако точек фиксирует мельчайшие неровности поверхности, которые могут иметь критическое значение для идентификации и сравнения объектов.

Основным строительным элементом поверхностной модели является полигон – плоская геометрическая фигура, чаще всего треугольник или четырехугольник. Полигоны соединяются вершинами и ребрами, формируя полигональную сетку (mesh), которая служит основой для поверхностной модели. Чем больше полигонов, тем выше детализация модели, что позволяет точнее передавать рельеф и форму объекта. При этом увеличение числа полигонов повышает вычислительную нагрузку, поэтому на практике применяются методы оптимизации, позволяющие упрощать сетку без существенной потери точности.

Твердотельное моделирование предполагает создание цифровой модели объекта с учетом объема, массы, плотности и других физических характеристик. Такие модели формируются из геометрических примитивов (кубы, цилиндры, сферы и др.) с использованием булевых операций и параметрического моделирования.

Таблица 1

Характеристики поверхностной и твердотельной модели

Поверхностная модель (Surface model)	Твердотельная модель (Solid model)
	
Модель состоит исключительно из внешней поверхности, фактически это «скорлупа» объекта. Внутри пустота, что хорошо видно при визуализации в режиме полупрозрачности: становятся видны задние стенки и внутренние контуры. Объект формируется из множества полигонов – треугольников или четырехугольников, которые создают сетку (mesh). Она может быть грубой или детализированной в зависимости от разрешения модели. Модели не обладают массой, плотностью и не пригодны для расчетов, связанных с физикой тела. Иногда участки модели как бы «висят в воздухе», намекая на отсутствие структурной целостности Используются в областях, где важно показать внешний вид объекта, но внутренняя структура не имеет значения	Модель визуально воспринимается как сплошное тело, а не как пустотелая оболочка. Поверхности сглажены и реалистично затенены, что подчеркивает ее объемность. Модель содержит информацию о внутреннем пространстве и может обладать физическими свойствами (масса, плотность, инерция и т. д.). Solid-модель – это строгое математическое описание, которое полностью определяет форму, объем и внутреннюю структуру объекта. Обычно используется булева геометрия (CSG) или граничное представление (B-Rep). Невозможно заглянуть внутрь объекта, как и в реальном теле, внутренняя часть скрыта Используются для точных инженерных расчетов в CAD-системах, где важны физические параметры объекта, такие как масса, объем, плотность, инерция и прочностные характеристики

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

В отличие от поверхностного моделирования, где внимание сосредоточено на внешнем виде, твердотельное моделирование оперирует понятием «тела» полноценного замкнутого объекта, который можно разрезать, измерить, просчитать его объем, центр масс, инерцию и другие параметры. Моделирование строится на геометрических примитивах телах с определенной формой (кубы, цилиндры, сферы и другие), которые комбинируются, обрезаются или объединяются в более сложные конструкции. Благодаря использованию булевых операций (объединение, пересечение, вычитание), создается точная и функционально достоверная модель объекта, пригодная для дальнейшего анализа или производства.

Сравнение двух типов моделей показало (табл. 1), что для большинства задач в криминалистике поверхностного моделирования достаточно (табл 2). Следы обуви, транспортных средств и орудий взлома связаны преимущественно с особенностями рельефа поверхности, которые точно фиксируются в поверхностной модели. Она обеспечивает точное сравнение форм, анализ высот и выявление признаков сходства или различия при меньших вычислительных затратах по сравнению с твердотельными моделями. Твердотельное моделирование становится актуальным только при необходимости

Таблица 2

Примерный перечень направлений использования поверхностных и твердотельных 3D-моделей в криминалистике

Тип модели	Пример объекта	Цель использования	Задача в криминалистике
Поверхностная модель (Surface Model)	Следы обуви на песке, грунте, снегу	Фиксация рельефа поверхности	Идентификация конкретного обувного следа, сравнение с эталонным
	Инструменты, замки, двери, стекло	Документирование повреждений без разрушения	Анализ механических повреждений, определение способа воздействия
	Место происшествия, цифровые копии объектов	Визуализация сцены, отчеты, демонстрации	Создание наглядной цифровой сцены
	Следы, отпечатки, деформации объектов	Сравнение и совмещение цифровых копий	Выявление совпадений или различий, анализ высотных изменений
Твердотельная модель (Solid Model)	Следы обуви, инструменты	3D-печать для экспериментов	Создание физических копий для моделирования действий преступника
	Металлические объекты, инструменты	Анализ физических свойств	Определение массы, объема, центра масс, инерции, прочности
	Сложные объекты, механизмы	Обратное проектирование	Воссоздание внутренних структур для реконструкции действий
	Конструкции, детали	Виртуальные испытания	Симуляция нагрузок, деформаций, падений

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

анализа физических свойств объекта или подготовки моделей к 3D-печати, включая процессы обратного проектирования.

Анализ таблицы 2 показывает, что выбор типа 3D-модели зависит от целей криминалистического исследования. Поверхностные модели обеспечивают высокую точность фиксации рельефа объектов и следов, позволяют проводить сравнительный анализ и визуализацию без значительных вычислительных затрат. Они идеально подходят для задач трасологии, идентификации обуви, инструментов, а также документирования места происшествия.

Твердотельные модели дают возможность учитывать внутренние свойства объектов и проводить инженерные расчеты, однако в типичных криминалистических исследованиях их применение оказывается избыточным. Обработка и анализ таких моделей требует значительных ресурсов и времени, что делает их менее практичными для большинства задач экспертизы.

Выводы

Проведенный анализ методов 3D-моделирования показал, что современные цифровые технологии позволяют создавать точные виртуальные копии объектов и следов, применимые в криминалистике для фиксации, анализа и визуализации доказательств.

Облака точек и полигональные модели обеспечивают высокую детализацию рельефа объектов и позволяют фиксировать мельчайшие дефекты следов, что важно для идентификации обуви, инструментов и других объектов, задействованных в преступлении.

Сравнение поверхностного и твердотельного моделирования показало, что для большинства задач трасологии, криминалистического анализа поверхностного моделирования оказывается достаточно. Оно обеспечивает точное воспроизведение рельефа, позволяет проводить сравнительный анализ следов, накладывать цифровые копии друг на друга и требует меньших вычислительных ресурсов по сравнению с твердотельными моделями.

Твердотельное моделирование сохраняет значение в случаях, когда необходимо учитывать внутреннюю структуру объекта, физические свойства (массу, плотность, инерцию) или подготовку моделей к 3D-печати. В типичных криминалистических исследованиях эти задачи встречаются редко, поэтому применение твердотельных моделей ограничено.

Поверхностное 3D-моделирование является оптимальным и эффективным инструментом для фиксации и анализа следов в криминалистике, обеспечивая баланс между точностью, наглядностью и экономией ресурсов.

Список источников

1. Carew, R. M., French, J. & Morgan, R. M. 2021, '3D forensic science: a new field integrating 3D imaging and 3D printing in crime reconstruction', *Forensic Sci. Int.: Synergy*, iss 3, doi:10.1016/j.fsisyn.2021.100205.
2. Визуализация реконструкции криминального события методом 3D-моделирования / Е. Н. Леонова [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. 2018. № 61(1). С. 52–54.
3. Полякова А. В. Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2024. 244 с.
4. Полякова А. В. Тенденции и перспективы развития ручного стрелкового огнестрельного оружия и боеприпасов к нему: оружие и патроны, распечатанные на 3D-принтерах //

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VI Международ. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. Юрия Кузьмича Орлова (Москва, 19–20 янв. 2017 г.). М. : Проспект, 2017. С. 585–588.

5. Несмиянова И. О. К вопросу о возможности моделирования следов шин в трактологической экспертизе // Фундаментальные и прикладные исследования в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения РФ : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Уфа, 17–18 окт. 2019 г.). Уфа : Башкирский государственный университет, 2019. С. 199–201.

6. Возможности применения метода 3D-микроскопического моделирования в ходе производства медико-криминалистических экспертиз огнестрельной травмы / И. Ю. Макаров [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. 2019. № 62(4). С. 55–57.

7. Малюх В. Н. Введение в современное САПР : курс лекций. М. : ДМК Пресс, 2010. 192 с.

8. Системы автоматизированного проектирования для студентов автомобильного отделения специалитета, бакалавриата очной и заочной форм обучения / сост. Т. В. Швеева. Набережные Челны : Изд-во Набережночелнинского института КФУ, 2014. 88 с.

9. Jani, G., Lavin, W. S., Ludhwani, S. & Johnson, A. 2020, 'An overview of three dimensional (3D) technologies in forensic odontology', *Journal of Forensic Dental Sciences*, vol. 12, iss. 1, pp. 56–65, doi: 10.18311/jfds/12/1/2020.4.

References

1. Carew, R. M., French, J. & Morgan, R. M. 2021, '3D forensic science: a new field integrating 3D imaging and 3D printing in crime reconstruction', *Forensic Sci. Int.: Synergy*, iss 3, doi:10.1016/j.fsisyn.2021.100205.

2. Leonova, E. N. 2018, 'Visualization of reconstruction of a criminal event by 3D modeling', *Forensic medical examination*, iss. 61(1), pp. 52–54.

3. Polyakova, A. V. 2024, *Formation and development of 3D technologies in forensic expertise: methodological and organizational aspects: PhD thesis (Law)*, Ufa.

4. Polyakova, A. V. 2017, 'Trends and prospects in the development of small-hand firearms and ammunition: weapons and cartridges printed on 3B printers', in *Theory and practice of forensic examination in modern conditions : proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Prof. Yuri Kuzmich Orlov (Moscow, January 19–20, 2017)*, pp. 585–588, Prospekt, Moscow.

5. Nesmiyanova, I. O. 2019, 'On the issue of the possibility of modeling tire tracks in tracological examination', in *Fundamental and applied research in the field of forensic expertise and DNA registration of the population of the Russian Federation: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international Ufa, October 17–18, 2019*, pp. 199–201, Bashkir State University, Ufa.

6. Makarov, I. Y. 2019, 'Possibilities of using the method of 3D microscopic modeling during the production of medical and forensic examinations of gunshot injury', *Forensic medical examination*, iss. 62(4), pp. 55–57.

7. Malyukh, V. N. 2010, *Introduction to modern CAD : course of lectures*, DMK Press, Moscow.

8. Shveeva, T. V. (comp.) 2014, *Computer-aided design systems for students of the automotive department of specialty, bachelor's degree, full-time and part-time education*, Publishing house of the Naberezhnye Chelny Institute of KFU, Naberezhnye Chelny.

9. Jani, G., Lavin, W. S., Ludhwani, S. & Johnson, A. 2020, 'An overview of three dimensional (3D) technologies in forensic odontology', *Journal of Forensic Dental Sciences*, vol. 12, iss. 1, pp. 56–65, doi: 10.18311/jfds/12/1/2020.4.

Информация об авторах

Д. А. Евстропов – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры трасологии и баллистики;

А. В. Кондаков – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности.

Information about the authors

D. A. Evstropov – PhD (Technical Sciences), Associate Professor, associate professor of the tracology and ballistics department;

A. V. Kondakov – PhD (Law), Associate Professor, head of the forensic expertise and operational investigative activities department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 10.06.2026.

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 10.06.2026.

Научная статья
УДК 343.3

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА НАРУШЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Андрей Игоревич Дмитриев¹

¹ Международный юридический институт, г. Москва, Россия, andrey@up-leader.ru

Аннотация. В статье представлен детализированный анализ преступлений против территориальной целостности, для которых характерны высокая латентность, гибридная природа и специфика детерминации. Автором раскрывается уголовно-правовая характеристика соответствующих деяний и выявляются ее корреляции с криминологическими особенностями, что в совокупности позволило сформировать целостное представление об объекте превентивного воздействия.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, территориальная целостность, предупреждение преступлений, уголовно-правовая характеристика, объект превентивного воздействия

Для цитирования

Дмитриев А. И. Криминологическая характеристика и доктринальные проблемы квалификации деяний, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 285–291.

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND DOCTRINAL PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ACTS AIMED AT VIOLATING THE TERRITORIAL INTEGRITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Andrey Igorevich Dmitriev¹

¹ International Law Institute, Moscow, Russia, andrey@up-leader.ru

Abstract. The article presents a detailed analysis of crimes against territorial integrity, which are characterized by high latency, hybrid nature and specificity of determination. The author reveals the criminal-legal characteristics of the relevant acts and identifies its correlations with criminological features, which together allowed to form a holistic view of the object of preventive action.

Keywords: criminological characteristics, territorial integrity, crime prevention, criminal law characteristics, object of preventive action

For citation

Dmitriev, A. I. 2026, 'Criminological characteristics and doctrinal problems of qualification of acts aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 285–291.

В парадигме современной криминологической науки доминирующее положение занимает исследование криминологической характеристики преступности как целостного социально-правового феномена, под которой традиционно понимается систематизированная, иерархически структурированная совокупность общих и частных признаков, характеризующих качественные и количественные стороны данного негативного социокультурного явления, значимые для прогнозирования преступности и предупредительного воздействия на нее. На основе этого и сходных с ним определений разработаны подходы к раскрытию структуры криминологической характеристики как всего криминалитета, так и входящих в него отдельных групп и видов уголовно наказуемых деяний. В частности, в качестве одного из наиболее репрезентативных таксономических перечней элементов, образующих криминологическую характеристику, может быть представлен следующий:

- 1) количественно-качественные параметры преступности (уровень, структура, динамика, латентность);
- 2) криминальная ситуация совершения определенного вида деликтов, включая объекты и предметы противоправного посягательства, а также способы, орудия и инвентарий совершения преступного деяния;
- 3) патогенетический механизм преступного поведения (его стадии, психофизиологические и ситуационные детерминанты);
- 4) личностные диспозиции субъекта преступления, релевантные для экстраполяции индивидуального криминального поведения и его превенции;

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

5) макросреда и микросреда объективного и субъективного порядка, в которой происходила социализация и формирование криминогенной направленности личности;

6) система этиологических факторов (детерминант) отдельных видов преступлений и всей совокупности преступности как социально-правового феномена;

7) формы объективации преступного умысла, включая объективные маркеры приготовительных действий и покушения на совершение запрещенного деяния;

8) виктимологически значимые свойства личности потерпевшего (индивидуально-типологические, ролевые, поведенческие), имеющие прогностическую ценность для виктимологической профилактики, предупреждения и пресечения криминальных посягательств.

Руководствуясь представленным категориальным аппаратом, аккумулирующим узловые компоненты криминологической характеристики преступности, полагаем возможным экстраполировать данный методологический инструментарий на исследование отдельных видов и групп уголовно наказуемых деяний. В соответствии с указанной логикой перейдем к анализу криминологической характеристики преступных посягательств на территориальную целостность Российской Федерации [1, с. 252–260].

Прежде чем приступить к содержательной экспликации указанной характеристики, обратим внимание на следующее обстоятельство: в современных геополитических реалиях данные деяния нередко выступают структурными элементами системной преступной активности, продуцируемой и ретранслируемой из внешней среды. Целевой доминантой такой деструктивной деятельности является нанесение максимального ущерба фундаментальным национальным интересам России, безусловным приоритетом среди которых выступает сохранение территориальной целостности государства. В сложившихся условиях обозначенная детерминанта образует специфическую криминологическую особенность, подлежащую обязательной рефлексии в рамках организации противодействия посягательствам на территориальную целостность РФ [2]

Преступления, предусмотренные ст. 205.2 и 282 УК РФ, непосредственно посягают на общественные отношения, связанные с обеспечением территориальной целостности России, в случаях, когда соответствующие призывы, оправдание или пропаганда прямо касаются данной основы конституционного строя государства и побуждают к противоправному воздействию на нее, в том числе формируют в других людях побуждения и цели, которые могут привести их к непосредственному участию в насильственных или иных общественно опасных деяниях, угрожающих единству и неприкосновенности территории России.

Вместе с тем эти преступления и лица, их совершающие, должны восприниматься как представляющие серьезную опасность не только для общественной и государственной безопасности, но и для основ конституционного строя России в целом, ее территориальной целостности. Это объясняется тем, что любые публичные призывы к террористической деятельности, оправдание и пропаганда терроризма и экстремизма так или иначе привносят нестабильность и напряженность в общество, способствуют возникновению и нарастанию протестных настроений в нем, подталкивают к саботажу государственной политики и принятых на ее основе решений, неуважительному отношению к ним и готовности примкнуть к различного рода террористическим или экстремистским объединениям, а равно совершать конкретные преступные посягательства под эгидой таких объединений, использующих не только политические и идеологические, но и другие стимулы, в том числе имущественного характера [3].

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Как подчеркивается в п. 16 Стратегии противодействия экстремизму в РФ, утвержденной Президентом России в конце 2024 г., преступления экстремистской направленности вызывают повышенный общественный резонанс и дестабилизируют общественно-политическую и социально-экономическую обстановку не только в отдельных регионах РФ, но и в стране в целом.

Следующий элемент криминологической характеристики рассматриваемых преступлений образуют обстановка их совершения, объекты и предметы данных посягательств, используемые для их осуществления способы, орудия и средства. Прежде всего, обратим внимание на обстановку, в которой планируются, подготавливаются и непосредственно совершаются рассматриваемые преступления. О ней обстоятельно сказано в Стратегии противодействия экстремизму, где обстановка охарактеризована через указание ряда существенных внешних и внутренних угроз, противодействие которым требует напряжения всех имеющихся у государства и его институтов возможностей и средств, в том числе в направлении предупреждения посягательств на территориальную целостность РФ [4, с. 21–36].

Внешние угрозы при этом исходят из следующих источников:

- 1) всестороннее содействие недружественных государств и различных негосударственных объединений экстремизму внутри России для дестабилизации общественно-политических и социально-экономических отношений в стране (стимулирование, финансовая и иная поддержка);
- 2) нарушение единства и территориальной целостности РФ, включая инспирирование цветных революций за счет координационного объединения усилий по искусственному созданию обстановки нестабильности в политике и смене существующей власти;
- 3) фальсификационные изменения мировой истории с дискредитацией роли и места России в ней, сопряженные с противоправными действиями в отношении национальных социально-культурных ценностей;
- 4) активное распространение экстремистской идеологии и поддержка международных террористических и экстремистских организаций, ориентированная на совершение с их прямым или опосредованным участием террористических актов и других опасных уголовно наказуемых деяний на территории России.

Внешние угрозы и порождающие их источники способны оказать заложенное в них деструктивное воздействие только при сочетании с внутренними угрозами, к которым в Стратегии противодействия экстремизму в РФ отнесены следующие:

- 1) использование существующими экстремистскими объединениями социальных, экономических, культурных, национальных, религиозных и других проблем в государстве как повода для своей противоправной деятельности;
- 2) распространение экстремистской идеологии, в том числе с проникновением «распространителей» в органы публичной власти, и активное вовлечение в основанную на ней деятельность широкого круга граждан, в особенности молодежи, участников различных групп в сети Интернет, мигрантов;
- 3) внутренняя финансовая поддержка экстремизма, создание замкнутых анклавов на национальной и религиозной почве;
- 4) инициирование проявлений сепаратизма в отдельных регионах, основанных на межэтнических и прочих противоречиях и конфликтах и способных дезинтегрировать государство и подорвать единство существующего в нем общества.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

При осуществлении криминологического анализа деяний, посягающих на территориальную целостность страны, методологически оправданно акцентировать повышенную общественную опасность и охранительную ценность объекта данных преступлений, ибо криминальное воздействие на него порождает прямую угрозу существованию российской государственности [5, с. 94–97].

Следует принимать во внимание также, что территориальная целостность России, будучи базовой компонентой конституционного строя и детерминантой национальной безопасности, выступает в качестве объекта гетерогенных криминальных посягательств. В целях систематизации предлагается условно дифференцировать последние на две основные категории [6, с. 51–56]. К первой относятся преступные деяния, релевантные сфере информационного экстремизма (включая его террористический сегмент) [7, с. 197–203]. Ко второй – деяния, конститутивным признаком которых выступает прямая противоправная направленность на нарушение территориальной целостности России, выражающаяся в захвате и удержании части государственной территории, а равно в противоправном фактическом либо формально-юридическом изменении ее пространственно-территориальных границ.

В. Н. Кудрявцев выделял четыре элемента механизма совершения умышленного преступления, по сути, отражающих этапы осуществления уголовно наказуемого деяния: мотивация, планирование, исполнение и наступление преступного результата. Механизм преступного поведения предполагает определенную переработку, преломление личностью человека воздействующих на нее факторов внешней среды на основе имеющегося массива информации социального и генетического характера. В связи с этим к основным звеньям (элементам) в механизме преступного поведения относится мотивация, изучение которой способствует повышению эффективности профилактических и иных превентивных мер, ориентированных на конкретные виды преступлений [8].

Мотивация преступного поведения представляет собой внутренний, психический процесс возникновения, формирования и непосредственного осуществления преступного деяния, в основе которого лежат определенные мотивы, установление содержания и значения которых позволяет выявить скрытую сущность преступления [9, с. 69–75]. Для этого важно устанавливать и учитывать все внутренние побуждения лица, подтолкнувшие его к совершению преступления, вне зависимости от того, влияют они на юридическую оценку последнего и назначение наказания за его совершение.

Проведенное исследование криминологической характеристики преступлений, посягающих на территориальную целостность Российской Федерации, позволяет сформулировать следующие основные выводы. Преступления, направленные против территориальной целостности государства, обладают экзистенциальной общественной опасностью, поскольку объектом их криминального воздействия выступают фундаментальные основы конституционного строя и национальной безопасности России. Деструктивное влияние на данный объект создает прямую угрозу суверенному существованию российской государственности, что обуславливает необходимость выделения указанной категории деяний в самостоятельный объект криминологического мониторинга и превентивного воздействия.

Список источников

1. Долгова А. И. Экстремизм и правовая основа реагирования на него // Военное право. 2018. № 4(50). С. 252–260.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

2. Дуюнов В. К. Уголовное право России. Общая и особенная части. 3-е изд. М. : РИОР, 2017. 403 с.
3. Дуюнов В. К., Подройкина И. А., Закомолдин Р. В. Феномен наказуемости и наказание в механизме уголовно-правового воздействия. М. : Юрлитинформ, 2022. 256 с.
4. Жильцов С. С. Истоки современного украинского национализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2014. № 4. С. 21–36.
5. Жирова М. Ю., Кондратюк С. В. Недостатки процессуальной регламентации производства обыска в свете обеспечения защиты прав и свобод человека // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3, № 4(6). С. 94–97.
6. Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 51–56.
7. Колесников Р. В. Общесоциальные и специально-криминологические меры профилактики современной преступности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 197–203.
8. Кондрат И. Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений. М. : Форум, 2014. 192 с.
9. Кондратюк С. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии и его профилактика // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2021. Т. 2, № 4(100). С. 69–75.

References

1. Dolgova, A. I. 2018, 'Extremism and the legal basis for responding to it', *Military law*, iss. 4(50), pp. 252–260.
2. Dunov, V. K. 2017, *Criminal law of Russia. General and special parts*, 3rd edn, RIOR, Moscow.
3. Dunov, V. K., Podroikina, I. A. & Zakomoldin, R. V. 2022, *The phenomenon of criminality and punishment in the mechanism of criminal legal influence*, Yurlitinform, Moscow.
4. Zhiltsov, S. S. 2014, 'The origins of modern Ukrainian nationalism', *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Political science*, iss. 4, pp. 21–36.
5. Zhirona, M. Yu. & Kondratyuk, S. V. 2019, 'Disadvantages of procedural regulation of search proceedings in the light of ensuring the protection of human rights and freedoms', *Humanitarian Balkan studies*, vol. 3, iss. 4(6), pp. 94–97.
6. Ivantsov, S. V. & Borisov, S. V. 2022, 'Actual issues of criminal law counteraction to the spread of extremist ideology in the Russian Federation', *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2, pp. 51–56.
7. Kolesnikov, R. V. 2020, 'General social and special criminological measures for the prevention of modern juvenile delinquency', *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4, pp. 197–203.
8. Kondrat, I. N. 2014, *Criminal policy of the state and normative legal regulation of criminal procedural relations*, Forum, Moscow.
9. Kondratyuk, S. V. 2021, 'Occupying the highest position in the criminal hierarchy and its prevention', *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, vol. 2, iss. 4(100), pp. 69–75.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Информация об авторе

А. И. Дмитриев – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Information about the author

A. I. Dmitriev – postgraduate student of the criminal law disciplines department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 06.05.2026; одобрена после рецензирования 08.06.2026; принята к публикации 10.06.2026.

The article was submitted 06.05.2026; approved after reviewing 08.06.2026; accepted for publication 10.06.2026.

Научная статья
УДК 343.13

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, РАССМАТРИВАЕМЫХ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Александр Юрьевич Скибенко¹

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия, aspirant@skspba.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема отсутствия правового регулирования в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации и других нормативных правовых актах использования результатов оперативно-розыскной деятельности при разрешении вопросов, рассматриваемых в стадии исполнения приговора. Формулируется вывод о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности необходимо учитывать при рассмотрении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, освобождения от наказания в связи с болезнью осужденного и иных вопросов при исполнении приговора.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, стадия исполнения приговора, условно-досрочное освобождение, освобождение от наказания в связи с болезнью осужденного

Для цитирования

Скибенко А. Ю. Теоретико-правовые аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности при разрешении вопросов, рассматриваемых в стадии исполнения приговора // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 292–299.

Original article

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF USING THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN RESOLVING ISSUES CONSIDERED AT THE STAGE OF EXECUTION OF THE SENTENCE

Alexander Yurievich Skibenko¹

¹ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, aspirant@skspba.ru

Abstract. The article examines the problem of the lack of legal regulation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Penal Enforcement Code of the Russian Federation and other normative legal acts of the use of the results of operational investigative activities in resolving issues considered at the stage of execution of the sentence. The conclusion is formulated that the results of operational investigative activities should be taken into account when considering conditional early release from serving a sentence, release from punishment due to illness of the convicted person and other issues during the execution of the sentence.

Keywords: results of operational investigative activities, the stage of execution of the sentence, parole, release from punishment due to the convict's illness

For citation

Skibenko, A. Yu. 2026, 'Theoretical and legal aspects of using the results of operational investigative activities in resolving issues considered at the stage of execution of the sentence', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 292–299.

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в уголовном судопроизводстве – один из наиболее активно обсуждаемых вопросов в юридической литературе [1, с. 19–23; 2, с. 56–64; 3, с. 24–26; 4; 5, с. 64–73]. Однако проблема использования результатов ОРД при исполнении приговора как стадии уголовного судопроизводства [6, с. 21–29; 7, с. 9–12; 8, с. 60–68; 9; 10, с. 22–26] на первый взгляд не является актуальной, поскольку при разрешении соответствующих вопросов не достигаются цели ОРД в виде защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств согласно ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), а также не решаются ее задачи (выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РФ; установление имущества, необходимого

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации, в соответствии со ст. 2 ФЗ «Об ОРД»).

В ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), посвященной использованию результатов ОРД, такая возможность распространяется только на процесс доказывания в досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства и не касается исполнения приговора. Вместе с тем согласно ст. 397 УПК РФ при исполнении приговора разрешаются многочисленные вопросы, по которым возбуждением производства занимаются учреждения и органы ведомств, осуществляющих ОРД:

- о замене наказания в случае злостного уклонения от отбывания обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, принудительных работ и пр.;
- условно-досрочном освобождении от отбывания наказания;
- изменении вида исправительного учреждения (ИУ);
- отмене условно-досрочного освобождения;
- замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания;
- освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного;
- отмене условного осуждения или о продлении испытательного срока;
- отмене либо о дополнении возложенных на условно осужденного обязанностей;
- заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, либо осужденного к принудительным работам, уклонившегося от получения предписания, предусмотренного ч. 2 ст. 60.2 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок;
- заключении под стражу осужденного к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, уклонившегося от получения предписания, предусмотренного ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ, или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, а также о направлении его в колонию-поселение под конвоем;
- применении или об отмене мер по обеспечению сохранности имущества или жилого помещения, остающихся без присмотра на время отбывания наказания осужденным, в соответствии с ч. 1 или ч. 6 ст. 313.1 УПК РФ.

Значительная часть из указанных вопросов рассматривается в контексте (не-) достижения исправления осужденного как цели применения уголовного наказания [ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)] и цели уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ). Так, необходимость оценки степени исправления осужденного прямо предусмотрена при применении условного осуждения (ст. 73 УК РФ) или отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), при принятии решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) и т. д. При этом поведение осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества (обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и др.), условно осужденных, а также осужденных с отсрочкой отбывания наказания контролируется уголовно-исполнительной инспекцией, которая по ст. 18.1 УИК РФ занимается вместе с оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы объявлением их розыска и/или осуществлением ОРД, включая проведение первоначальных розыскных мероприятий. В свою очередь, администрация ИУ осуществляет ОРД для решения задач, определенных в ст. 84 УИК РФ: обеспечение личной безопасности осужденных,

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

персонала ИУ и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в ИУ преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из ИУ, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в ИУ.

В данной ситуации было бы логичным, если бы в УПК РФ предусматривалось, что результаты ОРД могут использоваться при разрешении вопросов, рассматриваемых в стадии исполнения приговора (например, в новой ст. 89.1 УПК РФ или в гл. 47 УПК РФ «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора»).

Между тем можно констатировать, что при отсутствии такой нормы в уголовно-процессуальном законе даже в УИК РФ не закреплено предоставление в суд материалов, содержащих оперативно-розыскную информацию в отношении осужденных. Так, согласно ст. 78 УИК РФ для рассмотрения вопроса об изменении вида ИУ в суд направляются ходатайство осужденного или его адвоката (законного представителя) либо представление администрации учреждения, исполняющего наказание, характеристика на осужденного, заключение его лечащего врача, если он признан страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, и осужден за совершение в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Аналогичная ситуация имеет место, в частности, по ст. 175 УИК РФ при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, а в отношении осужденного, у которого наступило психическое расстройство, препятствующее отбыванию наказания, или заболевшего иной тяжелой болезнью, дополнительно составляется заключение медицинской комиссии (учреждения медико-социальной экспертизы). При этом, например, в характеристике на осужденного, который подал ходатайство об условно-досрочном освобождении, должны содержаться данные о его поведении, отношении к учебе и труду, совершенному деянию и о том, что он частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а если он осужден за совершение в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и признан на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, – дополнительные сведения о примененных к нему принудительных мерах медицинского характера и о его отношении к лечению (ч. 2 ст. 175 УИК РФ). В этом случае возникает ситуация, когда по действующему уголовно-исполнительному и другому законодательству результаты работы воспитательных, медицинских, режимных, производственных и иных подразделений ИУ, проявляющиеся в поведении осужденного, учитываются при разрешении вопросов в стадии приговора, в отличие от деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы. Это проявляется и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Федерации уголовного наказания», где про возможность использования результатов ОРД не говорится ни слова.

В то же время ОРД является составной частью режима в ИУ, который относится к основным средствам исправления осужденных (ст. 9 УИК РФ), имеет большое значение в осуществлении исправительного воздействия [11, с. 396–400; 12, с. 114–123; 13, с. 47–51] и в принципе ориентирован на предупреждение совершения новых преступлений как цели применения уголовного наказания и цели уголовно-исполнительного законодательства [14, с. 572–575; 15, с. 194–197; 16, с. 20–23; 17, с. 171–179; 18, с. 17–22; 19, с. 262–267]. Так, согласно ч. 1 ст. 82 УК РФ режим в ИУ представляет собой порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида ИУ, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

В связи с изложенным представляется, что актуально продолжение дискуссии [20, с. 14–16; 21, с. 239–244; 22, с. 158–166; 23, с. 7–15] о необходимости более активного использования результатов ОРД при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора.

Список источников

1. Гаврилов Б. Я. Проблемы законодательного регулирования легализации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // *Глаголь правосудия*. 2018. № 3(17). С. 19–23.
2. Гладышева О. В., Ярмухамедов Р. Ф. Новый подход к оценке результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // *Законность*. 2026. № 2(1096). С. 56–64.
3. Мешков В. М. О подготовке субъектов расследования к использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2017. № 1(32). С. 24–26.
4. Фомин М. А. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 448 с.
5. Яшин А. В. Детерминанты фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-розыскной деятельности в современной России // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2025. № 3(75). С. 64–73.
6. Белоносов В. О. Стадия исполнения приговора по УПК РФ и ее аналог в УПК Франции // *Вестник Самарского юридического института*. 2019. № 1(32). С. 21–29.
7. Булатов Б. Б., Николук В. В. Привод как мера принуждения в стадии исполнения приговора // *Российский следователь*. 2013. № 13. С. 9–12.
8. Николук В. В., Пупышева Л. А. Действие новых правил зачета содержания под стражей в срок лишения свободы в стадии исполнения приговора // *Уголовный процесс*. 2019. № 4(172). С. 60–68.
9. Рагулин А. В., Шустиков Е. Н. Участие адвоката-защитника на стадии исполнения приговора : учеб. пособие. Уфа : Восточный университет, 2009. 53 с.
10. Шаталов А. С., Крымов А. А. Общая характеристика процессуальных процедур решения судом вопросов на стадии исполнения приговора // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2007. № 1. С. 22–26.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

11. Горяинов К. К. Оперативно-розыскной контроль за осужденными к наказаниям без лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26(1–4), № 4. С. 396–400.
12. Одинокоев К. В. Использование оперативно-розыскного потенциала уголовно-исполнительной системы при осуществлении воспитательной работы с осужденными, находящимися в местах лишения свободы // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025. Т. 53, № 1. С. 114–123.
13. Ковалев О. Г., Орлов А. В. Некоторые правовые и организационные особенности осуществления ОРД в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Сборник научных трудов ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2024. С. 47–51.
14. Агарков А. В. Проблемы правового регулирования оперативно-розыскной профилактики терроризма в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 9. С. 572–575.
15. Арефьев А. Ю. Особенности оперативно-розыскного предупреждения преступлений в уголовно-исполнительной системе: различные подходы // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3(20). С. 194–197.
16. Горяинов К. К., Баранова Е. А. Факторы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4(24). С. 20–23.
17. Епифанов С. С. Дифференциация и интеграция научных знаний о применении научно-технических средств для предупреждения и раскрытия преступлений как факторы, обуславливающие развитие частной теории научно-технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Юридическая наука. 2018. № 2. С. 171–179.
18. Кудрявцев А. В. Некоторые направления повышения эффективности оперативно-розыскного предупреждения пенитенциарных преступлений // Петербургские пенитенциарные конференции : в 4 т. СПб, 2021. Т. 2. С. 17–22.
19. Кутуков С. А., Смирнов С. Н. Использование систем видеонаблюдения оперативными аппаратами исправительных учреждений для предупреждения и раскрытия преступлений: вопросы теории и практики // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25(1–4), № 2. С. 262–267.
20. Александрова О. П., Буданова Л. Ю. Отдельные вопросы деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. Ч. 1. С. 14–16.
21. Богданов М. Н., Лаврова О. Н., Чуканова Е. С. Уголовно-процессуальные проблемы розыска осужденных, скрывающихся от наказания, не связанного с изоляцией от общества // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 239–244.
22. Семенчук В. В., Карпенко Н. А. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии исполнения приговора (на примере обоснования необходимости изменения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, в сторону ужесточения) // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 6 (127). С. 158–166.
23. Харченко С. В. Цели и задачи оперативно-розыскной деятельности в разрезе анализа законодательства о противодействии преступности: частные теоретико-прикладные аспекты // Правда и закон. 2025. № 2(32). С. 7–15.

References

1. Gavrilov, B. Ya. 2018, 'The problems of legislative regulation of the legalization of the results of operational investigative activities in criminal proceedings', *The Word of Justice*, iss. 3(17), pp. 19–23.
2. Gladysheva, O. V. & Yarmukhamedov, R. F. 2026, 'A new approach to assessing the results of operational investigative activities in criminal procedural evidence', *Legality*, iss. 2(1096), pp. 56–64.
3. Meshkov, V. M. 2017, 'On the preparation of investigative subjects for the use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings', *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(32), pp. 24–26.
4. Fomin, M. A. 2018, *Falsification of the results of operational investigative activities : monograph*, Yurлитinform, Moscow.
5. Yashin, A. V. 2025, 'Determinants of falsification of evidence in a criminal case and the results of operational investigative activities in modern Russia', *News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*, iss. 3(75), pp. 64–73.
6. Belonosov, V. O. 2019, 'The stage of execution of a sentence under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and its counterpart in the Criminal Procedure Code of France', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 1(32). pp. 21–29.
7. Bulatov, B. B. & Nikolyuk, V. V. 2013, 'Drive as a measure of coercion at the stage of execution of the sentence', *Russian investigator*, iss. 13, pp. 9–12.
8. Nikolyuk, V. V. & Pupysheva, L. A. 2019, 'The effect of the new rules for crediting detention during the period of imprisonment at the stage of execution of the sentence', *Criminal procedure*, iss. 4(172), pp. 60–68.
9. Ragulin, A. V. & Shustikov E. N. 2009, *The participation of a defense lawyer at the stage of execution of a sentence: textbook*, Eastern University, Ufa.
10. Shatalov, A. S. & Krymov, A. A. 2007, 'General characteristics of the procedural procedures for resolving issues by the court at the stage of execution of the sentence', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 1, pp. 22–26.
11. Goryainov, K. K. 2018, 'Operational investigative control of persons sentenced to punishment without imprisonment', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 396–400.
12. Odinokov, K. V. 2025, 'The use of the operational investigative potential of the penal enforcement system in the implementation of educational work with convicts in places of deprivation of liberty', *Law Bulletin of Dagestan State University*, vol. 53, iss. 1, pp. 114–123.
13. Kovalev, O. G. & Orlov, A. V. 2024, 'Some legal and organizational features of the implementation of the ORDO in correctional institutions of the penal system', *Collection of scientific papers of the Research Institute of the FPS of Russia*, pp. 47–51, Moscow.
14. Agarkov, A. V. 2025, 'Problems of legal regulation of operational investigative prevention of terrorism in the penal system', *Law and the state: theory and practice*, iss. 9, pp. 572–575.
15. Arefyev, A. Y. 2011, 'Features of operational investigative crime prevention in the penal enforcement system: various approaches', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 3(20), pp. 194–197.
16. Goryainov, K. K. & Baranova, E. A. 2013, 'Factors of operational investigative prevention of crimes committed by convicts in correctional institutions', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 4(24), pp. 20–23.
17. Epifanov, S. S. 2018, 'Differentiation and integration of scientific knowledge about the use of scientific and technical means for the prevention and detection of crimes as factors

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

contributing to the development of a private theory of scientific and technical support for operational investigative activities in the penal system', *Legal Science*, iss. 2, pp. 171–179.

18. Kudryavtsev, A. V. 2021, 'Some directions for improving the effectiveness of operational investigative prevention of penitentiary crimes', in *St. Petersburg Penitentiary Conferences*, pp. 17–22, in 4 vols, St. Petersburg.

19. Kutukov, S. A. & Smirnov, S. N. 2017, 'The use of video surveillance systems by correctional institutions for the prevention and detection of crimes: issues of theory and practice', *Man: crime and punishment*, vol. 25(1–4), iss. 2, pp. 262–267.

20. Alexandrova, O. P. & Budanova, L. Yu. 2019, 'Certain issues of the activities of institutions and bodies executing punishments at the stage of execution of a sentence', in *Penitentiary security: national traditions and foreign experience: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical conference*, in 2 vols, p. 14–16, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara.

21. Bogdanov, M. N., Lavrova, O. N. & Chukanova, E. S. 2026, 'Criminal procedural problems of searching for convicts who are hiding from punishment unrelated to isolation from society', *Russian Scientific Bulletin*, iss. 1, pp. 239–244.

22. Semenchuk, V. V. & Karpenko, N. A. 2021, 'Peculiarities of using the results of operational investigative activities at the stage of execution of a sentence (using the example of justifying the need to change punishments and measures of a criminal-legal nature not related to isolation from society in the direction of tightening)', *Actual problems of Russian law*, vol. 16, iss. 6 (127), pp. 158–166.

23. Kharchenko, S. V. 2025, 'Goals and objectives of operational investigative activities in the context of the analysis of legislation on combating crime: private theoretical and applied aspects', *Pravda i zakon*, iss. 2(32), pp. 7–15.

Информация об авторе

А. Ю. Скибенко – соискатель.

Information about the author

A. Y. Skibenko – applicant.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 12.05.2026; одобрена после рецензирования 13.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.

The article was submitted 12.05.2026; approved after reviewing 13.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Научная статья

УДК 343.265(510)

ПОЛОЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО НАРОДНОГО СУДА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ «О ПЕРЕСМОТРЕ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ ПО ИМУЩЕСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ ПРИ СМЯГЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ И УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ» ОТ 2024 ГОДА: АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД РЯДА СТАТЕЙ И КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ЧАСТЬ 3)

Александра Николаевна Мяханова¹

¹ Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г Улан-Уде, Россия,
alex27-m@mail.ru

Аннотация. В статье приводится текст авторского перевода статей 8–12 Положения Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении» от 2024 года. В рамках краткого сравнительного анализа с российским законодательством выделяется ряд особенностей китайского подхода в части взаимосвязанного учета таких критериев условно-досрочного освобождения, как уплата штрафа, исполнение конфискации имущества и возмещение причиненного ущерба, причиненного в результате преступления.

Ключевые слова: Положение Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики, критерии условно-досрочного освобождения, возмещение причиненного ущерба, уплата штрафа, конфискация имущества

Для цитирования

Мяханова А. Н. Положение Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении» от 2024 года: авторский перевод ряда статей и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации (часть 3) // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 300–303.

AUTHOR'S TRANSLATION OF FOREIGN LEGAL ACTS

Original article

THE REGULATION OF THE SUPREME PEOPLE'S COURT OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA "ON THE REVIEW OF THE EXECUTION OF DECISIONS ON PROPERTY ISSUES IN MITIGATION OF PUNISHMENT AND PAROLE" DATED 2024: AUTHOR'S TRANSLATION OF A NUMBER OF ARTICLES AND A BRIEF COMPARATIVE ANALYSIS WITH THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION (PART 3)

Alexandra Nikolaevna Myakhanova¹

¹ Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia, alex27-m@mail.ru

Abstract. The article contains the text of the author's translation of Articles 8-12 of the Regulation of the Supreme People's Court of the People's Republic of China "On the review of the execution of decisions on property issues in mitigation of punishment and parole" dated 2024. As part of a brief comparative analysis with Russian legislation, a number of features of the Chinese approach are highlighted in terms of the interrelated consideration of such criteria for parole as the payment of a fine, the execution of confiscation of property and compensation for damage caused as a result of a crime.

Keywords: the position of the Supreme People's Court of the People's Republic of China, criteria for parole, compensation for damage caused, payment of a fine, confiscation of property

For citation

Myakhanova, A. N. 2026, 'The Regulation of the Supreme People's Court of the People's Republic of China "On the review of the execution of decisions on property issues in mitigation of punishment and parole" dated 2024: author's translation of a number of articles and a brief comparative analysis with the legislation of the Russian Federation (part 3)', Penal law, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 300–303.

Ниже приводится авторский перевод ст. 8–12 Положения Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики (ВНС КНР) «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении», изданного в 2024 г.

Выделим некоторые специфические подходы, отраженные в нем, с кратким сравнительным анализом с положениями российского законодательства.

1. В Китае для условно-досрочного освобождения или смягчения приговора оценивается то, насколько осужденный полностью или частично уплатил штраф, назначенный по приговору суда, а также способствовал исполнению конфискации имущества, в отличие от ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 175 Уголовно-испол-

нительного кодекса Российской Федерации, где ничего подобного не предусмотрено. Более того, как отмечалось в ранее опубликованной ч. 2 статьи, вопрос о возмещении китайским осужденным причиненного ущерба или иным образом заглаживании вреда, причиненного в результате преступления, рассматривается в качестве одного из обязательных и достаточно подробно урегулированных критериев, тогда как в России подобный подход закреплен лишь вскользь через обязательство осужденного частично или полностью возместить причиненный ущерб или иным образом загладить вред, причиненный в результате преступления (возместить причиненный преступлением вред) [1].

2. В отличие от нашей страны, в Китае для условно-досрочного освобождения осужденного или смягчения ему приговора в рамках возмещения ущерба, причиненного преступлением, оцениваются действия как его самого, так и потерпевшего (в частности, отказ последнего от компенсации или выражение прощения осужденному).

3. Применение критерия в виде возмещения китайским осужденным ущерба, причиненного преступлением, является более значимым при принятии решения о сокращении срока наказания или условно-досрочном освобождении в сравнении с уплатой штрафа или конфискацией имущества. Это заставляет задуматься о наличии в Китае некой «иерархии» критериев для условно-досрочного освобождения.

Текст авторского перевода ст. 8–12 Положения ВНС КНР «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении» (сделан с учетом российской терминологии и в дальнейшем может корректироваться):

«Статья 8. Если штраф, назначенный осужденному, отменен судом, исполняющим приговор, неисполнение других судебных решений, связанных с имуществом, не влияет на признание осужденного действительно раскаявшимся, за исключением случаев, когда осужденный способен исполнить судебное решение.

Если осужденный по решению суда не просрочил уплату штрафа по частям в установленные сроки, то это учитывается при признании осужденного действительно раскаявшимся.

Статья 9. Приговор в части о конфискации имущества приводится в исполнение немедленно после вступления приговора в силу. Конфискация распространяется на имущество, законно принадлежащее осужденному на момент вступления приговора в силу. За исключением случаев, перечисленных в первом абзаце статьи 6 настоящего Положения, исполнение решения о конфискации имущества, как правило, учитывается при признании осужденного действительно раскаявшимся.

Статья 10. Следующие обстоятельства, касающиеся осужденного, на которого возложена обязанность по возмещению ущерба, учитываются при признании осужденного действительно раскаявшимся:

(1) если обязанность по возмещению ущерба исполнена полностью и денежные средства внесены на депозит, но истец по гражданскому иску отсутствует или отказывается принять платеж;

(2) если осужденный по решению суда не просрочил уплату возмещения ущерба по частям в установленные сроки;

(3) если истец по гражданскому иску в письменной форме выразил прощение осужденному и отказался от компенсации.

Статья 11. В случае если потерпевший от совершенного преступления самостоятельно обратился с гражданским иском о возмещении ущерба, народный суд,

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

рассматривающий дело о сокращении срока наказания или условно-досрочном освобождении, должен рассмотреть вопрос об исполнении осужденным обязанности по возмещению ущерба, определенного в соответствующем вступившем в силу судебном решении, и дать всестороннюю оценку того, действительно ли осужденный раскаялся.

Если осужденный, обязанный возместить ущерб, причиненный преступлением, также приговорен к штрафу или конфискации имущества, то обязанность по возмещению ущерба должна быть исполнена в первую очередь. Если имущества осужденного недостаточно для покрытия всего причиненного ущерба, штрафа или конфискации имущества, но осужденный активно исполняет свои обязанности по возмещению ущерба, это следует учитывать при признании осужденного действительно раскаявшимся».

Список источников

1. Мяханова А. Н. Положение Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении» от 2024 года: авторский перевод ряда статей и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации (часть 2) // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 1. С. 158–162.

References

Myakhanova, A. N. 2026, 'The Regulation of the Supreme People's Court of the People's Republic of China "On the review of the execution of decisions on property issues in mitigation of punishment and parole" dated 2024: author's translation of a number of articles and a brief comparative analysis with the legislation of the Russian Federation (part 2)', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 1, pp. 158–162.

Информация об авторе

А. Н. Мяханова – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики.

Information about the author

A. N. Myakhanova – PhD (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 08.06.2026; принята к публикации 11.06.2026.

The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 08.06.2026; accepted for publication 11.06.2026.

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Научная статья
УДК 343.847(049.32)

РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ МОНОГРАФИИ «НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО И ИНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА “О ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ”» (2-Е ИЗДАНИЕ, 2026 ГОД)

Эльвира Гумеровна Юзиханова¹

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, uzikhanovaeg@yandex.ru

Аннотация. В рецензии на второе издание монографии «Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона „О пробации в Российской Федерации”» под редакцией А. П. Скибы отражен ряд теоретических и практических вопросов, вызывающих особый научный интерес. К ним отнесены: формулирование мер по предупреждению преступлений осужденных и лиц, освобожденных от отбывания наказания; особенности междисциплинарного регулирования и деятельности центров пробации; совершенствование законодательства о противодействии преступности, определение критериев оценки достижения целей наказания, уголовно-исполнительного законодательства и пробации; теоретические основы учета степени исправления осужденных при принятии решения об их досрочном освобождении от отбывания наказания. Сделан вывод о рекомендации к опубликованию рукописи второго издания монографии.

Ключевые слова: пробация, исправление осужденных, цели наказания, досрочное освобождение от отбывания наказания, китайский опыт предупреждения совершения новых преступлений, постпенитенциарный период

Для цитирования

Юзиханова Э. Г. Рецензия на рукопись монографии «Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона “О пробации в Российской Федерации”» (2-е издание, 2026 год) // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 304–307.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

Original article

REVIEW OF THE MANUSCRIPT OF THE MONOGRAPH "DIRECTIONS FOR IMPROVING PENAL ENFORCEMENT AND OTHER LEGISLATION IN CONNECTION WITH THE ADOPTION OF THE FEDERAL LAW "ON PROBATION IN THE RUSSIAN FEDERATION" (2ND EDN, 2026)

Elvira Gumerovna Yuzikhanova¹

¹ Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, uzikhanovaeg@yandex.ru

Abstract. The review of the second edition of the monograph "Directions for improving penal enforcement and other legislation in connection with the adoption of the Federal Law On Probation in the Russian Federation" edited by A. P. Skiba reflects a number of theoretical and practical issues of particular scientific interest. These include: the formulation of measures to prevent crimes committed by convicts and persons released from serving their sentences; the specifics of interdisciplinary regulation and the activities of probation centers.; improvement of legislation on combating crime, definition of criteria for assessing the achievement of the goals of punishment, penal enforcement legislation and probation; theoretical foundations for taking into account the degree of correction of convicts when deciding on their early release from serving their sentence. The conclusion is made about the recommendation to publish the manuscript of the second edition of the monograph.

Keywords: probation, correction of convicts, goals of punishment, early release from serving sentences, Chinese experience in preventing the commission of new crimes, post-penitentiary period

For citation

Yuzikhanova, E. G. 2026, 'Review of the manuscript of the monograph "Directions for improving penal enforcement and other legislation in connection with the adoption of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" (2nd edn, 2026)', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 304–307.

Во втором издании монографии «Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона „О пробации в Российской Федерации“» под редакцией А. П. Скибы, вобравшей в себя многочисленные точки зрения различных исследователей, представляющих вузы МВД России, Следственного комитета Российской Федерации, ФСИН России и Минобрнауки России, все более четко проявляется тенденция некоего переплетения уголовно-правовых, уголовно-исполнительных, пробационных и других правоотношений, возникающих при исполнении наказаний и досрочном освобождении от их отбывания. Кроме

того, П. В. Тепляшин и Е. В. Ермасов в рамках решения постпенитенциарных проблем рассматривают особенности междисциплинарного регулирования и деятельности центров пробации для содержания лиц после отбывания наказания, а целый ряд авторов (Е. В. Безручко, А. В. Петрянин, С. В. Харченко, В. С. Шадрин и др.) – группы направлений совершенствования законодательства о противодействии преступности (УК РФ, УПК РФ, Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и т. д.).

Особенно интересными представляются авторские выводы о таких направлениях совершенствования законодательства с учетом появления Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», как расширение сферы деятельности государственных органов по предупреждению преступлений за счет предварительного недопущения совершения правонарушений или антиобщественного/девиантного поведения, усиления профилактического значения воспитательной работы как средства исправления осужденных, объединения в единую систему уголовно-исполнительных, пробационных и оперативно-розыскных функций учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, более активного участия религиозных и иных общественных организаций в указанных областях и т. д. Кроме того, заслуживающим особого внимания и учета в нашей стране является новый оригинальный китайский опыт предупреждения преступного и иного правонарушающего поведения лиц путем контроля за их поведением как во время отбывания наказания, так и в постпенитенциарный период.

В монографии, кроме всестороннего и глубокого исследования уголовного, уголовно-исполнительного и иного законодательства с выявлением его соответствующих коллизий и пробелов, рассмотрен ряд теоретических вопросов (например, критерии оценки достижения целей наказания, уголовно-исполнительного законодательства и пробации, теоретические основы учета степени исправления осужденных при принятии решения об их досрочном освобождении от отбывания наказания), проблемы и особенности регулирования и практики деятельности уголовно-исполнительной системы, органов внутренних дел, органов юстиции, других ведомств.

В следующих изданиях монографии увеличение числа анализируемых вопросов возможно путем дополнительного анализа ведомственных нормативных правовых актов, особенно вышеуказанных органов исполнительной власти. Реализация данной рекомендации еще больше повысит теоретико-прикладное значение рецензируемого научного исследования.

В заключение можно дать положительную оценку работе коллектива авторов и рекомендовать к опубликованию рукопись второго издания монографии «Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона „О пробации в Российской Федерации“» под редакцией А. П. Скибы.

Информация об авторе

Э. Г. Юзиханова – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминологии.

Information about the author

E. G. Yuzikhanova – Sc.D (Law), Professor, head of the criminology department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 11.06.2026.

The article was submitted 28.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 11.06.2026.

Научная статья
УДК 343.27

ИНСТИТУТ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Сергей Александрович Корнеев¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, kornei_lam@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования является диссертация Лысенко Вадима Сергеевича на тему «Институт иных мер уголовно-правового характера: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Цель исследования – дать оценку представленной диссертации на соответствие требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным работам данного вида. Основные результаты исследования – диссертация Вадима Сергеевича Лысенко представляет собой научно-квалификационную работу, соответствующую требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней от 24 сентября 2013 года № 842, отличающуюся научной новизной, содержащую разработку теоретических положений, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное теоретическое и практическое значение для доктрины уголовного права, уголовного законодательства и практики его применения. Исходя из этого диссертационный совет 24.2.320.07, действующий на базе Кубанского государственного университета, 17 октября 2025 года принял решение о присуждении Вадиму Сергеевичу Лысенко ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Статья представляет собой отзыв на диссертацию официального оппонента, в котором подвергнуты анализу основные положения диссертации Вадима Сергеевича Лысенко.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф, принудительные меры воспитательного воздействия

Для цитирования

Корнеев С. А. Институт иных мер уголовно-правового характера: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 308–314.

Original article

INSTITUTE OF OTHER CRIMINAL LAW MEASURES: THEORETICAL, LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS

Sergey Alexandrovich Korneev¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, kornei_lam@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the dissertation of Vadim Lysenko on the topic "Institute of other measures of a criminal legal nature: theoretical, legislative and law enforcement aspects", submitted for the degree of Candidate of Law in the specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences. The purpose of the study is to evaluate the submitted dissertation for compliance with the requirements for scientific and qualification works of this type. The main results of the research are the dissertation of V. S. Lysenko is a scientific and qualifying work that meets the requirements established by the Regulations on the Award of Academic Degrees dated September 24, 2013 No. 842, characterized by scientific novelty, containing the development of theoretical provisions, the totality of which can be qualified as a scientific achievement, which has important theoretical and practical significance for the doctrine of criminal law, criminal legislation and the practice of its application. Based on this, the Dissertation Council 24.2.320.07, operating on the basis of Kuban State University, October 17, 2025 I decided to award V. S. Lysenko the academic degree of Candidate of Law in the specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences. The article is a review of the dissertation of an official opponent, in which the main provisions of V. S. Lysenko's dissertation are analyzed.

Keywords: other criminal law measures, compulsory medical measures, confiscation of property, judicial fine, compulsory educational measures

For citation

Korneev, S. A. 2026, 'Institute of Other Criminal law measures: theoretical, legislative and law enforcement aspects', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 308–314.

Актуальность темы диссертационного исследования определена насущной потребностью отечественной науки и практики в развитии имеющегося потенциала знаний в области анализа содержания и системы иных мер уголовно-правового характера, его прикладной адаптации для целей совершенствования процессов дифференциации уголовно-правового воздействия, обеспечения его эффективности.

В современной науке проблематика иных мер уголовно-правового характера не без оснований воспринимается в качестве одной из наиболее сложных и перспективных. С решением возникающих проблем обоснованно связываются рассуждения о текущем состоянии уголовной политики, уголовного права, преодолении неоправданно затянувшегося «кризиса уголовного наказания», правовой и теоретико-прикладной рассогласованности иных мер уголовно-правового характера, направлениях дальнейшего развития отрасли в целях решения стоящих перед ней социальных и правовых задач.

Между тем можно констатировать, что вопросов, которые возникают на пути решения этих задач, по-прежнему гораздо больше, чем ответов. Более того, текущее состояние

научного знания отчетливо характеризуется как минимум двумя особенностями: с одной стороны, активной разработкой проблем конструирования и применения иных мер уголовно-правового характера в ущерб построению общей теории, с другой – стремлением каждого отдельного специалиста сконструировать как можно более оригинальную и не похожую на другие концепцию иных мер уголовно-правового характера, без серьезных попыток сгладить имеющиеся противоречия и определить некую общую платформу, общий подход к их пониманию.

Вероятно, такое состояние дел вполне может быть оправданно и должно, по-видимому, восприниматься в качестве закономерного этапа развития науки, этапа накопления теоретического опыта и эмпирических данных. Однако этот этап неоправданно затянулся. На таком фоне, полагаем, надо приветствовать работу В. С. Лысенко как вполне удачную (хотя, разумеется, и небесспорную) попытку интеграции накопленного знания и разработки на этой основе новой концепции, которая может быть органично вписана в традиции уголовного права и служить основой для последующих инноваций.

Анализ диссертационного исследования свидетельствует о весьма удачном формулировании объекта и предмета исследования, что обеспечило достижение цели диссертации – формирование новых доктринальных положений об институте иных мер уголовно-правового характера и разработка на этой основе предложений по реформированию отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в соответствующей их части в целях ликвидации пробелов правового регулирования и формирования единообразной судебной практики [1, с. 10].

Автор ставит перед собой реальные задачи по исследованию генезиса института иных мер уголовно-правового характера; формулированию авторской позиции относительно дефиниции института иных мер уголовно-правового характера, его признаков и системы; разработке предложений по реформированию системы принудительных мер воспитательного воздействия, принудительных мер медицинского характера; определению правовой природы конфискации имущества и судебного штрафа, формулированию предложений по реформированию их правовой регламентации [1, с. 10]. Последовательное решение задач позволило ему вполне убедительно обосновать искомую теоретическую концепцию.

Научная новизна диссертации определена итогами авторского анализа института иных мер уголовно-правового характера, которые представляют собой целостную, логически завершенную теоретическую концепцию, включающую в себя уточненную номенклатуру понятий, теоретические основы законодательной регламентации и применения иных мер уголовно-правового характера.

Новыми либо существенно уточняющими и развивающими имеющиеся научные положения можно признать следующие тезисы, тщательно аргументированные на страницах диссертации:

- определение понятия и признаков иных мер уголовно-правового характера [1, с. 57], дефиниции института иных мер уголовно-правового характера, системы характеризующих его признаков, структурных элементов [1, с. 58];
- установление правовой природы мер государственного принуждения, образующих институт иных мер уголовно-правового характера, свойственных им индивидуализирующих признаков, обоснование предложений по реформированию их системы [1, с. 56–57];
- вывод об отнесении к системе иных мер уголовно-правового характера института принудительных мер воспитательного воздействия [1, с. 82], принудительных мер меди-

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

цинского характера [1, с. 97], конфискации имущества (пп. «а», «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) [1, с. 120–121] и судебного штрафа [1, с. 145–147];

– комплекс предложений по реформированию уголовного [1, с. 239–246] и уголовно-исполнительного [1, с. 131] законодательства.

Основные положения и результаты, содержащиеся в диссертационном исследовании, прошли достаточную апробацию, а именно: отражены в 7 научных работах, 4 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, стали предметом для обсуждения на 3 международных и 1 Всероссийской научно-практических конференциях.

Результаты исследования внедрены в учебный процесс юридического факультета им. А. А. Хмырова Кубанского государственного университета, в практическую деятельность судебных и следственных органов.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность определены качеством и объемом источников первичной научной информации, использованием апробированного научно-методического аппарата, внутренней непротиворечивостью представленных в диссертации суждений, базированием авторских рассуждений на строго доказанных и корректно используемых выводах фундаментальных и прикладных наук, согласованностью новых результатов работы с иными независимыми источниками по теме диссертации.

Работа представляет собой композиционно целостное научное сочинение, которое органично сочетает в себе результаты комплекса проведенных лично автором исследований:

- формально-логического анализа актуальных источников российского и зарубежного уголовного права, решений Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ, иных материалов судебной практики, в том числе Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, кассационных судов общей юрисдикции, областных, городских (в том числе городов федерального значения) и районных судов различных регионов РФ;
- науковедческого анализа современных и изданных ранее отечественных литературных источников по теме диссертации с опорой на убедительные правовые доктрины;
- социологического анализа результатов экспертного опроса, раскрывающих значимые теоретические и прикладные аспекты избранной темы (157 судей и следователей);
- статистического анализа данных, подготовленных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, а также статистических данных Генеральной прокуратуры РФ за 2015–2024 гг.

Сбор, анализ и интерпретация результатов обеспечены репрезентативной эмпирической базой, достаточной для формирования теоретических выводов, соблюдением методологических принципов и методических требований к проведению исследований подобного рода.

Основу диссертации составляет диалектический метод познания, раскрывающий существующие закономерности между элементами единой системы, сущность, содержание и качественные характеристики принудительных мер воспитательного воздействия и медицинского характера, конфискации имущества, а также судебного штрафа. Автор опирается на принципы историзма, всесторонности, объективности, конкретности истины, связи теории и практики, что придает работе в целом и ее результатам необходимые свойства научной истины.

Избранный соискателем подход к сбору и обработке источников научной информации, к общей организации исследования и определению его логики, к требованию апробации промежуточных выводов обеспечивает не только результативность исследования, но и высокое качество представленных в диссертации суждений.

Значимость полученных автором диссертации результатов для развития юридической науки и практики определяется тем, что, образуя в своей совокупности логически цельное и открытое для последующего развития учение об иных мерах уголовно-правового характера, они существенным образом дополняют ряд сложившихся в уголовно-правовой науке учений, в частности:

- учение об основах уголовного права – за счет дополнительной информации о зарубежном опыте регламентации мер уголовно-правового характера, уточненных представлений о понятии, сущности и системе института иных мер уголовно-правового характера;
- учение о мерах уголовно-правового характера – за счет нового прочтения содержания и систематизации мер уголовно-правового принуждения, авторских разработок природы принудительных мер воспитательного воздействия, принудительных мер медицинского характера, конфискации имущества и судебного штрафа.

В прикладном отношении ценность полученных результатов определяется возможностью их использования в процессе правотворческой деятельности, направленной на реформирование отечественного уголовного закона в целях устранения имеющихся пробелов правового регулирования института иных мер уголовно-правового характера, а также способностью оказать позитивное влияние на судебное толкование его норм по вопросам их практической реализации при совершенствовании российского уголовного законодательства, практики его применения, в том числе при разработке тематических разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Положительно оценивая проведенное В. С. Лысенко исследование и в целом разделяя его концепцию, стоит отметить, что отдельные положения работы представляются недостаточно проработанными, вызывают критическую оценку и могут стать основанием для дискуссии с автором.

1. В целом разделяя позицию соискателя относительно определения института иных мер уголовно-правового характера в качестве системы юридических норм, направленных на регулирование общественных отношений, формирующихся в связи с практической реализацией некарательных мер уголовно-правового воздействия (положение, выносимое на защиту № 2), стоит констатировать имеющиеся противоречия в части формирования содержания рассматриваемого феномена. Так, диссертант исключает из плоскости рассматриваемого института ряд мер государственного принуждения (ст. 73, 79, 78.1, 80.2, 81, 82, 82.1 УК РФ) ввиду сохранения в них карательного потенциала, проявляющегося в возможности их отмены с последующим реальным исполнением назначенного наказания [1, с. 55]. В контексте указанного следует отметить, что принудительные меры воспитательного воздействия в определенном уголовным законом случае аналогично могут быть отменены, а несовершеннолетний привлечен к уголовной ответственности (ч. 4 ст. 90 УК РФ). В этом случае принудительные меры воспитательного воздействия не лишены карательного содержания, что не коррелирует с концепцией автора.

2. Систему иных мер уголовно-правового характера, по мнению соискателя, составляют принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, предусмотренная пп. «а», «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, и судебный штраф (положение № 2, выносимое на защиту). В то же время на страницах диссертационного исследования В. С. Лысенко определяет конфискацию имущества (превентивная конфискация имущества) в качестве вида уголовного наказания с последующим дополнением уголовного закона ст. 51.1 [1, с. 239], а равно приводит аргументированные обоснования для исключения гл. 15.1 УК РФ, определя-

ющей конфискацию имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера (реституционное изъятие имущества) [1, с. 245]. В связи с этим возникает вопрос, касающийся правовой природы конфискации имущества как структурного элемента института иных мер уголовно-правового характера, обладающего всеми признаками правового института [1, с. 50–54].

3. Спорной видится позиция автора об установлении императивного метода правового регулирования судебного штрафа [1, с. 146, 240]. Представленная конструкция предусматривает в случае установления факта возмещения ущерба или заглаживания вреда бесконечное нарушение уголовно-правового запрета. В частности, нивелируются такие факторы, как характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения, личность виновного, о которых упоминает диссертант, формулируя признаки иных мер уголовно-правового характера [1, с. 48]; исключается порицание со стороны государства, в результате чего уголовное право дискредитируется как отрасль права.

4. Разделяя точку зрения соискателя о необходимости законодательной регламентации преступлений, совершение которых исключает возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (положение № 8, выносимое на защиту), считаем, что представленное итоговое решение является небесспорным.

Во-первых, объем предложенной соискателем редакции ч. 3 ст. 76.2 УК РФ [1, с. 240] составляет 678 слов (5329 знаков), что не соответствует общим правилам законодательной техники о краткости и компактности изложения правовых норм при достаточной глубине и всесторонности их содержания.

Во-вторых, неоднозначным является рассмотрение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, исключением из правила о недопустимости освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа за совершение преступлений, посягающих на жизнь и здоровье [1, с. 153]. Сомнения обусловлены отсутствием вариативности возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда при наступлении смерти потерпевшего, на что неоднократно обращалось внимание Верховным Судом Российской Федерации.

В-третьих, установление запрета на освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за совершение любого из преступлений с административной преюдицией [1, с. 161–162] не коррелирует с современным вектором уголовной политики и требует дополнительного обоснования. Положительное решение в части законодательной регламентации предложенной позиции приведет к запрету, например, освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ) и возможностью разрешения уголовно-правового конфликта в порядке ст. 76.2 УК РФ в случае совершения кражи (ст. 158 УК РФ), мошенничества (ст. 159 УК РФ), присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ).

Отмеченная критика не снижает высокой оценки качества оппонируемого исследования, лишь подчеркивает крайнюю сложность и дискуссионность исследуемой автором материи и глубину его погружения в тему.

Ознакомление с диссертацией Вадима Сергеевича Лысенко позволяет констатировать значительный вклад автора в решение имеющихся теоретико-прикладных проблем в плоскости института иных мер уголовно-правового характера. Диссертация представляет собой актуальное самостоятельное научное исследование, которое имеет завершённый вид, основано на достаточной эмпирической базе, содержит новые научные

результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

Научные труды В. С. Лысенко в полной мере отражают основные положения ее диссертации, публикации включают в себя достаточное количество статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных положений кандидатских диссертаций.

На основании изложенного полагаем, что диссертация Лысенко Вадима Сергеевича представляет собой научно-квалификационную работу, в которой выявлен и решен целый комплекс проблем теории и практики института иных мер уголовно-правового характера, то есть содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовно-правовой науки.

Автор диссертации заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. – Уголовно-правовые науки.

Список источников

1. Лысенко В. С. Институт иных мер уголовно-правового характера: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2025. 269 с.

2. Лысенко В. С. Институт иных мер уголовно-правового характера: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2025. 27 с.

References

1. Lysenko, V. S. 2025, *Institute of other criminal law measures: theoretical, legislative and law enforcement aspects: PhD thesis (Law)*, Krasnodar.

2. Lysenko, V. S. 2025, *Institute of other criminal law measures: theoretical, legislative and law enforcement aspects: abstract of the PhD thesis (Law)*, Krasnodar.

Информация об авторе

С. А. Корнеев – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права.

Information about the author

S. A. Korneev – PhD (Law), associate professor of the criminal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 11.06.2026.

The article was submitted 28.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 11.06.2026.

ПЕРСОНА

Персоналия
УДК 343.8-051

ПРОФЕССОР АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА: К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

7 июня 2026 г. исполняется 50 лет Андрею Петровичу Скибе, доктору юридических наук, профессору, одному из авторитетных представителей современной российской науки уголовно-исполнительного права, ученому, чья научная, педагогическая и организационная деятельность в течение многих лет связана с развитием теории и практики исполнения уголовных наказаний.

Юбилейные даты в академической среде традиционно рассматриваются не только как повод для выражения уважения к личности ученого, но и как возможность осмысления его вклада в формирование научного знания, развитие образовательных и научных институтов, а также влияния на правоприменительную практику. Профессиональный путь Андрея Петровича Скибы в полной мере отвечает этим критериям, представляя собой пример соединения научного поиска, педагогической деятельности и участия в решении актуальных задач уголовно-исполнительной политики.

Андрей Петрович Скиба родился 7 июня 1976 г. в г. Енакиеве Донецкой области в семье инженеров. Детство и юность во многом определили широту его мировоззрения и последующую профессиональную направленность. С рождения до 1993 г. он проживал в г. Сальске Ростовской области, где окончил среднюю школу. Важным этапом в формировании личности стало пребывание в 1984–1987 гг. в г. Брюссель (Бельгия), куда он переехал в связи с длительной командировкой родителей. Этот опыт, связанный с ранним знакомством с иной культурной и социальной средой, безусловно, оказал влияние на развитие аналитического мышления и интереса к сравнительно-правовой проблематике.

В 1993 г. Андрей Петрович поступил на юридический факультет Ростовского государственного университета (Южный федеральный университет), где обучался в 1993–1998 гг. Уже в период обучения проявился его интерес к проблематике уголовного и уголовно-исполнительного права. В 1996 г. в рамках договора между Ростовским государственным университетом и Университетом Ле-Ман (Франция) он прошел стажировку на факультете права и экономических наук, что стало важным этапом его профессионального становления, расширив представления о зарубежных правовых системах и усилив внимание к межнациональным аспектам правового регулирования.

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

После окончания университета в 1998 г. Андрей Петрович начал профессиональную деятельность в органах прокуратуры. С 1998 по 2004 год он работал в Ростовской прокуратуре по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Ростовской области, занимая должности помощника и старшего помощника прокурора. Данный этап имеет важное значение для понимания его дальнейшей научной специализации: непосредственное участие в надзорной деятельности позволило ему глубоко погрузиться в практические проблемы функционирования уголовно-исполнительной системы, что впоследствии нашло отражение в его научных исследованиях.

С 2001 г. Андрей Петрович начал преподавательскую деятельность, органично сочетая ее с практической работой. Уже на раннем этапе профессионального пути проявилась характерная для него установка на соединение теоретических и прикладных аспектов юридической деятельности.

В 2003 г. в Ростовском юридическом институте МВД России им была защищена кандидатская диссертация на тему «Исполнение наказания в лечебно-профилактических учреждениях» по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Выбор темы исследования отражает научный интерес к проблемам исполнения наказаний в отношении специфических категорий осужденных, прежде всего лиц, нуждающихся в медицинской помощи, что в дальнейшем стало одним из ключевых направлений его научной работы.

В 2008 г. Андрею Петровичу было присвоено ученое звание доцента по кафедре уголовно-правовых дисциплин, что закрепило его статус в научно-педагогическом сообществе.

Период с 2004 по 2016 год связан с его деятельностью в ведущих образовательных организациях Южного федерального округа: Институте управления, бизнеса и права, Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ), а также Южно-Российском институте управления – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. В указанных учреждениях он прошел путь от доцента до профессора кафедры, активно участвуя в образовательной и научной работе.

Одновременно с научно-педагогической деятельностью Андрей Петрович проводил активную общественную работу, являясь членом общественной наблюдательной комиссии Ростовской области по осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, а также входя в состав Общественного совета при ГУФСИН России по Ростовской области. Этот опыт стал важным элементом его профессиональной биографии, укрепив ориентацию на защиту прав осужденных и развитие институтов общественного контроля.

Значительным этапом научной карьеры стало успешное завершение докторского исследования. В 2013 г. в Академии ФСИН России Андрей Петрович защитил докторскую диссертацию на тему «Исполнение уголовных наказаний в отношении больных осужденных: теоретико-прикладное исследование» по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Данное исследование закрепило его в числе ведущих специалистов в области уголовно-исполнительного права, особенно в части проблем исполнения наказаний в отношении уязвимых категорий осужденных.

В 2021 г. ему было присвоено ученое звание профессора по специальности «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», что стало логичным признанием его научных достижений и вклада в развитие отрасли.

ПЕРСОНА

Особое место в профессиональной биографии Андрея Петровича занимает деятельность в Академии ФСИН России, где с 2016 по 2025 год он работал сначала в должности начальника, а затем профессора кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными. Данный этап характеризуется активным развитием научной, образовательной и организационной составляющих деятельности кафедры, что во многом определило современное состояние соответствующего научного направления.

С 2025 г. Андрей Петрович продолжает свою профессиональную деятельность в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, где занимает должность декана факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы. Назначение на данную должность свидетельствует о высоком уровне доверия к его профессиональным и организационным качествам, а также о признании его авторитета в научно-образовательной среде.

Говоря о профессиональном пути профессора А. П. Скибы, следует отметить, что его деятельность не ограничивается рамками образовательной и научно-исследовательской работы, а органично включает в себя развитие институциональных основ юридической науки, участие в экспертной и нормотворческой деятельности, а также формирование современной научной повестки в области уголовно-исполнительного права.

Одним из ключевых направлений его профессиональной активности является участие в подготовке и аттестации научных кадров высшей квалификации. Андрей Петрович с 2019 г. занимал должность председателя диссертационных советов, созданных на базе Академии ФСИН России, а с 2026 г. состоит в должности заместителя председателя совета по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Он является членом диссертационного совета, созданного на базе Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Результатом его непосредственного научного руководства являются успешно защищенные 5 диссертационных работ, представленных на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Значение данной деятельности выходит за пределы формальной процедуры научной аттестации: через систему диссертационных исследований обеспечивается воспроизводство научного знания, закрепление методологических ориентиров и формирование исследовательской культуры, определяющей развитие отрасли на перспективу.

Существенное место в его профессиональной деятельности занимает редакторская работа. Являясь главным редактором журналов «Уголовно-исполнительное право» и «Правда и закон», включенных в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, а также членом редакционных коллегий ряда других ведущих юридических изданий, Андрей Петрович фактически участвует в формировании научного пространства уголовно-правовых наук. Речь идет не только об организации публикационной деятельности, но и о поддержании научных стандартов, определении актуальной проблематики исследований и обеспечении качества научной дискуссии. В этом смысле редакторская деятельность приобретает характер особой формы научного влияния, направленной на развитие отрасли в целом.

Не менее значимым направлением является его участие в экспертно-консультативной деятельности. Входя с 2024 г. в состав Научно-консультативного совета по совер-

шенствованию уголовной политики при Минюсте России, Андрей Петрович принимает участие в выработке научно обоснованных подходов к развитию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Данная деятельность демонстрирует его приверженность позиции, в соответствии с которой научная доктрина и правотворческая практика не существуют изолированно, а образуют единое пространство формирования правовых решений.

Наиболее ярким проявлением указанного подхода является участие профессора А. П. Скибы в разработке Федерального закона от 6 февраля 2023 г. «О пробации в Российской Федерации». В составе межведомственной рабочей группы он принимал непосредственное участие в подготовке соответствующего законопроекта. Тем самым научные идеи, разрабатываемые в рамках науки уголовно-исполнительного права, получили практическое воплощение в одном из ключевых направлений современной уголовной политики, ориентированном на развитие механизмов ресоциализации и предупреждения преступлений.

Характеризуя научную деятельность Андрея Петровича в целом, следует подчеркнуть ее значительный масштаб. Он является автором (соавтором) более 500 научных и учебно-методических работ, включая свыше 20 монографий, более 30 учебников и учебных пособий, а также значительного числа статей, опубликованных в ведущих российских и зарубежных изданиях. Вместе с тем данные количественные показатели приобретают значение лишь в контексте их содержательного наполнения: речь идет о последовательной разработке ключевых проблем уголовно-исполнительного права, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Ключевое место в научных исследованиях А. П. Скибы занимает проблематика исполнения наказаний в отношении отдельных категорий осужденных, прежде всего лиц, имеющих заболевания. Разработанная им тематика не только получила развитие в кандидатской и докторской диссертациях, но и стала основой для последующих научных публикаций, в которых рассматриваются вопросы правового статуса таких осужденных, организации медицинской помощи, а также соотношения целей наказания и требований гуманизма. Данное направление исследований значимо для уголовно-исполнительного права, поскольку затрагивает фундаментальные вопросы обеспечения прав и законных интересов личности в условиях изоляции от общества.

Важное место в научных работах юбиляра занимает исследование межотраслевого института досрочного освобождения от отбывания наказания. Рассматривая его не только как юридический механизм, но и как социально обусловленный институт, А. П. Скиба акцентирует внимание на необходимости учета факторов, влияющих на эффективность ресоциализации, предупреждение рецидива и обеспечение общественной безопасности. Тем самым соответствующая проблематика включается в более широкий контекст уголовной политики.

Существенный вклад ученого связан с развитием теории общественного контроля за обеспечением прав осужденных. Сочетание научного анализа с личным участием в деятельности общественной наблюдательной комиссии позволило ему рассматривать данный институт как реальный механизм обеспечения законности в местах принудительного содержания, а не исключительно как формально закрепленный правовой инструмент. Это придает его исследованиям дополнительную глубину и прикладной характер.

Отдельного внимания заслуживает разработка вопросов функционирования УИС в условиях чрезвычайных ситуаций, включая стихийные бедствия, введение чрезвычайного

ПЕРСОНА

или военного положения. Данная проблематика, сравнительно недавно получившая развитие в отечественной науке, в работах А. П. Скибы рассматривается с позиций обеспечения устойчивости правового регулирования при одновременном сохранении гарантий прав осужденных. Наряду с этим в его научных трудах последовательно развивается идея поиска новых организационно-правовых моделей функционирования уголовно-исполнительной системы, в том числе через механизмы государственно-частного партнерства. Обращение к данной тематике свидетельствует о стремлении к модернизации существующих подходов и расширению инструментов реализации уголовной политики.

Характерной особенностью научного подхода А. П. Скибы является также использование сравнительно-правового метода. Интерес к сопоставлению правовых систем различных государств, сформировавшийся еще в период обучения и зарубежной стажировки, находит отражение как в научных исследованиях, так и в участии в подготовке учебных изданий, посвященных сравнительному анализу уголовно-исполнительного законодательства.

Важным направлением его деятельности является участие в подготовке юридической литературы. Учебники, учебные пособия, монографии по уголовно-исполнительному праву, подготовленные с его участием, выдерживают многократные переиздания и широко используются в образовательном процессе. Их значение заключается не только в систематизации учебного материала, но и в формировании у обучающихся целостного представления о предмете и задачах уголовно-исполнительного права как самостоятельной отрасли юридической науки.

В целом научное наследие профессора А. П. Скибы характеризуется внутренней целостностью и последовательностью. В его работах прослеживается единая линия, связанная с необходимостью комплексного подхода к исследованию уголовно-исполнительных отношений, учета их межотраслевого характера и ориентации на практическую значимость научных результатов.

В российской юридической науке есть фигуры, влияние которых определяется не только опубликованными трудами, но и тем, что они формируют стиль научного мышления, задают критерии профессиональной добросовестности и определяют направления дальнейшего развития отрасли. Профессор А. П. Скиба, безусловно, принадлежит к числу таких ученых.

Профессиональное сообщество встречает 50-летие профессора Андрея Петровича Скибы с уважением к его научным и педагогическим достижениям, признательностью за вклад в развитие уголовно-исполнительной науки и с уверенностью в дальнейшей значимости его научных идей и практических инициатив для совершенствования уголовной политики в целом и уголовно-исполнительного законодательства в частности.

Коллеги, ученики и друзья искренне желают Андрею Петровичу крепкого здоровья, дальнейших научных успехов, новых проектов и благополучия!

От имени учеников и коллег

*А. В. Акчурина, Ю. А. Головастова, Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова,
Т. М. Закиров, Т. Н. Елисеева, Ю. А. Кашуба, Е. В. Кокорев,
И. Н. Коробова, Э. В. Лядов, И. С. Нистратова, О. В. Полосухина,
А. В. Родионов, А. Н. Сиряков, А. А. Соколов,
М. С. Сугатов, Е. А. Шамшилова, Д. С. Щербакова*

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

Научная статья
УДК 343.2(574)-051

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ГУМАНИЗАЦИИ (ИНТЕРВЬЮ С ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, АССОЦИИРОВАННЫМ ПРОФЕССОРОМ КУАТОМ ХАЖУМУХАНОВИЧЕМ РАХИМБЕРДИНЫМ, ПРИУРОЧЕННОЕ К 55-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)

Федор Владимирович Грушин¹

¹ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, fedor062@yandex.ru

Для цитирования

Грушин Ф. В. Тернистый путь гуманизации (интервью с доктором юридических наук, ассоциированным профессором Куатом Хажумухановичем Рахимбердиным, приуроченное к 55-летию юбилею) // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 320–334.

Краткая биографическая справка

Куат Хажумуханович Рахимбердин родился 1 апреля 1971 г. в Семипалатинской области Казахской ССР. В 1993 г. успешно окончил Восточно-Казахстанский государственный университет. С 1996 г. аспирант Института государства и права Национальной академии наук Республики Казахстан.

13 октября 2000 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук в Казахском национальном университете имени аль-Фараби на тему «Правовые основы охраны атмосферного воздуха в Республике Казахстан в условиях рынка».

25 мая 2012 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему

«Гуманизация уголовной политики Казахстана в условиях развития гражданского общества».

С 1993 по 2018 год работал преподавателем, старшим преподавателем, заведующим кафедрой уголовного права и уголовного процесса, деканом юридического факультета Восточно-Казахстанского государственного университета имени С. Аманжолова.

© Грушин Ф. В., 2026

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

С 1 сентября 2018 г. по настоящее время профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса НАО «Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова».

Читал лекции на юридических факультетах Стамбульского университета, Кыргызского национального университета, Алтайского государственного университета, Варшавского университета, Университета города Порту и других зарубежных и региональных вузов.

Активно занимается правозащитной деятельностью в Республике Казахстан и государствах Центральной Азии. Является экспертом Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), Центра ОБСЕ в г. Нур-Султане, а также Швейцарского офиса по сотрудничеству.

В 2012 и 2016 гг. избирался депутатом Усть-Каменогорского городского маслихата V и VI созывов. В 2021–2023 годах депутат Восточно-Казахстанского областного маслихата VII созыва.

С 2016 по 2025 год трижды избирался членом Общественного совета по вопросам деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан.

С 2013 г. по настоящее время член Координационного совета при Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан.

С 2013 г. по настоящее время руководитель группы участников Национального превентивного механизма по предупреждению пыток и жестокого обращения по Восточно-Казахстанской области.

С 2021 по 2024 год председатель Общественно-наблюдательной комиссии по соблюдению прав осужденных в учреждениях Восточно-Казахстанской области.

В январе 2023 г. по инициативе Президента Республики Казахстан возобновил работу Конституционный суд Республики Казахстан. К. Х. Рахимбердин привлекался в качестве эксперта при осуществлении конституционного правосудия. Его правовая позиция существенно повлияла на Нормативное постановление Конституционного суда, повлекшее за собой значимые изменения в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве страны.

В июле 2024 г. была исключена норма Уголовного кодекса Республики Казахстан, оговаривавшая недопустимость применения условно-досрочного освобождения к осужденным, которым в порядке помилования смертная казнь была заменена на пожизненное лишение свободы. К. Х. Рахимбердин обосновал перед высшим органом конституционного контроля неприемлемость дискриминационного противопоставления различных категорий осужденных. В результате в Казахстане в настоящее время все осужденные к пожизненному лишению свободы имеют право на возможность условно-досрочного освобождения в соответствии с законом.

Автор более 80 научных работ, в том числе девяти монографий, посвященных проблемам экологического, уголовного и уголовно-исполнительного права.

Принимал участие в подготовке и обсуждении проектов законов Республики Казахстан: «О Национальном превентивном механизме по предотвращению пыток», «О службе пробации», Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан, «Об Уполномоченном по правам ребенка», «О профилактике правонарушений» (30 декабря 2025 г.).

В 2019–2025 гг. участвовал в научно-правовой экспертизе новелл уголовно-исполнительного законодательства Республики Таджикистан и Кыргызской Республики.

Кроме проблематики уголовного и уголовно-исполнительного права занимается исследованием вопросов исторической преемственности государственно-правовых ин-

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

ституты Казахстана. В 2025 г. им была разработана концепция становления и развития правовых основ кочевой цивилизации тюркоязычных народов Казахстана, Сибири и Алтая. Концепция базируется на принципах универсальности и самобытности кочевой цивилизации и исходит из исторической обусловленности социокультурной и правовой интеграции народов Казахстана, России и всего евразийского пространства.

В 2007 и 2013 гг. обладатель звания и государственного гранта «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан.

В 2016 г. по итогам открытого конкурса РОО «Казахстанский союз юристов» признан «Лучшим юристом Республики Казахстан». Почетный профессор Костанайской академии МВД Республики Казахстан (2021).

Награжден орденом «Құрмет» (Указ Президента Республики Казахстан К. Ж. Токаева от 2 декабря 2021 г.); почетными грамотами Министерства образования и науки Республики Казахстан (2003, 2006); юбилейными медалями «20 лет независимости Республики Казахстан» (2011), «25 лет независимости Республики Казахстан» (2016), «30 лет Конституции Республики Казахстан (2025); нагрудным знаком МОН РК «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» (2012); благодарственным письмом Министерства юстиции Республики Казахстан (2015); почетными грамотами Министерства внутренних дел Республики Казахстан (2018, 2019, 2024, 2025); почетной грамотой Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан (2024); почетной грамотой Генерального прокурора Республики Казахстан (2025).

Интервью

– Уважаемый Куат Хажумуханович, расскажите о Вашем становлении ученым, о том, как Вы пришли в юриспруденцию.

– Люди моего и старших поколений прекрасно помнят исключительно тяжелое время после распада СССР. Мы впервые столкнулись с явлением гиперинфляции, остановкой крупных производств, массовым появлением стихийных рынков. На фоне масштабного экономического кризиса и утраты ценностных ориентиров социалистической эпохи в Казахстане и России происходил обвальное увеличение преступности и связанных с ней негативных процессов социальной патологии. Однако не все выглядело лишь в мрачных красках: в Казахстане, так же как и в России, шел процесс осмысления метаморфоз общественной жизни, обсуждались и активно дискутировались различные вопросы строительства правовой государственности, пути развития правовых институтов, формировался новый парламентаризм, складывалась система конституционного контроля, проводилась активная работа по подготовке нового отраслевого законодательства. В России, в частности, это касалось проектов действующих Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов. Аналогичные процессы происходили и в Казахстане.

Меня, как молодого исследователя и преподавателя высшей школы, конечно, интересовали эти проблемы. Они обсуждались в кулуарных разговорах на кафедрах университета, на занятиях со студентами, а также после глубокого погружения в многочисленные полемические публикации на страницах ведущих научных журналов по юриспруденции в России и Казахстане. Это было судьбоносно. В чем это проявилось? С одной стороны, вуз, в котором я начинал свою профессиональную карьеру, находился в областном центре на Востоке Казахстана – Усть-Каменогорске. В этом городе с особой остротой ощущалась экологическая проблематика. В моей памяти до сих пор

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

остались массовые митинги осени 1991 г., в ходе которых население требовало улучшения тяжелой экологической ситуации в регионе.

Мое детство прошло рядом с Семипалатинским ядерным полигоном, и я хорошо помню, как после подземных ядерных взрывов в домах жителей района ходуном ходила мебель. Последствия ядерных испытаний негативно сказываются и сегодня: многие из моих близких столкнулись с онкологическими заболеваниями, многие уже ушли из жизни. Этот личный и трагический опыт во многом предопределил мой научный выбор обращения к экологическому праву как направлению, актуальному для региона и для Республики Казахстан в целом. Это обстоятельство, а также знакомство с известным казахстанским ученым, доктором юридических наук, профессором Нажмитдином Баукеевичем Мухитдиновым предопределили мое погружение в правовое регулирование охраны и защиты окружающей природной среды.

Должен отметить, что Н. Б. Мухитдинов – исследователь с мировым именем, который впервые разработал доктринальные и нормативные основы горного права как самостоятельной и сложной отрасли права со специфическим предметом правового регулирования, субъектным составом, содержанием и динамикой правовых отношений. Его человеческое обаяние и колоссальный научный потенциал буквально вдохновили меня. Чуткость, внимание и забота Нажмитдина Баукеевича стали важным стимулом для написания и последующей успешной защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, состоявшейся в 2000 г. в Казахском национальном университете имени аль-Фараби. Моя кандидатская диссертация была посвящена правовому регулированию охраны атмосферного воздуха.

Казалось бы, моя научная стезя и далее должна была пролечь на пути пересечении права и экологии. Однако судьба распорядилась несколько иначе. В 1992 г. в Восточно-Казахстанском государственном университете начал работать яркий и талантливый ученый из Российской Федерации доктор юридических наук, профессор Олег Вадимович Филимонов. Он представлял томскую научную школу исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права, известную в России как школа профессора А. Л. Ременсона. Олег Вадимович стал первым деканом юридического факультета ВКГУ и плодотворно трудился в сфере казахстанского высшего юридического образования до 1994 г., когда состоялся его отъезд в Российскую Федерацию, в город Москву.

После его отъезда я продолжал поддерживать с ним тесные человеческие и профессиональные контакты, будучи буквально покоренным его харизмой, обаянием, интеллигентностью и высочайшим научным профессионализмом. Так, словно незаметно для себя самого, я оказался погруженным в целый мир уголовно-исполнительного права и с огромным интересом открывал для себя новые черты этого мира, в котором Олег Вадимович глубоко исследовал доктринальные и прикладные аспекты посткриминального контроля в отношении осужденных, альтернативных мер уголовно-правового воздействия, «зигзагов» и особенностей реализации уголовной политики.

Олег Вадимович активно продвигал гуманистические и передовые идеи, оказавшие значительное влияние на последующее развитие уголовно-исполнительной деятельности не только в Российской Федерации, но и в Республике Казахстан, а также в государствах Центральной Азии. В частности, ему принадлежит идея развития probation как особой формы посткриминального контроля, которая активно и плодотворно разрабатывалась в трудах моего коллеги и друга М. Р. Гета. Эти идеи формировались еще в конце 1990-х годов, а годы спустя нашли законодательное воплощение: в 2016 г.

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

в Республике Казахстан был принят Закон «О пробации», а с 1 января 2025 г. аналогичный закон в полном объеме вступил в силу и в Российской Федерации. Иными словами, научные идеи, связанные с пробацией как некарательным организационно-правовым механизмом, получили отклик у законодателей наших стран.

В моей памяти сохранились моменты научного и человеческого общения с Олегом Вадимовичем, который благословил меня на написание докторской диссертации. К этому времени я уже активно занимался исследовательской деятельностью в области гуманизации уголовно-исполнительного законодательства, реализации международных стандартов обращения с осужденными, поиска путей формирования нового облика уголовно-исполнительной системы Казахстана, соответствующего вызовам и ожиданиям XXI века. В тот период Казахстан занимал одно из лидирующих мест в мире по численности «тюремного населения», а многочисленные социальные проблемы не позволяли считать, что государство, руководствуясь лишь своей монополией, способно самостоятельно решить задачи системной модернизации уголовно-исполнительной деятельности.

При поддержке Олега Вадимовича я начал работу над концептуальными основами участия гражданского общества в стратегическом развитии уголовно-исполнительной деятельности в Казахстане. Результатом этих исследований стала успешная защита в 2012 г. диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Гуманизация уголовной политики в условиях развития гражданского общества в Республике Казахстан». О. В. Филимонов стал научным консультантом данной работы, вдохновившим меня на ее защиту, и я горжусь тем, что не подвел своего Учителя.

Таким образом, благодаря огромному влиянию таких ученых, как Н. Б. Мухитдинов и О. В. Филимонов, состоялся мой приход в юридическую науку. Поэт А. Дементьев когда-то с благоговением писал об учителях. Именно это чувство благодарности и благоговения я испытываю по отношению к этим выдающимся ученым и замечательным педагогам, моим учителям, уже ушедшим из жизни.

В данном контексте особо хотелось бы отметить деятельность российского ученого доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Вячеслава Ивановича Селиверстова, научного руководителя научно-образовательного центра «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю. М. Ткачевского юридического факультета МГУ. Его труд во многом направлен на сохранение научного наследия О. В. Филимонова и памяти о нем как об ученом и человеке. В. И. Селиверстов является фактическим вдохновителем ежегодных научно-практических конференций, посвященных памяти О. В. Филимонова, которые проводятся на базе Самарского юридического института ФСИН России. Таким образом, на мой путь в юридической науке наибольшее влияние оказали доктора юридических наук, профессора Н. Б. Мухитдинов и О. В. Филимонов. Они стали моими учителями и явили пример покорения тернистых научных вершин.

Вместе с тем истоки моего мировоззрения и отношения к знаниям были заложены значительно раньше, еще в детстве, в семейной среде. Я родился и вырос в большой, дружной семье, в которой воспитывались пять братьев и две сестры. Я был младшим, седьмым ребенком в семье. В нашем доме существовал настоящий культ чтения, все дети читали книги запоем. Я был записан сразу в пять библиотек города, и книга с ранних лет стала для меня источником познания мира и внутреннего развития.

Мои старшие братья избрали путь служения государству, они проходили службу в Вооруженных силах и правоохранительных органах Республики Казахстан, и все выш-

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

ли на пенсию в звании полковника. Я же оказался единственным в семье, кто выбрал путь педагога высшей школы и научного работника. При этом связь с практикой для меня никогда не прерывалась, в своей научной деятельности я нередко консультируюсь с братьями по различным направлениям функционирования и развития правоохранительных органов Республики Казахстан, что позволяет мне глубже понимать практические аспекты исследуемых проблем. Именно поэтому встреча с такими учеными, как Н. Б. Мухитдинов и О. В. Филимонов, стала для меня логичным продолжением уже сформированных ценностных ориентиров. В трудах этих ученых отчетливо проявлялся концептуальный и инновационный подход. Н. Б. Мухитдинов стал первооткрывателем отрасли горного права, а О. В. Филимонов разработал целостную концепцию посткриминального контроля, имеющую различные формы проявления. В рамках данной концепции он, в частности, предвосхитил развитие общественного контроля в уголовно-исполнительной деятельности, существующего сегодня в Казахстане, России и других государствах евразийского пространства.

Умение концептуально мыслить и генерировать новые идеи, присущее моим учителям, на всю жизнь стало для меня путеводной звездой. Я высоко ценю благотворное влияние Т. К. Акимжанова, У. С. Джекебаева, А. И. Зубкова, Е. И. Каиржанова, В. И. Селиверстова, Л. Ч. Сыдыковой, В. А. Уткина, Н. В. Шедрина и других ученых, которые способствовали моему профессиональному становлению и росту, существенно обогатив научные представления о проблемах и путях развития уголовно-исполнительного права и законодательства.

Не могу не отметить, что определенное влияние на мой внутренний мир оказали гуманистические идеи и труды выдающегося норвежского криминолога Нильса Кристи, осмысление которых буквально заставляет задуматься над «поворотами» уголовной политики многих современных государств. Именно Нильс Кристи обратил внимание на то, что ГУЛАГ – это явление не только Востока, но и Запада.

Наряду с этим хотел бы отметить мою многолетнюю дружбу и творческое сотрудничество с казахстанским, а впоследствии и российским ученым М. Р. Гета, который в своих научных работах последовательно и убедительно обосновывает систематизацию альтернативных уголовно-правовых средств пробационного воздействия, а также пути взаимопроникновения уголовно-правовых и уголовно-исполнительных институтов Российской Федерации, Республики Казахстан и государств Центральной Азии.

– Что повлияло на то, что Вашим основным профилем стало именно уголовно-исполнительное право, а не, например, уголовное или какое-то другое?

– Большое спасибо Вам за вопрос. Моя докторская диссертация была защищена по специальности с шифром 12.00.08, что охватывает триаду юридических наук – уголовное право, уголовно-исполнительное право и криминологию. Однако из этой триады наиболее близкой для меня оказалась именно наука уголовно-исполнительного права.

Почему так произошло? Прежде всего, существенное влияние оказал мой учитель О. В. Филимонов, который свою профессиональную деятельность связывал не только с академической наукой и преподаванием, но и с практической деятельностью в органах управления ФСИН России, заместителем директора которой он являлся на протяжении многих лет. Эта практическая деятельность позволила реализовать целый ряд инноваций, касающихся исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Следует отметить, что наука уголовно-исполнительного права по своему духу является

прикладной, и именно этот практико-ориентированный характер всегда был для меня особенно привлекательным.

Немаловажную роль сыграл и правозащитный фактор. Опыт участия в создании и функционировании Национального превентивного механизма в Казахстане, работе общественно-наблюдательных комиссий, посещении пенитенциарных учреждений и органов пробации, взаимодействии с правозащитной общественностью, руководством МВД и КУИС МВД РК позволил мне наглядно увидеть, как изменения в правовом статусе осужденных и в содержании уголовно-исполнительной деятельности становятся индикаторами трансформации уголовной политики государства в целом.

Кроме того, именно с проблематикой уголовно-исполнительного права была связана атмосфера дискуссий на многочисленных научно-практических конференциях, проходивших в последнее десятилетие в Казахстане, России и других государствах, где мне посчастливилось быть не просто гостем, но и докладчиком, выступавшим с предложениями законопроектного характера. Эта атмосфера, кстати говоря, в полной мере царила и на XIV Российском конгрессе уголовного права в МГУ имени М. В. Ломоносова в мае 2024 г., на пленарном заседании которого мне довелось выступать с докладом.

Не могу не отметить и роль личности практика, я имею в виду Петра Николаевича Посмакова, экс-председателя Комитета уголовно-исполнительной системы МВД и Министерства юстиции Республики Казахстан. П. Н. Посмаков – харизматичный и энергичный человек, возглавлявший УИС Казахстана в сложный период ее существования. В это время решались многочисленные организационно-управленческие задачи модернизации системы, сокращения численности «тюремного населения», внедрения новых форм и методов работы с осужденными, а также выстраивания диалога с институтами гражданского общества. Со всеми этими задачами П. Н. Посмаков успешно справлялся, и на примере его деятельности я видел прикладное решение прежде всего уголовно-исполнительных проблем.

Непосредственное знакомство с «живой» практикой уголовно-исполнительных отношений давало возможность поиска новых концептуальных парадигм. Все это в совокупности и обусловило приоритет моего научного интереса именно в сфере уголовно-исполнительного права.

– Как Вы считаете, в современном уголовно-исполнительном праве (уголовно-исполнительной политике) какие направления сейчас наиболее актуальны? Что требует более детального изучения?

– Благодарю Вас за вопрос. В своих исследованиях я часто обращаю внимание на системный характер проблем уголовной политики современного Казахстана. Немалая часть этих проблем непосредственно касается уголовно-исполнительной деятельности и ее правового регулирования. Когда-то, на рубеже XX и XXI веков, мы начали кропотливую работу по сокращению численности «тюремного населения» и развитию системы альтернатив лишения свободы, и это дало свои результаты. Казахстан, надеюсь, безвозвратно утратил почетное «лидерство» по удельному весу заключенных и сегодня находится где-то на 100-м месте в мире по данному показателю. Несомненно, это позитивный фактор.

Однако во многом наша уголовно-исполнительная система сохраняет традиции милитаризации и военизированного уклада организации жизнедеятельности осужденных.

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

Фактически это вчерашний день ее истории. Думается, что сохранять подобные издержки в настоящем и будущем нелепо и бессмысленно. Как представляется, на протяжении многих десятилетий уголовно-исполнительной системе не хватало учета гуманитарного, человеческого фактора. Отсюда и происходит своеобразное «шараханье» из одной крайности в другую: то сохраняются строевые марши осужденных и их казарменный быт, то устанавливаются камеры видеонаблюдения и внедряются технологические новинки в пенитенциарных учреждениях, которые, увы, нередко выводятся из строя самими осужденными и пока что неэффективно влияют на условия их содержания.

Полагаю, что одной из ключевых проблем уголовно-исполнительной деятельности является формирование новой ценностной парадигмы администрации и персонала органов и учреждений, исполняющих наказания. Сущность этой парадигмы заключается в убежденности в том, что данная деятельность направлена на создание условий для социальной реинтеграции осужденных в интересах обеспечения безопасности общества и государства, а также защиты прав и свобод человека. Подобное ценностное изменение требует приоритетного учета человеческого фактора, тогда как различные технологии должны играть вспомогательную, подчиненную роль.

Разумеется, одной из наиболее актуальных проблем уголовно-исполнительного права остается проблема минимизации рецидивной преступности. К сожалению, пока ее не удалось разрешить ни в Казахстане, ни в России. Впрочем, она остается нерешенной и во многих других государствах, в том числе в США. Необходим тщательный учет показателей повторной преступности, включая данные о пенитенциарном рецидиве, а также исследования, позволяющие выявлять наиболее оптимальные методы воздействия на детерминанты рецидивной преступности. Данная проблема, в свою очередь, тесно связана с эффективностью исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия и затрагивает различные аспекты изучения личности осужденных. Для обеспечения эффективного уголовно-исполнительного регулирования необходимо понимать внутренний мир и социально-психологические особенности современных осужденных, особенно находящихся в местах лишения свободы.

Особую роль в таком познании играет инструментарий переписи осужденных. В связи с этим следует приветствовать и поддерживать накопленный в Российской Федерации опыт организации и проведения подобных переписей. Значительный вклад в формирование этого опыта внесли мои российские коллеги под научным руководством профессора В. И. Селиверстова. Представляется целесообразным использование данного инструментария и в уголовно-исполнительной системе Казахстана.

Не могу не отметить и глобальную проблему эффективности ресоциализации осужденных. К сожалению, сегодня ресоциализация нередко выглядит как старинный фрегат без парусов, то есть как процесс, не обеспеченный внятным и работающим механизмом. В результате она часто буксует на практике, а это буксование, в свою очередь, способствует росту повторной преступности. В числе значимых проблем уголовно-исполнительной деятельности следует также назвать вопрос оптимального привлечения осужденных к оплачиваемому труду. При этом я не имею в виду устоявшийся канцелярит вроде «трудоиспользования» или «трудозанятости», отражающий сугубо функционально-инструментальный, обезличенный подход к человеку. Речь идет о создании реальных возможностей для привлечения осужденных к такому труду, который обеспечивал бы достойный уровень жизни и формировал устойчивую трудовую мотивацию в их будущей жизни за пределами пенитенциарных учреждений.

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

О значении организации труда осужденных пишут и мои российские коллеги, в том числе профессор В. А. Уткин. Однако необходимо четко понимать, что привлечение осужденных исключительно к примитивным видам труда вряд ли способно обеспечить их полноценную ресоциализацию. Необходимо создавать условия для проявления ими профессиональных качеств, способностей и творческого потенциала в разнообразных видах трудовой деятельности. Мировой опыт убедительно свидетельствует о том, что возможность трудиться с учетом интересов и способностей, получая при этом достойное вознаграждение, является одним из ключевых условий успешной социальной реинтеграции лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Несомненного внимания заслуживают также вопросы совершенствования механизмов участия институтов гражданского общества в оказании помощи осужденным в процессе их ресоциализации, проблематика обеспечения прав и законных интересов уязвимых категорий осужденных, а также противодействие рискам радикализации в пенитенциарных учреждениях. Я много лет занимаюсь данной тематикой и неоднократно поднимал вопрос о необходимости изменения уголовно-исполнительного законодательства Казахстана в части, касающейся запрета на открытие и функционирование в пенитенциарных учреждениях помещений для отправления религиозных обрядов и таинств. Опасения, что исключение данного запрета приведет к росту радикализации среди осужденных, представляются наивными. Напротив, его сохранение нередко провоцирует конфликты между осужденными различных религиозных взглядов и персоналом учреждений, чем пользуются лидеры радикальных группировок, настраивающие осужденных против деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Представляется целесообразным также создание службы пенитенциарных священнослужителей по примеру Беларуси и ряда других государств, что позволило бы реализовать рекомендации Правил Нельсона Манделы.

Иными словами, существует значительное число аспектов и проблемных ситуаций, связанных с уголовно-исполнительной деятельностью и уголовной политикой, которые требуют пристального внимания юридической науки и практики. Большинство моих коллег, полагаю, согласились бы с тезисом о недопустимости возвратного роста «тюремного населения». Как в свое время убедительно показал Нильс Кристи, такой рост не имеет под собой социально-криминологических и психологических оснований. Достаточно взглянуть, например, на Турцию: еще 20 лет назад численность заключенных там составляла около 50 тыс. человек, тогда как в настоящее время она достигла порядка 420 тыс. человек, то есть увеличилась более чем в восемь раз. Очевидно, что это не связано с восьмикратным ростом преступности; подобное ужесточение уголовной политики служит решению иных внутренних задач государства и его политического режима.

С учетом современных трендов развития цифровых технологий требуется глубокое и всестороннее исследование путей внедрения инструментов искусственного интеллекта в уголовно-исполнительную деятельность. Такое внедрение должно сопровождаться тщательной научной проработкой, поскольку принятие ключевых решений в сфере исполнения наказаний должно оставаться прерогативой человека, а не машины.

Таким образом, современная уголовная политика, уголовно-исполнительное право и практика исполнения наказаний сталкиваются с целым комплексом вызовов, на которые юридическая наука и практика способны и обязаны дать взвешенный и гуманистически ориентированный ответ.

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

– Как Вы оцениваете современное состояние уголовно-исполнительной науки?

– Современная наука уголовно-исполнительного права в Казахстане и России имеет солидный доктринальный фундамент, сложившийся еще в советскую эпоху. Именно тогда формировались научные школы, занимавшиеся исследованием вопросов, актуальных и в наши дни. Вполне естественно, что существует преемственность научных школ и идей, которые продолжают свое развитие в настоящее время. Наглядным примером тому является томская школа А. Л. Ременсона.

В то же время нельзя не отметить особенность, влияющую на состояние науки уголовно-исполнительного права. В Российской Федерации, помимо гражданских вузов, она успешно развивается в сфере ведомственной исследовательской деятельности. Иными словами, под эгидой ФСИН России на базе многочисленных ведомственных вузов в Рязани, Самаре, Новокузнецке и других городах осуществляются научно-прикладные исследования в области уголовно-исполнительной деятельности.

В Казахстане на данный момент существует лишь одно ведомственное учебное заведение – Костанайская академия МВД РК, в которой осуществляется целенаправленная подготовка и переподготовка кадров для уголовно-исполнительной системы страны. Разумеется, этого недостаточно. Вместе с тем хотел бы обратить внимание и на позитивный момент. Руководство КУИС МВД РК в лице заместителя министра внутренних дел Республики Казахстан – Председателя КУИС А. С. Кайырбекова уделяет серьезное внимание содружеству науки и правоприменительной практики. Кроме того, заместитель Председателя КУИС МВД РК Б. М. Садыбеков имеет многолетний опыт исследовательской деятельности в уголовно-исполнительной сфере, является обладателем ученой степени кандидата юридических наук и хорошо понимает необходимость научного и концептуального обеспечения стратегических направлений развития уголовно-исполнительной системы Казахстана.

Дальнейшее совершенствование потенциала науки уголовно-исполнительного права в Республике Казахстан, неотделимо от сохранения и поддержания прочных творческих и деловых связей с научными школами, существующими в Российской Федерации, а также с центрами ведомственной науки, активно занимающимися осмыслением социально-правовой реальности в рамках функционирования учебных заведений ФСИН России. За последние несколько лет я стал участником многих научно-практических конференций, проводимых в вузах ФСИН России, и лично познакомился, а также установил профессиональные контакты с рядом известных ученых-пенитенциаристов, таких как мой сегодняшний интервьюер Ф. В. Грушин, а также М. В. Немойкин, С. А. Сивцов, А. П. Скиба, П. В. Тепляшин, А. В. Шеслер и с другими исследователями, вносящими значительный вклад в развитие науки уголовно-исполнительного права. Именно в этом сотрудничестве и творческом взаимодействии я вижу залог успешной трансляции накопленного богатого опыта науки уголовно-исполнительного права и его использования в решении наших общих проблем сегодняшнего дня.

– Как Вы оцениваете действующий УИК РК? Требуется ли он обновления или необходимо принять новый кодекс?

– Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан – это основной закон, регулирующий уголовно-исполнительную деятельность. Действующий УИК РК вступил в силу в январе 2015 г. Должен отметить, что я критиковал его положения еще на стадии проекта, и, к сожалению, до настоящего времени сохраняется определенная рассогласованность между УК и УИК Республики Казахстан.

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

С момента введения в действие Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан было принято 53 закона о внесении в него изменений и дополнений, и это за немногим более чем десять лет. Точное количество изменений в уголовно-исполнительное законодательство сложно поддается учету, поскольку разными законами вносилось различное число поправок. В целом же это отчетливо указывает на неустойчивость и нестабильность уголовно-исполнительного законодательства, последствия которых испытывает на себе уголовно-исполнительная система.

Кроме того, столь значительное количество изменений свидетельствует об их паллиативном, а не концептуальном характере, что едва ли способствует эффективному выполнению задач уголовно-исполнительной деятельности. Означает ли это, что Казахстану необходим новый Уголовно-исполнительный кодекс? Я, откровенно говоря, не уверен, что его принятие станет панацеей от всех существующих проблем. Помимо этого, принятие нового кодифицированного закона – мероприятие дорогостоящее и ресурсозатратное, а кроме нормативного акта существует еще и реальная правоприменительная практика, уголовно-исполнительные общественные отношения, правосознание и ценностные ориентации сотрудников УИС.

Иными словами, без системного и научно обоснованного подхода здесь обойтись невозможно. Я не считаю, что первостепенной задачей сегодняшнего дня является именно принятие нового УИК РК. Вместе с тем убежден, что назрела необходимость существенных и именно концептуальных изменений, касающихся как содержательной части УИК РК, так и ряда аспектов юридической техники. Необходимо обеспечить последовательную имплементацию международных правовых актов ООН в уголовно-исполнительное законодательство Казахстана, создать концептуальный и организационно-правовой механизм ресоциализации осужденных, разработать инструментарий оценки эффективности пробационного контроля и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Следует отметить, что в настоящее время руководство КУИС МВД РК занимается вопросами подготовки новой Концепции развития уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан до 2030 года, которая, несомненно, окажет влияние не только на пенитенциарную практику, но и на состояние целого ряда норм и институтов уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан.

– Как Вы считаете, что можно позаимствовать в зарубежных странах для нашей уголовно-исполнительной системы или что мы можем предложить миру в качестве передового опыта в сфере исполнения наказаний?

– Несомненно заслуживает внимания и тщательного изучения передовой зарубежный опыт осуществления уголовно-исполнительной деятельности. Как ученый и как представитель институтов гражданского общества Казахстана полагаю, что особый интерес представляет зарубежный опыт обеспечения ресоциализации осужденных и привлечения их к оплачиваемому труду. Так, в Италии, Франции и некоторых других государствах осужденные трудятся даже на высокотехнологичных производствах, изготавливая продукцию всемирно известных брендов одежды, обуви и т. п. Примечательно то, что после освобождения они продолжают трудовую деятельность на данных предприятиях, успешно реинтегрируясь в общество.

За рубежом широко используются различные программы ресоциализации осужденных, вплоть до программ обучения навыкам распоряжения свободным временем. Эти

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

программы ориентированы на учет потребностей осужденных, интересов общества и государства. К сожалению, они практически неизвестны в Казахстане. Несомненно заслуживает внимания и опыт участия институтов гражданского общества в оказании социальной, правовой и иной помощи осужденным. Так, в Японии количество общественных помощников службы защитного надзора (пробации) многократно превышает численность государственных служащих, занятых в этой системе. При этом успешно реализуются различные способы мотивации участия гражданского общества в ресоциализации осужденных.

Что касается вопроса о том, может ли наш опыт быть интересен зарубежным государствам, то я отвечу на него так: каждая страна, в том числе и Казахстан, имеет определенные достижения в уголовно-исполнительной сфере, и в некоторых вопросах мы даже превосходим отдельные страны, на которые часто принято ссылаться. Например, в Казахстане наказание в виде пожизненного лишения свободы неприменимо к женщинам и несовершеннолетним, а также к лицам старше 63 лет. В США и Великобритании, напротив, женщины и несовершеннолетние отбывают пожизненное лишение свободы, и численность этих категорий осужденных в пенитенциарных учреждениях за последние десятилетия непрерывно растет. Считаю, что в Казахстане избран более гуманный, по сравнению с указанными государствами, подход, исключающий применение и исполнение пожизненного лишения свободы в отношении осужденных отдельных категорий.

Наряду с этим интересен более чем десятилетний опыт Казахстана в сфере деятельности Национального превентивного механизма. Он предусматривает регулярные независимые посещения пенитенциарных учреждений участниками НПМ, и практика таких посещений уже сложилась. Более того, их результаты включаются в ежегодный Консолидированный доклад и так или иначе влияют на изменение правового положения осужденных. Как многолетний участник НПМ могу заверить, что упомянутые посещения проводятся не «для галочки»: они позволяют выявлять серьезные недостатки и проблемы, на которые честно указывается в отчетах по итогам посещений. Думаю, что этот опыт может быть полезен другим государствам, особенно тем, кто только формирует инструментарий общественного контроля в своем законодательстве.

Не могу не отметить и то, что в декабре 2025 г. в Казахстане было открыто воспитательное учреждение для несовершеннолетних правонарушителей, в котором обеспечено максимальное соответствие рекомендациям международных стандартов ООН по обращению с несовершеннолетними правонарушителями, а также задействованы современные технологии. Это стало возможным в рамках реализации государственно-частного партнерства, поскольку на строительство данного учреждения были привлечены средства бизнес-сообщества и не было израсходовано ни одного тенге бюджетных ресурсов. Полагаю, что этот опыт также может быть интересен различным зарубежным государствам.

– Как Вы оцениваете реализацию в Казахстане системы пробации?

– Казахстан стал первой страной в регионе Центральной Азии, где была создана система пробации. Однако фактически из четырех моделей пробации, предусмотренных законодательством Республики Казахстан, работает только одна – модель приговорной пробации, охватывающая исполнение наказаний без изоляции от общества. Согласно официальным данным КУИС МВД РК, среди лиц, находящихся на пробационном контроле, 70,6 % составляют осужденные к ограничению свободы; 13,8 % – осужденные,

лишенные права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. При этом удельный вес условно осужденных составил 11,8 %. Доля лиц, отбывающих наказание в виде привлечения к общественным работам, составила 1,7 %. Осужденные с отсрочкой отбывания наказания составляли 2,1 %, в то время как численность осужденных к исправительным работам была равна 0,03 %.

Эти данные свидетельствуют о неоправданном перекосе карательной практики, при котором пробация, по существу, сосредоточена вокруг лишь одного наказания – ограничения свободы. Досудебная пробация фактически не работает, поскольку отсутствует ее уголовно-процессуальный алгоритм. Пенитенциарная пробация реализуется не в полном объеме, так как в соответствии с рекомендациями Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правил Нельсона Манделы) программы социальной реинтеграции осужденных в местах лишения свободы должны совместно осуществляться сотрудниками органов пробации и администрацией пенитенциарных учреждений. Такая деятельность в настоящее время не проводится, и администрация учреждений нередко выдает за пробационные мероприятия обычный набор традиционных мер воспитательно-профилактического воздействия, которые регулярно проводились в местах лишения свободы и ранее.

К сожалению, не функционирует должным образом и постпенитенциарная пробация, поскольку из-за ошибочных управленческих решений прежнего руководства МВД РК из числа адресатов пробационного воздействия совершенно необоснованно были исключены лица, находящиеся на административном надзоре после отбытия наказания в виде лишения свободы.

Просчеты и ошибки, а также методологические и организационные упущения незамедлительно сказались на общем состоянии пробационной практики в нашей стране. Так, в частности, доля лиц, совершивших тяжкие преступления и находящихся на пробационном контроле, составила 65,5 %. При этом удельный вес осужденных за преступления средней тяжести был равен 22,1 %. Подобная практика противоречит рекомендациям международных стандартов ООН, в соответствии с которыми пробационный контроль рассчитан прежде всего на лиц, совершивших сравнительно неопасные преступления.

Эти проблемы подробно освещены в моей монографии «Правовое регулирование пробации в законодательстве Республики Казахстан: современное состояние, проблемы и перспективы» (Астана, 2023). Профессор В. А. Уткин в своем выступлении на IV Петербургской пенитенциарной конференции 17 мая 2024 г. образно отметил, что «исследование К. Х. Рахимбердина я бы назвал реквиемом казахстанской пробации».

Более того, над системой пробации в Казахстане некоторое время висела угроза ее передачи в Комитет административной полиции, что, на мой взгляд, могло бы привести к фактическому разрушению пробации. По поручению Министра МВД РК Е. С. Саденова я подготовил экспертное заключение, в котором проанализировал негативные последствия такого шага, а также причины и проявления кризисного состояния казахстанской пробации. Заключение принесло свои плоды: руководство МВД РК сделало соответствующие выводы, и вопрос о передаче органов пробации в Комитет административной полиции был снят. Думаю, читатели согласятся, что в данном случае диалог между академической наукой и руководством органов государственной власти не только состоялся, но и оказался результативным.

К сожалению, системные проблемы пробации в Казахстане пока не решены. Следует отметить, что в Казахстане, так же как и в России, действует Закон о пробации,

ИНТЕРВЬЮ С ВЕДУЩИМИ УЧЕНЫМИ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТАМИ

однако пути развития probation в наших странах имеют существенные различия. Казахстанская probation изначально складывалась как форма посткриминального контроля за осужденными; в уголовном законодательстве она закреплена как содержательный элемент наказания в виде ограничения свободы (ст. 44 УК РК). Это решение казахстанского законодателя было ошибочным, поскольку нелогично смешивать карательный институт наказания и институт посткриминального контроля, меры которого не имеют карательного содержания. В дальнейшем данный контроль попытались соединить с мерами ресоциализации осужденных, поэтому probation посвящены не только отдельный закон, но и соответствующие нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

В России ситуация оказалась несколько иной: разработчики закона о probation не стали вносить изменения в УК РФ и УИК РФ. Саму probation определили как систему ресоциализации осужденных и оказания им различной социально-правовой помощи. При этом дискуссионными остаются вопросы о правовой природе probation в России и о том, как соотносятся в ней профилактическое воздействие на осужденных и содействие в оказании им помощи. Об этом, в частности, шла речь на XIV Российском конгрессе уголовного права в МГУ имени М. В. Ломоносова в мае 2024 г.

– Что бы Вы могли посоветовать молодым ученым, которые только начинают свой научный путь? Как им пройти все стадии с учетом современных трудностей, связанных с защитой диссертации?

– Отвечая на этот вопрос, не могу не вспомнить слова Карла Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот достигает ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам». Думаю, лучше и не скажешь. Их смыслом должны проникнуться прежде всего молодые исследователи. Путь в науку сегодня непростой: регулярно ужесточаются требования к защите кандидатских и докторских диссертаций. Путь в юридическую науку не сулит попадания в списки Forbes, и для достижения успеха необходимы любовь и преданность этой науке. Нужно быть в таком состоянии, когда ты и дня не можешь провести без размышлений над исследовательской темой.

Необходимо постоянно шлифовать свое мастерство: писать статьи, выступать на научно-практических конференциях, заявлять о себе и ни в коем случае не опускать рук. Следует помнить и о том, что нельзя замыкаться только на уголовно-правовых и уголовно-исполнительных нормах. Необходимо глубоко понимать теорию, знать концептуальные подходы, сложившиеся в науке, и конечно практику уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования.

В условиях стремительно меняющегося мира молодым исследователям важно выходить за пределы национальных границ научного знания. Изучение иностранных языков открывает прямой доступ к мировому опыту пенитенциарной деятельности, позволяет видеть альтернативные модели и практики, а главное – делает возможным живое профессиональное сотрудничество с ведущими научными центрами и экспертными сообществами.

Наконец, я бы советовал ориентироваться на опыт учителей: уважение этого опыта, творчество и напряженный кропотливый труд рано или поздно дадут свои результаты. Дорогу, как известно, осилит идущий.

– Как Вы боретесь с плохим настроением?

– По своей натуре я человек увлеченный, поэтому стараюсь, чтобы каждая минута свободного времени была наполнена чем-то интересным и полезным. Уже более 25 лет вместе с семьей я занимаюсь садоводством, ухаживаю за дачей – это дает ощущение гармонии, связи с природой и внутреннего равновесия.

Одним из моих давних увлечений является фалеристика. Я собираю военные знаки и награды периода Великой Отечественной войны, в особенности знаки серии «Отличник». Эти знаки были учреждены советским правительством в 1942–1943 гг., всего существует 28 их видов по основным воинским профессиям: «Отличный снайпер», «Отличный танкист», «Отличный минер» и др. Каждый такой знак – это не просто предмет коллекции, а подлинное произведение искусства со своей историей. Мечтаю со временем собрать полную такую коллекцию.

С детства люблю читать, особенно книги по истории и культуре народов мира. Стараюсь не забывать и о физической активности, в настоящее время регулярно играю в настольный теннис. Я убежден, что уныние и хандра отравляют жизнь не только самого человека, но и его близких, поэтому стараюсь сознательно не поддаваться плохому настроению, находя опору в деле, движении, знаниях и общении с семьей.

– Хотите ли Вы сами что-то добавить для читателей нашего журнала?

– Пользуясь случаем, хотел бы пожелать редакции авторитетного журнала «Уголовно-исполнительное право», его творческому коллективу и всем уважаемым читателям благополучия и счастья в наступившем 2026 г., крепкого здоровья и новых профессиональных и творческих достижений. Пусть над нами всегда будет мирное небо, а в домах – тепло и взаимное понимание. Берегите себя и своих близких.

– *Уважаемый Куат Хажумуханович, спасибо большое за интересное интервью, поздравляем Вас с прошедшим юбилеем и желаем Вам творческих успехов в научно-исследовательской деятельности и крепкого здоровья!*

– Спасибо и Вам, Федор Владимирович.

Информация об авторе

Ф. В. Грушин – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник.

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 15.06.2026.

The article was submitted 28.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 2072-2427

9 772072 242008

2 6 2 1 2 >

